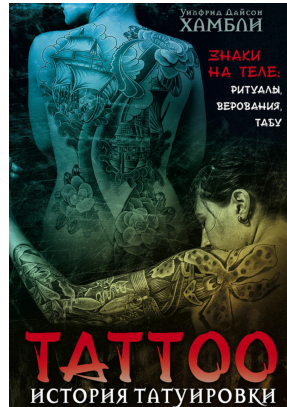

История татуировки. Ритуалы, верования, табу

Введение

Читателям, знакомым с содержанием известной книги Вильгельма Йоста «Татуировка» (*Die Tätowierung*), дополнительные сведения о нанесении меток на тело могут на первый взгляд показаться лишними. Однако это не так. Йост занимался в основном технологическими аспектами нанесения красок, татуировки и шрамирования, без ссылок на более поздние научные изыскания, которые выявили существование табу, церемониалов и верований, формирующих смысл татуировки тела на Новой Гвинее, Борнео, в Ассаме и Северной Америке.

Ввиду появления существенной информации в области этнологических исследований, а также связи татуировки с такими родственными предметами, как охота за головами и тотемизм, возникла необходимость в детальном рассмотрении всех этих вопросов. Исследования велись в психологической, социологической и исторической областях. Технологические проблемы дизайна, мотива, цвета, перспективы и т. д. приведены в главе 4.

Меньше всего трудностей представляют психологические, социологические и эстетические аспекты, поскольку нанесение отличительных знаков на тело как умственный и социальный процесс образует часть единого целого, включающего тотемизм, экзогамию и поиск бессмертия. Это гармоничное единство магических и религиозных верований иллюстрирует взгляды У. Риверса, считавшего, что существует логика примитивного, хотя его предпосылки могут быть неверными из-за отсутствия системы естественных наук.

Исторический аспект намного сложнее. Можно сказать, что в нем существуют практически нерешаемые проблемы, поскольку рассмотрение археологических свидетельств и артефактов – татуированных женских фигур и использования красной охры в захоронениях – уводит исследователя далеко за пределы узких границ 6000 лет документированной истории в туманные дали палеолита. Рассмотрение древних традиций нанесения знаков на тело в таких мировых культурных центрах, как Вавилон, Египет, Перу, Мексика и Китай, выявляет много интересных фактов и в дополнение показывает обоснованную последовательность миграции татуировок. В XIII–XIX вв. не было недостатка в датированных свидетельствах, относящихся к существованию татуировок. Но ранние авторы довольствовались случайными ссылками или, в лучшем случае, описывали технику и *modus operandi*. Только в конце XIX в. имели место антропологические исследования, снабдившие нас знаниями о табу, ритуалах и верованиях, связанных с нанесением знаков на тело. Обряды обеспечили нас свидетельствами миграции культуры, в противовес более ранней идее о духовном единстве, явившемся причиной появления идентичных верований, табу и практик в удаленных друг от друга точках по всему земному шару.

Малиновский в обзоре миграций культуры, описанных в «Детях Солнца» (*The Children of the Sun*), «Мегалитической культуре Индонезии» (*Megalithic Culture in Indonesia*) и «Миграциях ранней культуры» (*The Migrations of Early Culture*), считает возможным компромисс между исторической и этнологической школами. В этой связи я полагаю, что существует полезное значение, в котором

термин «физическое единство» может быть использован для выражения единообразной эмоциональной тенденции, включая любопытство относительно будущей жизни, самоутверждение, симпатию, силу внушения и внушаемость. Все эти аспекты умственной деятельности являются общими для древнего человека, а некоторые из них заметны и в сегодняшних его потомках.

Эта общая эмоциональная тенденция объясняет быстрое распространение культур, особенно когда они через определенные аспекты и доктрины удовлетворяют настойчивое стремление человека к приобретению или сохранению им социального статуса, дают ответ на вопрос относительно жизни после его физической смерти, предлагают средства освобождения от демонов, боли или болезни, показывают безопасный переход от подросткового возраста к зрелости, предоставляют позитивные средства привлечения удачи и уклонения от зла. Все это лишь часть того, что предлагают распространенные по всему миру системы нанесения знаков на тело.

Однако при использовании метода глобального обзора внешнее сходство может привести к поспешным обобщениям. Для формирования основ философских и исторических теорий чрезвычайно важно проведение скрупулезной работы в отдельно взятых регионах среди народов, принадлежащих к родственным культурам. Но социологические, психологические и исторические исследования могут быть успешными только в том случае, если все их аспекты до мельчайших деталей будут рассматриваться на широком антропологическом фоне. Если фрагменты системы не сочетаются, толку от них не больше, чем от отдельных картинок в пазле. Изолированное исследование служит источником для несвязанных и нередко противоречивых теорий и суждений.

Вестермарк, не игнорируя магических и религиозных аспектов татуировки, подчеркивает связь ее нанесения с понятием сексуального импульса. Йост, ссылаясь на существующие на Самоа практики, отрицает религиозное значение татуировки, легко опровергая легенды о ее божественном происхождении и нанесении исключительно священнослужителями. Он рассматривает рисунок как украшение и инсектицид. Синклер с его экстенсивными исследованиями связывает нанесение меток на тело с проявлением религиозных и патриотических чувств. Ломброзо считает татуировку одним из криминальных атавизмов. Лакассаня больше интересовали медицинские аспекты, связанные, по его мнению, с неразвитым эмоциональным темпераментом человека. Капитан Ф.Р. Бартон полагает, что татуировка в Тихоокеанском регионе была основана на религиозных импульсах. Брюстер, прожив двадцать лет на Фиджи, придает особое значение рисункам на теле, которые якобы являлись ключом к решению множества исторических и этнологических проблем. Хаддон отмечает связь между тотемизмом и тату. Религиозную движущую силу последней признают Х. Вуттке и Вайц Гурланд, но М.К. Марквардт не думает, что это не свойственно для Самоа.

Фрэйзер утверждает: «Девушек, достигших половой зрелости, татуируют не только для красоты. Дикари явно считают этот обычай оберегом против опасностей, которые могут им встретиться на жизненном пути».

Теории, касающиеся происхождения и стимулов для развития татуировки, естественно, варьируются в зависимости от изучаемого региона. Если речь не шла о табу и ритуалах или о каких-то особых верованиях, то желание украсить себя – поверхностное, но зато самое легкое объяснение нанесения знаков на тело. Однако у любого исследователя этого явления существуют трудности: языковые, с которыми не всегда справляется даже хороший переводчик, а также молчаливость и скрытность – естественные стражи полезных магических и религиозных церемоний, влияние которых якобы сохраняется и после их прекращения.

Если в 1888 г. Бакленд привлек внимание к географии распространения татуировки, то позднее Эллиот Смит заявил о важности изучения как признака кочующих родственных культур.

Полезные в определенной местности практики и верования могут приходить в упадок, часть из них может исчезнуть или, наоборот, по каким-то необъяснимым причинам выжить. Но нанесение знаков на тело, по большей части связанное с попытками обеспечить себе место на небесах, приобрести *rite de passage* из одного социального статуса в другой, сохранить классовые привилегии и т. д., является практически целостной системой. Сходство (часто идентичность), распространение и практическое значение входящих в эту систему ритуалов, табу и верований в примитивном обществе и стало предметом обсуждения на страницах этой книги.

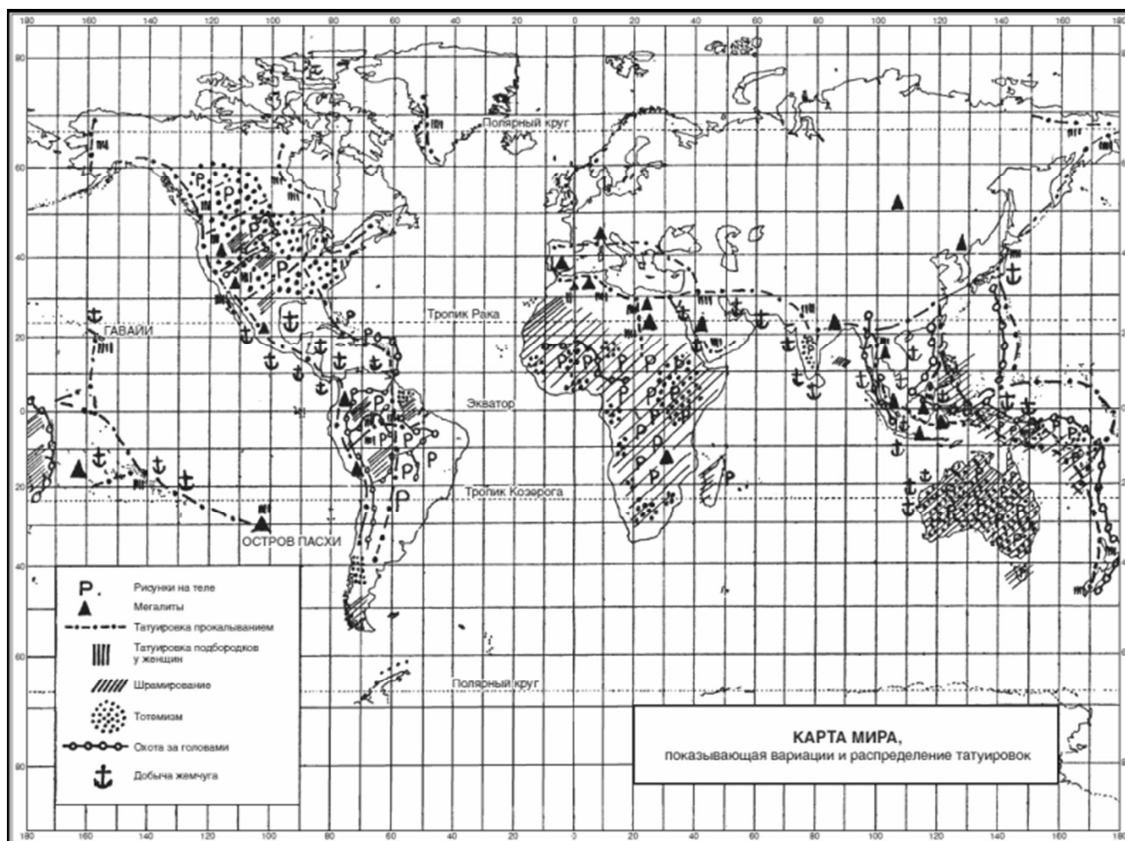
В главе 3 одновременно рассмотрены главные разновидности нанесения знаков на тело – рисунок краской, татуировка прокалыванием и шрамирование. Естественно, рисунок явился первой техникой татуировки, появившейся еще в палеолитические времена, когда широко использовалась красная охра. Татуировка прокалыванием, вероятно, была изобретением некоего гения, который увидел в ней способ сделать магическое и религиозное раскрашивание тела более постоянным. Я считаю, что шрамирование имело терапевтическое происхождение, но нетрудно выявить связь между этой формой нанесения знаков, ритуалами и табу. Возможно, это произошло от контакта с собственно татуировкой, а результатом стал переход ритуалов, верований и табу от одной формы техники к другой. В целом верования, связанные со шрамированием, менее разнообразны, а церемониалы и табу – не так четко выражены, как в случае нанесения рисунка или татуировки прокалыванием.

В следующих главах основой классификации знаков, независимо от конкретной техники и нанесения, стали связанные с ними верования, ритуалы и табу. Их одинаковость является очевидным свидетельством миграции культуры. Представляется маловероятным, что разные идеи, рассмотренные в главах 1–3, могли независимо возникнуть во множестве далеко отстоящих друг от друга мест. Есть четкие свидетельства локальной миграции рисунков.

Мой интерес к рассматриваемому предмету был вызван изучением племенных, терапевтических и защитных знаков в англо-египетском Судане, а также рассмотрением разнообразных рисунков на телах солдат и матросов в Галлиполи, на Мальте и во Франции.

Приведенный далее краткий библиографический очерк, посвященный истории татуировки, может помочь лицам, интересующимся ею, выбрать наиболее полезные для тех или иных исследований книги.

Ссылки на нанесение знаков на тело довольно часто встречаются в литературе XIII–XIV вв., но первые путешественники обычно лишь упоминали о внешних формах тату, не исследуя связанные с ними ритуалы и верования. Так, испанские путешественники для обозначения татуированных тел использовали слово *pintado*. В английском языке слово «тату» появилось лишь в конце XVIII в., поэтому исследователь может сомневаться относительно природы знаков на теле. Генри Иббот, гардемарин с британского корабля «Дельфин», в 1767 г. писал о гаитянах следующее: «Одна вещь представляется мне замечательной, ни о чем подобном я раньше не слышал: и у мужчин, и у женщин зад зачернен, что сделано уколами». Здесь мы видим технику, но связанный с татуировкой ритуал так и остался неизвестным. Лейхардт рассказывает о туземцах, которых он встречал на полуострове Йорк: «У них на груди горизонтальные шрамы». Стерт говорит о местном населении Муррумбиджа: «Они раздирают свое тело, шрамы – их главное украшение. На Муррее туземцы воинственны, у некоторых ребра, бедра и лица разрисованы белой краской, у других измазаны красной и желтой охрой. Там еще были разрисованные белым женщины с грузом дротиков». Ганс Штаде, находившийся в плену в Бразилии в 1547–1555 гг., тоже кратко упоминает о татуировках: «Они уродуют себя рисунками. Они раскрашивают своих пленных, после чего танцуют вокруг и осмеивают их». В трудах ранних миссионеров, в первую очередь иезуитов, тоже есть упоминания о знаках на теле. Подобные ссылки есть у Маркетта и Ла Салля. Кранц описывает татуировку в Гренландии, а Добрицховвер – в Парагвае в середине XVIII в. Посол Симс утверждает: «Бирманцы наносят татуировки на руки и бедра – это всевозможные фантастические узоры и фигуры, которые они считают оберегом против оружия своих врагов».

Все это подтверждает важность процесса нанесения знаков на тело, который существует даже сегодня и во многих местах сопровождается сложными ритуалами, о которых оставили свои воспоминания миссионеры XIX в. Преподобный Джон Уильямс утверждает, что женщины Самоа вызывали появление волдырей на коже, чтобы сохранить навсегда память о некоторых важных событиях или любимых, но умерших родственниках, – например, тепло из Раратонга нанес татуировку после смерти своего девятого ребенка. С течением времени в результате усиления интереса путешественников к этнологии их внимание привлекли туземные верования и ритуалы: Джон Чалмерс поведал информацию, касающуюся особенностей татуировок в юго-восточной Новой Гвинее в 1878–1886 гг., занимательный рассказ о ритуале, связанном с татуировкой на Самоа, привел Дж. Б. Стэр (1897), что представляется тем более важным, поскольку Марквардт (1899), уделив большое внимание технике, ничего не сказал о ритуале. Описание специальной церемонии окропления для татуированных оставил Стэр: «Вечером накануне ритуала участники берут зажженные факелы и идут в специальное место, где факелы одновременно гаснут. Приносится бутылка воды и разбивается перед татуированными. На следующий день водой окропляют каждого участника группы, и тогда татуированные и татуировщики разделяются. Этот обычай использовался, как и в ряде других случаев, чтобы снять то, что считалось своего рода святостью, которой обладали недавно татуированные».

Самые интересные и важные рассказы о нанесении знаков на тело в увязке с соответствующими верованиями и ритуалами можно найти в трудах конца XIX и начала XX в. Каждый этнолог приступал к написанию работы, имея определенную цель, вопросы формулировали корректно, с учетом аудитории, а переводчиков выбирали самым тщательным образом. Поэтому итоговые публикации содержат комплексную информацию о собственно татуировках, а также их связи с социальными и религиозными практиками. «Татуировка» Йоста полезна, поскольку содержит описание технологии нанесения всех видов знаков на тело, но пробелы, а местами даже откровенное пренебрежение психологическими и историческими аспектами, которые являются фундаментальными, значительно снижают ценность этого труда.

Глава 1

ЗНАКИ НА ТЕЛЕ И ИХ СВЯЗЬ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ВЕРОВАНИЯМИ И ПРАКТИКАМИ

В этой главе сделана попытка показать взаимосвязь татуировки и других форм нанесения знаков на тело с религиозными верованиями и практиками.

Примитивный человек обращается к сверхъестественным силам посредством позитивных обрядов, которые выполняются со скрупулезной точностью. В то же время он использует ряд негативных обрядов в форме запретов, или табу. Ассоциация таких церемониалов с татуировкой – верный признак важности ее нанесения на тело. Когда в дополнение к предостережению, таинству и ритуалу существуют определенные верования, которые определяют значение тату на небесах, посвящают ее тому или иному божеству, или когда татуировкой занимаются священнослужители, то существование религиозной составляющей в деле нанесения знаков на тело отрицать невозможно.

Поскольку связь между магией и религией весьма спорна, необходимо учесть начальную трудность, связанную с разделением свидетельств, относящихся к татуировке как религиозному отправлению, и тех, которые являются частью магической практики. Мы считаем, что примерами первых являются те, что связаны с вероисповеданием – идеями сверхъестественного существа, жизни после смерти, молитвы и т. д.

Отличными от этих однозначно религиозных практик являются те, которые имеют магическую природу и связаны с болью, удачей, любовными чарами, сохранением молодости, вызовом дождя, ордалиями, опасными предприятиями, смертью, трауром и казнью. Эти важные факторы будут рассмотрены отдельно.

ТАТУИРОВКА И МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Татуировка каянской девушки – серьезная операция, которая выполняется с интервалами, начиная с возраста четырех лет и заканчивая в восемнадцать. В связи с этой практикой существует несколько важных позитивных и негативных обрядов, цель которых – показать связь между татуировкой и сверхъестественными силами. Операцию ни в коем случае не должны производить во время посева или если в доме лежит умерший. Работу прерывали, если татуировщику снилось наводнение – такой сон означал, что пациент может потерять слишком много крови. Татуированная женщина не может есть мясо варана, как и ее муж. Последний вообще разделял с женой все табу до тех пор, пока не родился их первый ребенок. Очень важной у каян была наследственная должность профессионального татуировщика, вернее, татуировщицы. Это занятие накладывало определенные ограничения, означавшие наличие всевозможных опасностей. Как и кузнеца, профессиональную татуировщицу защищал дух-покровитель, и, пока дети художницы были маленькими, она не могла спокойно заниматься своим делом. Судя по всему, здесь речь идет о той же идее, которая легла в основу интересной практики амазонских индейцев нага (и ряда других народов), которая называется «кувад» (couvade). Эти люди верят, что нежную душу ребенка может ранить любое неосторожное действие его отца. Поэтому во время рождения ребенка отец отправляется в постель и там остается, пока душа младенца не станет менее чувствительной. Считалось, что если профессиональная татуировщица не станет соблюдать некоторые ограничения в еде, то она будет наказана ухудшением своего здоровья или обесцвечиванием сделанных ею рисунков.

Нельзя было проливать кровь другого человека, поэтому художница дарила пациенту небольшой подарок – бусы. Если же она забудет об этом церемониальном даре, то ее родителей постигнет неудача, а сама татуировщица ослепнет.

Операцию нельзя было начинать в любое время, когда захочет девушка или ее родители: это могло произойти только на девятый день после появления новой луны. Если первая часть операции выполнена в этот день, впоследствии процесс можно возобновлять в любое удобное время.

Среди каян Батанга татуировку делали не в общем доме, а только в хижине, построенной специально для этой цели. Мужчины из семей девушек, которым наносились татуировки, должны были держать специальную ткань из коры и не выходить из дома, пока операция не завершится. Если кто-то из мужчин – членов семьи отсутствовал, операцию откладывали до его возвращения. Специальный ритуал

жертвоприношения существует у народа лонг глат (Long Glat): женщина, которой наносится татуировка, для художницы каждый день убивает черную птицу.

Факты, касающиеся выполнения церемониалов, подтвердили Хоуз и Бакдугалл, которые долго жили среди каян. Например, последние верят в существование определенной связи нанесения татуировки с возможными несчастьями и вмешательствами свыше; во время операции не только пациент находится в состоянии табу или некой «опасной святости», но и профессиональный татуировщик подвергается особому риску. На все, что связано с пациентом, влияет сверхчеловеческая сила, являющаяся источником опасности для детей художницы, которая охраняет своих отпрысков, соблюдая строгую диету.

Обычной платой за услугу могло быть приношение птицы, но оговорка, что она должна быть черной и становиться жертвой каждый день операции, указывает на искупительную природу дара.

Доктор Фрэйзер заметил, что обычай татуировать женщин детородного возраста, возможно, возник не только с целью их украшения, но и для защиты от таинственных опасностей, которые подстерегали каждого дикаря в этот период жизни. Это предполагает, что табу не связаны напрямую с собственно татуировкой, только в комплексе с такими считающимися опасными для жизни явлениями, как наступление половой зрелости и кровопролитие. Эта гипотеза о табу не объясняет, однако, мер предосторожности, процитированных из «Языческих племен Борнео». Почему считается, что искусство татуировки охраняет дух-покровитель? Почему нельзя делать татуировку во время посева или после сна о наводнении? Последняя предосторожность, а также приостановка операций, если в доме лежит мертвое тело, судя по всему, означают, что сама татуировка является операцией, связанной с повышенной опасностью – смутной и неопределенной. Женщина миновала период половой зрелости, но из-за нанесенных на ее тело знаков она не может есть мясо варана. А если добавить условие, что операцию татуировки можно начинать только на девятый день после появления новой луны, все сказанное указывает на прямую связь акта татуировки и неких сверхъестественных сил, которые могут навредить, если их не умиротворить.

Исследования, проведенные доктором Селигманом среди меланезийцев Новой Гвинеи, ясно показывают тесную связь искусства татуировки с предрассудками и дурными предчувствиями.

Каждая женщина племен, говорящих на языке роро, покрыта татуировками с головы до ног. Операция по их нанесению начинается, когда девочка достигает возраста пяти – десяти лет. Работу выполняет опытная старая женщина, часто родственница, которую за услуги кормят, но больше никак не вознаграждают.

Тела женщин койта покрыты рисунками, такими же, как используют моту, откуда, вероятно, была позаимствована эта практика. Стоит отметить, что существует церемониальный порядок украшения отдельных частей тела. В возрасте пяти лет татуировки наносятся на руки и предплечья. К десяти годам у девочки уже украшены подбородок, нос, нижняя часть живота и внутренние стороны бедер. Грудь, спина и ягодицы татуируются как знак приближения половой зрелости, а V-образные знаки на груди и в верхней части спины, вместе со знаками в нижней части ног, должны быть нарисованы после помолвки. Наконец, есть знаки между пупком и грудью – их наносят, когда достигнуто брачное соглашение.

Среди племен роро, когда девушка достигает брачного возраста, татуировка наносится на оставшуюся часть лица, ягодицы и ноги. Прежде чем перейти к татуировке задней части тела, устраивается небольшой праздник, и в это время выполняют церемониальное бритье головы. По завершении основной части операции родственники девушки устраивают торжество, которое длится пять дней. В последний день «банкета» к рисункам добавляется несколько завершающих штрихов. После окончания церемонии девушка считается достигшей брачного возраста, и ее называют вахо (waho). Молодую леди украшают изделиями из раковин и кости, и в этом пышном убранстве она, как правило, в течение пяти дней сидит на веранде дома своего отца. В этот период ее называют роув (rove). Она может прогуливаться только по центру деревни и не должна выполнять никакой черной работы: ей нельзя копаться в земле и носить воду. Во время еды девушка не должна брать пищу руками. Ей следует пользоваться вилкой, завернутой в черенок бананового листа. Через четыре или пять месяцев, когда у девушки отрастут волосы, она считается готовой к замужеству.

Можно задать вопросы: какая часть церемонии относится к половому созреванию и является оберегом против опасностей, с которыми девушка встречается, становясь женщиной, и что можно приписать непосредственно искусству нанесения знаков на тело? Церемониальный порядок татуировки разных его частей по мере взросления, судя по всему, указывает на веру в то, что это каким-то мистическим образом стимулирует физическое развитие и способствует достижению совершенства. Есть два церемониальных праздника, напрямую связанные с актом нанесения татуировки: небольшое, устраиваемое перед нанесением знаков на заднюю часть тела, и великое – знаменующее завершение всей операции. Имеющиеся запреты на ношение воды и занятие огородничеством могут быть связаны со страхом ухудшить плодородие земли. Что же касается запрета трогать пищу руками, то есть любопытная параллель с воинами маори, которые не должны брать пищу руками, пока выполняется операция моко.

Воин – зрелый человек, поэтому знаки на его тело наносятся как награда за храбрость в бою и отметка о высоком социальном статусе. Табу в этом случае тесно связано с актом татуировки. Вероятно, запрет меланезийской девушке касаться еды руками сразу после завершения таковой тоже не связан с достижением половой зрелости. Если бы именно из-за последней возникала опасность прикосновения к еде, табу должно было бы соблюдаться в процессе всего периода продвижения к половому созреванию, а не только после нанесения татуировщицей последних штрихов.

В отсутствие точных свидетельств от народов, которые выполняют эти ритуалы и соблюдают табу, бесполезно пытаться категорически заявлять, с чем связана опасность: 1) с операцией татуировки; 2) с состоянием половой зрелости; 3) с татуировкой, поскольку она производится в период достижения половой зрелости. Единственный надежный способ – сравнить аутентичные примеры: 1) татуировки в связи с табу и церемониальными обязательствами; 2) татуировки в связи с верой в жизнь после смерти; 3) татуировки и магические практики для обеспечения духовной силы. Затем, оценив свидетельства в целом, мы можем задать вопрос: обоснованно ли мнение, что татуировка в очень многих случаях является только украшением? Или *per contra* — она определенно тесно связана (ритуалами и табу) с верованиями человека и с попытками «разобраться» с высшими силами?

Майор Ветен, нанятый бенгальским правительством для проведения исследований среди племен абор, собрал информацию о татуировках нага. Его отчеты подтверждены Т. Ходсоном, который подчеркивает, что татуировки среди нага делают частями в холодную погоду. Этим, как правило, занимается пожилая женщина, использующая в качестве красок соки дикой индигоферы. Она наносит их с помощью щепки бамбука. Девочки должны соблюдать диету (возможно, чтобы избежать заражения крови), но какую именно, нам не известно. Зато о причине ограничения у нас достаточно информации. Девочка, которой делают татуировку, не может покинуть свою деревню, пока процесс не будет завершен. Иногда действует другое правило: татуировка наносится ей в другой деревне, не в той, где она живет. Это обычно делается, если ее мать родом не из места рождения дочери.

Татуировки нага являют собой прекрасный пример взаимной связи разных аспектов культуры. Генри Бальфур, недавно вернувшийся домой после долгой работы среди племен нага, рассказал мне, насколько важной считается успешная охота за головами для плодородия земли и вступления в брак. Последнее относится к плодovitости человека, поэтому и мужская и женская татуировки чрезвычайно важны для деторождения. Перри говорит об охоте за головами как о модифицированной форме человеческих жертвоприношений, первоначально выполняемых для обеспечения плодородия земли. Занимаясь происхождением и историей татуировки, я смог показать, что в Египте в 4000–2000 гг. до н. э. татуировки и рисунки на теле имели прямое отношение к изображениям хорошо развитых женских фигур – символам плодородия. В обычаях нага я вижу взаимную связь нанесения знаков на тело, человеческих жертвоприношений и плодородия – и земли, и народа нага. Возможно, у каян, нага, меланезийцев и других народов, которые соблюдают табу во время нанесения татуировки, нет четко определенной идеи, почему и зачем следует соблюдать предосторожности. Одно время связанные с плодородием ритуалы и их святость были четко определены, но сейчас мы имеем дело всего лишь с предрассудками и смутными дурными предчувствиями. Первоначальная тесная связь татуировки и ритуалов плодородия внесла свой вклад в соблюдение ограничений. Не исключено, что случаи заражения крови в процессе операции приписывались действиям злых демонов.

Североамериканские индейцы до принятия потогонной ванны наносили порезы на тело, чтобы выпустить из него плохое и обеспечить путь для хорошего. Среди амазонских индейцев и негров Африки распространен обычай наносить порезы на тело, чтобы облегчить боль. Такое действие вполне понятно в свете описания доктора с Самоа, который делал разрез, чтобы выпустить головную боль. Если силы добра и зла могут найти доступ внутрь тела или выход из него через надрезы на коже, разве не логично, что татуировку считали опасной, поскольку в человека через многочисленные отверстия на его коже могут проникнуть злые духи болезни, несчастья и даже смерти? Или, может быть, примитивные люди верили, что через эти отверстия душа может покинуть тело?

Будучи врачом среди цветных шахтеров Йоханнесбурга, доктор Е.А. Тернер много раз видел их племенные татуировки и даже выяснил методы проведения соответствующих операций. У племени мтиопи есть правила, касающиеся рисунков, которые девушка может предпочесть по достижении половой зрелости. Понятно, что они отличаются от знаков, наносимых на тело мужчины, убившего неприятеля в стычке, или женщины, чья беременность закончилась выкидышем, а плод был мужского пола. Девушка мтиопи по достижении ею половой зрелости ни при каких обстоятельствах не может позволить, чтобы мужчина видел операцию нанесения ей татуировки. Если же она нарушит правило, ее отец будет оштрафован. Тернер не уточняет, кому должен выплачиваться такой штраф, можно предположить, что общине, членом которой является отец девушки. Основание для штрафа – из-за нарушения запрета для общины возникла опасность, правда, какого рода – не вполне понятно. Возможно, это всего лишь предупреждение об обязательном соблюдении осторожности в определенные периоды: при достижении половой зрелости, во время менструаций, когда противоположный пол ведет себя необъяснимо и его следует держать на расстоянии, поскольку контакт таит в себе опасность. Простой человек, естественно, не может объяснить происходящие с ним после достижения половой зрелости быстрые физические и умственные перемены, поэтому поддается страху. Девушка мтиопи должна уйти в буш, чтобы там пережить процесс шрамирования, пока не появится ряд узелковых утолщений на лице – тиндора (tindohra), а кожа на животе и бедрах после нанесения многократных порезов не примет вид крокодиловой спины. Дополняют эти знаки линейные шрамы от края слухового прохода до глаза. Хотя шрамирование должно выполняться втайне, в промежутках между отдельными этапами операции девушке разрешают приходить в лагерь.

До того как на Тихоокеанских островах появилось сильное миссионерское влияние, татуировки достигших половой зрелости молодых девушек сопровождалась их заключением в клетку на период от нескольких месяцев до двух-трех лет. Все это время нога каждой девушки не должна была касаться земли, чтобы предотвратить контакт между последней, считавшейся у туземцев кормилицей, и теми, кто находился под властью табу. Г. Браун приводит информацию, сообщенную ему двумя миссионерами – преподобными К.Х. Рикардом (1892) и И. Руни, видевшими подобное в Новой Ирландии. Последний утверждает: «Я успел как раз вовремя, чтобы стать свидетелем заключения в клетку одной из девочек. Бедняжка, увешанная ожерельями и лентами из красных, белых и синих бус, выглядела очень испуганной, потому что на следующий день ей предстояло подвергнуться операции татуировки по моде Новой Ирландии, иными словами, на ее тело должны были нанести много разных знаков». В этом случае изоляция пациента предвляла операцию нанесения татуировки, обладавшую большой церемониальной важностью.

Наблюдатель, долгое время живший на Фиджи, получил от Малакаи, главы чисто меланезийского клана, жившего на острове, описание ритуала, связанного с татуировкой женщин, достигших половой зрелости. Девушку освобождали от женских обязанностей, она должна была двенадцать часов поститься, целую ночь искать креветок и принести три лимонные колочки – инструмент для нанесения тату. Ею занимались двое: «мудрая женщина», которая благословляла краску и молилась духам мертвых, чтобы уменьшить боль, и татуировщица. Тату на Фиджи, как и в других местах, ассоциируется с сексуальным чувством, но этого очень важного фактора недостаточно, чтобы объяснить богатство ритуала, табу и секретность.

Китайский историк Ма Тван Лин утверждает, что в его время – в XII в. – на острове Хайнань существовал обычай татуировать девушек брачного возраста. Его практиковали только среди знатных семейств острова. Когда дитя достигало половой зрелости, родители устраивали большой праздник для

всех членов семьи. Девушки сами приносили иголки и картинки. На лицах обычно изображали цветы, бабочек, насекомых. Этим занимались пожилые женщины. Ма Тван Лин, говоря словами профессора Паркера, «совершенно надежный источник». В 1893 г. женщины лои, далекого от цивилизации племени, живущего во внутренних районах острова, сами наносили себе татуировки.

Один из самых впечатляющих примеров табу, связанного с татуировкой, – тот, что выполнял вождь маори, когда ему наносили рисунки моко. Ограничения, наложенные на вождя, касались его социального общения и приема пищи. Так, ему запрещалось общаться с теми, кто «не был в том же состоянии, что и он сам», но относится ли «состояние» к его социальному статусу или к процессу татуировки, неясно. Но ограничение контактов совершенно очевидно, и этот запрет очень важен, потому что показывает связь тату с первоначальной идеей о божественной природе власти вождя. Вторая часть ограничений для тех, кому наносится моко-тату, связана с недопущением загрязнения еды. Пациент не может брать пищу руками, а должен переправлять ее в рот черенком папоротника. «Любой человек, который решит поднести палец ко рту до того, как тату завершено, обнаружит, что его живот полон «атуа» – демонов, которые сожрут его живьем». Иногда воина кормили рабы, наливавшие ему жидкости в воронку, или он ел с блюда, лежа на животе. Рыба являлась табу, но ее разрешали употреблять в пищу, если сначала поднимали, чтобы показать знаки тату. Питьевую воду заливали прямо в рот пациенту, а любой сосуд, к которому он прикасался, считался непригодным для дальнейшего употребления.

В прежние времена жрец и весь народ находились под юрисдикцией вождя. Во время операции моко порезы достигали глубины одной восьмой дюйма (больше трех миллиметров). При этом использовались небольшое зубило и деревянный молоток. Древняя практика татуировки вождя заключалась в сооружении трех каменных печей: одна – для богов, другая – для жреца, а третья – для того, кому наносилась татуировка. Один камень из печи богов брал жрец, таким образом, табу или неприкосновенность передавалась пище богов, подвешенной на дереве. После церемонии все отведывали эту пищу и становились ноа или свободными, после чего им позволялось брать пищу из корзины, в которую складывали еду того, кто подвергался операции.

Татуировка вождя показывает существующую у маори связь между нанесением знаков на тело и сверхъестественной силой. Во-первых, существуют табу, которые необходимо соблюдать, потому что операция вводила божественного вождя общины в состояние, в котором он становился опасен для обычных людей, и не должно быть никаких контактов между табу (святым, неприкосновенным) и ноа (обычным). Кровопротитие во время операции помогает объяснить уважение к процессу нанесения моко, поскольку протитие крови – будь это естественный процесс, связанный с деторождением или достижением половой зрелости, или искусственный процесс, такой как обрезание или вскрытие вен на тотемных церемониях австралийских племен, во всем мире считается не вполне обычным. Уважение ко всем формам кровопротития является отражением первоначальной концепции – кровь есть жизнь, отсюда и необходимость повышения плодородия земли человеческими жертвоприношениями. В дополнение к почтению, связанному с актом кровопротития, каждый дикарь должен был испытывать уважение к происходившей перемене состояния или положения. Первичная цель нанесения знаков моко – повышение престижа человека, его переход из одного социального статуса в другой, более высокий. Королевский сан и божественность – ради них в основном наносят татуировки моко вождям маори.

Юноша в процессе инициации и, возможно, в течение некоторого времени после ее церемонии – это человек, отделенный от общины и обреченный на изоляцию в бусе или в специально подготовленной хижине. Среди папуасов и языческих племен Борнео юноши по достижении половой зрелости удаляются в специальную хижину – в первом случае в деревне, во втором – на опушке леса. Инициация означает, что достигнут детородный возраст. Половая зрелость подразумевает способность к продолжению рода, поэтому татуировки юношей и девушек в этот период и связанные с ними ритуалы, вероятно, восходят к древнему культу плодородия.

Доктор Риверс, находясь в 1906 г. среди людей племени тода, приступил к изучению вопроса татуировки женщин, но по взглядам и сдержанности опрашиваемых людей, а также исходя из предостережений переводчиков он пришел к выводу, что этот предмет не из тех, которые принято

обсуждать на публике. Поэтому он прекратил расспросы и впоследствии, к сожалению, их не возобновил. Известно, что операцию выполняет женщина тогда, которой платят 8–12 анна и обеспечивают едой. Любой человек, имеющий соответствующие навыки, может провести эту операцию, которая, вопреки общим правилам, должна выполняться не по достижении половой зрелости, а перед или сразу после рождения ребенка. В этом случае татуировка явно связана не с половой зрелостью, а с деторождением, лучшим доказательством плодовитости.

М. Добрицхоффер дает подробное описание татуировки в Парагвае: «По достижении половой зрелости девочек татуируют с перерывами, и они на некоторое время заперты в доме отца. Их заставляют отказаться от мяса и рыбы, но фрукты есть разрешено. На подбородок наносятся прямые линии. Абипойны думают, что, калеча таким образом своих дочерей, они их украшают. Одновременно их приучают терпеть боль, которой не миновать при ожидающих их в будущем родах. У каждой женщины из абипойнов на лице свой рисунок. Самые красочные и замысловатые – у тех, кто принадлежит к знатным, родовитым семьям. Если встречаешь женщину, у которой на лице только три или четыре черные фигуры, можно не сомневаться, что она или пленница, или простолюдинка. Когда среди абипойнов установилась христианская дисциплина, этот обычай, благодаря нашим усилиям, был ликвидирован, и теперь женщины сохраняют внешность, данную им природой».

Женщины абипойнов не довольствовались знаками, общими для обоих полов, и покрывали свои руки, груди и лица черными фигурами разных форм, становясь похожими на турецкий ковер. Чем выше ранг, тем больше фигур. Но это дикарское украшение давалось дорого – кровью и болью. Как только молодая женщина достигала брачного возраста, ей наносили татуировку, согласно обычаю. Она клала голову на колени пожилой женщины, вместо карандашей использовали колючки, а вместо краски – золу, смешанную с кровью. Если несчастная громко стонала или отворачивалась, ее осыпали насмешками, руганью и оскорблениями: «Что за трусость! Ты – позор своего народа!»; «Ты умрешь в одиночестве, можешь не сомневаться»; «Ни один из наших героев не посчитает такую трусиху достойной стать его женой».

Это свидетельство Добрицхоффера показывает, что в центральной части Южной Америки к татуировке относились со всей серьезностью и считали ее обязательным ритуалом для девушек, достигших половой зрелости. В этой связи его рассказы чрезвычайно важны, поскольку устанавливают социальный и психологический союз этого региона со многими частями света, где татуировка – обязательный признак готовности к браку.

Другой наблюдатель, преподобный Генри Джунод, внесший существенный вклад в антропологию, коим явился подробнейший рассказ о народе ба тонга, живущем в португальской Восточной Африке, утверждает, что нанесение татуировок юным девочкам, происходившее в условиях скрытности и соблюдения предосторожности, указывает на связь с более ранним культом, смысл которого, к сожалению, утрачен.

Оказывается, обычай наносить треугольные знаки на плечи и украшать татуировками живот был широко распространен у ба тонга. Это своего рода обряд инициации и украшение – треугольники располагаются так, что указывают на принадлежность к конкретному племени. Девочки должны подготовиться к операции, соблюдая специальную диету, которая должна смягчить кожу живота. После операции девушка должна прятаться в течение семи дней – этот обычай напоминает о поведении мтиопи во время шрамирования. После уединения и затворничества юная леди появляется перед своим суженым, который приносит в жертву птицу и, признавая художественный характер татуировки, говорит: «Ты очень красива с татуировкой, иначе твой живот был бы похож на живот рыбы или белого человека». Несомненно, аспект украшения имеет место, но церемониальные предосторожности, связанные с татуировкой, не позволяют нам согласиться с Йостом, утверждающим, что украшение – главная цель татуировки, а ее религиозное и магическое значение ничтожны. После принесения жертвы с предосторожностями еще не покончено. На протяжении всего процесса заживления девушка находится под действием табу, как если бы она страдала от болезни: не должна солить свою еду, есть пищу других людей и, как и девушка нага из Ассамы, не могла посетить другую деревню. Разница в запрете на посещение других деревень между нага и ба тонга заключается в том, что в первом случае табу действует, пока выполняется татуировка, а в последнем – оно распространяется на весь период

заживления, а именно на неделю после операции.

Даже если кто-то станет утверждать, что в наши дни татуировки у дикарей имеют лишь немногим большее значение, чем обычные украшения, нет никаких причин настаивать на том, что смысл изображений на их телах никогда не был намного более глубоким. Следует обратить особое внимание на следующее: какие позитивные и негативные ритуалы можно обнаружить; указывают ли теперешние легенды на связь татуировки с покровительством некой сверхъестественной силы?

Принято считать, что у европейских ведьм маленькая синяя или красная точка, иногда более крупный знак, изображающий заячью лапку или тело жабы, – это символы связи с дьяволом и поклонения ему.

Известны ли сегодня свидетельства использования татуировки в религиозных, магических или социальных целях? Какую информацию можно получить от старейших членов общин, с которыми исследователи общаются? Когда будут обработаны сведения, собранные по всему миру, и приведены примеры для сравнения, тогда можно будет порассуждать: может быть, на заре истории человечества татуировка возникла только для украшения и усиления сексуальных чар, или все же стоит взглянуть на проблему шире и понять, что операции по нанесению знаков на тело являются остатками верований и практик, имеющих отношение к плодovitости женщин в древних племенах, загробному миру, святости вождя и т. д.

УПАДОК ЦЕРЕМОНИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С ТАТУИРОВКОЙ

По сообщениям американского бюро этнологии, татуировка быстро теряет свое прежнее значение, если не считать только индейцев хайда. Примером тому служат проведенные Хоузом и Макдугаллом исследования народов на реке Барито, в жизни которых еще в 1850 г. татуировка играла очень важную роль, но больше этого нет. Однако внимательные наблюдатели до сих пор находят глубокий смысл, придаваемый выполнению татуировки, которая для некоторых народов стала результатом трудоемкого процесса поиска нужных изображений. На юго-востоке Тибета, к примеру, жители позаимствовали общую идею у шанов, а на Борнео саравакские племена, такие как сихопы и лиронги, – у воинственных каян.

Старейшина одного из племен рассказал о значениях, которые во времена его юности идентифицировались с определенными знаками на теле. Так, когда на плечи наносилась татуировка двух переплетающихся спиралей со звездами на краях, предполагалось, что ее носитель взял несколько голов. Две линии, встречающиеся под острым углом за ногтями на пальцах рук, обозначали сноровку в резьбе по дереву, а звезды на висках говорили о том, что мужчина влюблен и его страсть взаимна. Первоначально, судя по всему, существовали изображения, обозначавшие сложные чувства гордости и любви, а также, скажем, драчливости, однако отношение к ним изменилось. С появлением множества трансформаций и заимствований исходное значение отдельных знаков было безвозвратно утрачено.

Поэтому при определении этнических родственных связей и миграций нельзя полагаться на знаки татуировок. Это подтверждают наблюдатели с Борнео, а также доктор Тернер, заметивший, что среди племен каффиоров идет такой активный обмен и заимствование знаков тату, что они больше не являются ключом к определению племенных связей человека. В некоторых племенах, к примеру у каян, связанные с нанесением татуировки церемониалы до сих пор скрупулезно соблюдаются, в других – можно проследить их остатки. Еще одной группе племен единственным ключом к прежним церемониям и их смыслу является устное творчество, например какая-то легенда или прямое свидетельство, переданное старейшинами. И наконец, в таблице есть пробелы, показывающие, что в некоторых племенах исследователи так и не сумели установить, существовали там вообще соответствующие церемониалы или нет.

Природа рисунков тату иногда предполагает, что шрам или знак сделан не только для украшения. И когда мы обнаруживаем особое изображение, сделанное на тех частях тела, которые обычно покрывают татуировками, возможность того, что он нанесен не просто так, возрастает. Уолластон обнаружил, что папуасам мимика собственно татуировка неизвестна, но многие из них используют рубцевание и шрамирование; их постоянные знаки: крест на левой ягодице, а на правой – в

окружности, спина покрыта множеством неровных рубцов – прямых линий, на левом предплечье – изображение змеи, скорпиона или рака; обычно лицо окрашивают ярко-красной землей, или черной краской – жир вперемешку с углем, или белой мукой саго. К сожалению, в разделе, касающемся рисунков на теле, ничего не сказано об их значении. Автор утверждает, что не смог установить, являются ли они простыми украшениями или нет. Положение и природа знаков на ягодицах указывают на какую-то магическую формулу, изображение животных на руке может быть связано с тотемной практикой. Однако эти случаи нерешенных загадок лишь подчеркивают необходимость самого тщательного их изучения, причем немедленно, а не в далеком будущем, поскольку смысл и значение татуировок быстро утрачиваются. Хотя многие авторы считают тату украшением, но в уме индивида, который наносит на свое тело знаки, остается смутное чувство, что его действия имеют некий тайный смысл. Человек с татуировкой считает, что, если объяснить незнакомцу значение изображений на своем теле или даже просто позволить рассматривать и обсуждать их, то они утратят свою силу.

Проблему скрытности туземцев в этом вопросе наглядно иллюстрирует сравнение результатов исследования татуировки в племенах айну. Сначала их проводил Сэвидж Ландор, не сумевший обнаружить особого значения рисунков во время путешествия по Курилам и Сахалину, а потом преподобный Бэтчелор, который много лет работал среди айну, завоевал их доверие и в результате узнал легенды, доказывающие тесную связь процесса татуировки с древними религиозными идеями, а также особую важность, придаваемую некоторым знакам, якобы обладающим целительной силой или являющимся амулетами.

Поиски свидетельств, которые помогли бы сделать обоснованные выводы относительно природы и истинного значения знаков на теле, в последних трудах по антропологии нередко разочаровывают. Но все же есть материалы, о которых стоит поговорить.

ТАТУИРОВКА И БУДУЩАЯ ЖИЗНЬ

Йост, Вайтц Гурланд и Синклер затронули вопрос о связи татуировки с религиозными мыслями и чувствами. Пролить свет на этот вопрос помогли материалы опросов, проводимых непосредственно в племенах. Рисунок сам по себе может означать некую связь с божеством, оккультную силу, будущее состояние. Что касается последнего, в данных исследователей отражен ряд очень похожих идей, получивших в мире широкое распространение.

Больше всего человека, размышляющего об условиях своего существования в загробном мире, интересовало средство идентификации родственников, законной жены или нескольких жен. Во всех племенах была распространена вера в то, что душа, путешествующая из этого мира в следующий, столкнется с препятствиями, одним из которых станет внушительное нечто, которое потребует предъявить знак пригодности этой души для мира духов. Предполагается, что после смерти душа, считающаяся реальным предметом, улечивается, но сохраняет сходство с земным обиталищем, которое она только что покинула. Она не просто похожа, а является точной копией земного тела, и любая татуировка или другие знаки, нанесенные на него в течение земной жизни, и станут средством идентификации в мире духов, своеобразным пропуском из этого мира в следующий.

У индейцев сиу мы обнаруживаем, что после смерти воина принимаются очень сложные меры предосторожности для обеспечения его удобного и безопасного перемещения в мир иной. И знаки тату, нанесенные при жизни, играют далеко не последнюю роль. Дух воина садится на своего призрачного коня и отправляется в страну «множества вигвамов», уверенный, что достигнет ее в безопасности, если, конечно, при жизни он нанес на лоб или запястья и, возможно, также на подбородок соответствующие знаки. У дороги в особую страну живет старая женщина, которая внимательно рассматривает каждого проезжающего. Если она не находит татуировок, то сбрасывает неудачливого воина и его коня с обрыва или облака, и они становятся вечными скитальцами, причем сделать вторую попытку попасть в мир духов уже нельзя.

Среди племен нага ассама тоже существует верование, что тату полезны как средство идентификации в мире духов. Мужчины, желая сохранить женщин нага, являющихся их законными женами, решают,

что каждая должна нанести на тело определенные знаки. Изучая этот вопрос, Ходсон обнаружил, что в удаленных и бедных деревнях, населенных тангулами, женщин татуируют очень просто: три линии шириной около трех восьмых дюйма начинаются от выступающей части подбородка и идут вокруг шеи, иногда еще и вниз до пупка; на предплечья наносятся аналогичные знаки – линии идут наискось, так, чтобы образовать два креста, как правило отдельных. На груди не наносят изображений, и ожерелье, которое может позволить себе женщина, после ее смерти остается у нее на шее, являясь средством идентификации.

В племенах абор существовал обычай татуировать на лбу крест, но это не делалось, если человек в течение жизни приобретал некоторые медные предметы, которые хоронили вместе с ним. И так, получается, что женщины нага и люди абор использовали татуировку, если человек слишком беден, чтобы иметь украшения или предметы, которые, будучи похороненными вместе с ним, смогли бы повисить его престиж в мире духов. Иными словами, тату – идентификационный знак бедного человека на небесах.

Термин «мандер» (mander) обозначает все платежи, выплачиваемые мужем родственникам умершей женщины, чтобы она в ином мире не вышла замуж, а дождалась прихода своего земного супруга. Северные тангулы, женщины которых являются наиболее постоянными в практике татуировки, заявляют, что знаки наносятся на тело, чтобы муж, заплативший «мандер», смог найти свою супругу в мире духов. Также говорят, что без уплаты «мандера» душа женщины не найдет покоя.

Идея идентификации после смерти, судя по всему, возникла благодаря очень простому умозаключению по аналогии с условиями этого мира. Ходсон, цитируя полковника Маккаллоха, утверждает, что женщины на севере Ассама являются весьма желанной добычей для мужчин с юга. Какой бы яростной ни была вражда, татуированная женщина всегда остается невредимой, потому что, если с ней что-то случится, ее северные родственники всегда смогут опознать тело, и месть их убийце будет страшной.

У индусов Бенгалии широко распространена идея о том, что человек без татуировки столкнется со значительными трудностями во время путешествия в иной мир. Они думают, что нанесенные на тело знаки сохраняются после смерти. Женщины низших каст верят, что, если они умрут без тату, их родители не узнают их на небесах. Вариация этого верования, или дополнение к нему, такова: великий бог Парамешвар обязательно потребует предъявить татуировки, как доказательство того, что душа жила на земле. Если таких знаков нет, божество заставит женщину возродиться в виде злого духа, если же оно проявит снисходительность, то позволит ей попасть на небеса, но только если ее тело протаскает через колючие кусты, которые и оставят на нем метки.

Сэр Джон Скотт рассказывает о связанных с тату традициях ли, аборигенов Хайнаня, которые считают, что на лицо женщины должно быть нанесено изображение по выбранному ее мужем рисунку, полученному от предков. Не допускаются даже мельчайшие отклонения от первоначального образца, иначе предки не узнают женщину после ее смерти.

Касательно Океании существуют записи о нескольких примерах знаков и рисунков на теле, которые должны быть полезны в будущем мире. Согласно верованиям жителей Маэро, острова в архипелаге Новые Гебриды, все души людей, чьи уши не были проколоты при жизни, не получают воды в мире духов, а те, у кого не было татуировки, – лишены еды. Люди на острове Флорида считают душу чем-то реально существующим. Она совершает опасное путешествие, в ходе которого обычно на берегах Озера душ ее встречает тиндало (tindälo) – призрак. Если нос человека до его смерти проколот, его душа допускается к остальным духам, в противном случае ей предстоит печаль и страдания.

Население островов Гилберта заменяет столь уважительное отношение к прокалыванию носа верой в эффективность татуировки – паспорта для прохода в иной мир. Л. Фробениус писал: «Только татуированные достигают страны блаженства». В Гадесе жители Фиджи относятся с крайним презрением ко всем, чьи уши не проколоты, а женщины без татуировок, по их представлениям, сразу подвергаются нападению душ представительниц того же пола и становятся пищей богов. Важность такой функции знаков на теле объяснима, по причине постоянной заботы людей всех периодов и культур о судьбах своих душ. Беспокойство о сохранении тела и о бессмертии души являлось главной целью древних египетских практик, включавших окрашивание лица красной краской и

бальзамирование мумий.

Лорд Эйвбери в «Доисторических временах» тоже ссылается на значение знаков тату после смерти, утверждая, что женщина с Фиджи, не имеющая традиционной татуировки, не может надеяться на счастье после смерти. А женщины эскимосов были всегда уверены в том, что татуировка будет признаком их добродетели в следующем мире. В материалах Американского бюро этнологии содержится много интересных ссылок на верования эскимосов, связанные с изображениями, которые наносятся на тело, в основном для магических и социальных целей. Нет прямых указаний, подтверждающих описание Холла в своей «Жизни с эскимосами», хотя вполне очевидно, что они могли быть верными во время его исследования. Но в результате дальнейших контактов с торговцами и путешественниками верования и практики эскимосов претерпели существенные изменения. Вероятнее всего, рубцевание первоначально имело терапевтическое происхождение и лишь позднее стало украшением, когда начали наносить рисунки. Ожидалось, что обращение к антропологической литературе, касающейся обширного семейства банту, даст большое разнообразие всевозможных верований, связанных со шрамированием, но оказалось, что в Африке нанесение знаков на тело всего лишь обозначает принадлежность к клану или тайной организации. Существует несколько примеров веры в магическую силу шрамов для привлечения удачи, избавления от боли или умиротворения духа убитого врага, но нам известен лишь один народ, представители которого утверждают, что шрамы служат им в мире духов, являясь не только паспортом или пропуском туда, но даже позволяют получить прямую материальную выгоду.

В племени экой женщинам наносят от плеча до запястья круглые шрамы. Это, как сообщили П. Талботу, делается для того, чтобы после смерти дух мог снять и продать их другим духам в обмен на пищу.

Население Борнео, в особенности каяны, имеют сложные верования относительно духовного значения своих знаков тату: когда душа уже получит разрешение на вход, изображения можно использовать для допуска к определенным доходным занятиям.

Среди женщин каян татуировка универсальна, и среди многих полезных ее свойств есть одно уникальное – без нанесенных на тело знаков путешествие души будет происходить в вечной темноте. Профессор Макдугалл, например, узнал, что после смерти женщину должны были узнать по природе татуировки и использованной краске. У женщин народа лонг глат существует сложная система нанесения татуировки – процесс начинается во время первого менструального цикла. В это время на тыльной стороне пальцев наносятся концентрические круги. Годом позже рисунок продолжается через тыльную сторону ладоней на запястья. Ноги (ступни) также татуируются в те же сроки, что и руки. В возрасте восемнадцати – двадцати лет рисунками покрывается передняя сторона бедер. Дамы считают, что после смерти те, кто имеет традиционную татуировку на руках, ступнях и бедрах, смогут купаться в небесной реке Теланг Джулан (Telang Julan) и, следовательно, будут иметь возможность собирать со дна реки жемчуг. Частично татуированные женщины останутся на берегу, наблюдая, как их более удачливые сестры соберут богатый урожай, а женщинам, не имеющим татуировки, вообще не будет позволено приближаться к реке с сокровищами. Эти верования не ограничиваются одним племенем, они распространены среди кенияхов, клемантанов верховьев Махакама и батанг каян.

Такие довольно причудливые религиозные представления становятся понятными и естественными, если рассмотреть их в свете концепций жителей Борнео относительно загробной жизни. Душа должна совершить путешествие через леса и горы, преодолеть много трудностей и препятствий и, используя знаки тату как пропуск на этом тернистом пути, в конце концов достигнуть цели. С большой высоты утомленная душа обзревает рай, поделенный на пять участков, один из которых она должна выбрать, в зависимости от того, какая смерть ее постигла. Для мужчин, погибших в бою, предназначен один участок, для тех, кто утонул, выделено место под дном реки. Оно довольно удобно, поскольку оттуда можно доставать драгоценности, рыболовные крючки и любую другую собственность, которую их земные друзья утопили в реке. Самоубийцы вынуждены скитаться и вести несчастливое существование, питаясь кислыми фруктами и ягодами. Выделено специальное место и для душ мертворожденных детей. Для людей, которые сумели выработать такую систему верований, нетрудно добавить несколько аспектов, касающихся ценности знаков тату в ином мире.

При исследовании системы верований народа айну становится понятной большая ценность той антропологической работы, которую выполнили эксперты, жившие среди этих людей достаточно долго, чтобы завоевать их доверие и получить сведения о сохраняемых в тайне от чужаков верованиях.

Все замечания, касающиеся верований сиу, эскимосов, нага, индусов, полинезийцев, экой и жителей Борнео относительно значения знаков на теле для существования в духовном мире, являются хорошей иллюстрацией логики примитивного человека, хотя выбор ложных предпосылок может привести к поискам ложных аналогий. На этой земле я хочу быть украшенным, мне требуется еда, а для путешествия – некие знаки, которые будут гарантией того, что мое племя находится в дружеских отношениях с тем народом, через территорию которого я следую.

Далее предполагается, что потребность в еде, покупательной способности, знаках отличия и паспорте будет продолжаться и в будущей жизни, и об этом следует позаботиться заранее. На стороне тех, кто выступает за связь знаков тату с религиозными верованиями, есть большое количество позитивных свидетельств, которыми легко оперировать. Они формируют логическую часть более общей системы, связаны с ней идеей бессмертия и опасного путешествия души.

Непрерывность между этой жизнью и следующей, естественный закон в мире духов – это основные принципы, фундаментальные для комплексной системы примитивных религиозных мыслей о рае, с которой легко объединяются концепции о роли знаков на теле человека, во многом формируя взгляды на будущую жизнь после смерти. Вера в это – составная часть любой системы идей религиозной природы. Но рассмотрение связи между татуировкой и концепциями будущего мира – не единственное средство проверки существования тенденции ассоциации процесса нанесения знаков на тело с религиозными идеями вообще. Если такая тенденция существует, то мы можем обнаружить в мифологии и фольклоре народа, практикующего тату, ссылки на божество или оккультную силу, покровительствующие этому искусству. Нанося на свои тела изображения бога или некоего предмета, с ним ассоциирующегося, люди, несомненно, чувствовали, что такая практика устанавливает тесную связь с божеством. Развивая идею о связи знаков на теле и религиозных идей, можно привести примеры телесных украшений во времена духовного возрождения – на церемониях посвящения взрослых и детей в паломничествах, во время магических или религиозных обрядов, выполненных жрецами, колдунами и им подобными. На Фиджи, например, татуировка выполнялась жрицами в укромных уголках леса, на Маркизских островах многие знаки имеют условный характер и наводят на мысли о иероглифической системе, интерпретация которой доверена тугунам – жрецам, которых осталось немного. У тайялов и пайванов Формозы татуировкой всегда занимались жрицы. Молодожены, вернувшись после медового месяца, строили хижину, где молодой жене делали татуировку, означавшую, что она стала женщиной. Рисунок – линии от губ к ушам – всегда накалывался жрицей, которая также на церемонии свадьбы соединяла кровь жениха и невесты. Свидетельства, рассмотренные в комплексе, противоречат взгляду Марквардта, который писал: «Я вместе с Йостом придерживаюсь мнения, что жрицы к этому (то есть к татуировке на Самоа) не имели решительно никакого отношения». Но Йост писал о татуировке в 1886 г., еще до развития антропологического метода, и его работа касается больше техники процесса, чем его психологических и социологических аспектов.

Татуировка жителей Маркизских островов

Тернер упоминает двух богинь – покровительниц искусства татуировки. Это Таема и Тилафанга, которые вплавь отправились с Фиджи, чтобы познакомиться со своим искусством жителей Самоа. По пути они все время повторяли, что татуировать следует женщин, а не мужчин. Из-за утомительного путешествия богини перепутали формулу и прибыли на Самоа, повторяя: «Татуируйте мужчин, а не женщин». У Г. Брауна версия этой легенды несколько сложнее. Сначала он упоминает, что Таема и Тилафанга покровительствовали татуировщикам, потом рассказывает о происхождении этих божеств и в конце говорит об их заплыве с Фиджи на Самоа, во время которого те решили понырять за ракушками и перепутали свое послание.

У доктора Тайлора есть аналогичная история, относящаяся к мифическому происхождению тату, которая цитируется, чтобы объяснить, почему одни народы татуируют своих женщин, а другие – мужчин. С Фиджи, где обычно женщин татуируют, был отправлен посланец на Тонга, где была широко распространена практика татуировки мужчин. Посланец добрался до Тонга, повторяя: «Татуируйте женщин, но не мужчин». Благополучно выполнив длинный заплыв, он уже на берегу споткнулся о ствол поваленного дерева, ход его мыслей нарушился, и, подойдя к дому вождя, он все перепутал и сказал: «Татуируйте мужчин, но не женщин». Марквардт Тайлор подробно описывает татуировку на Самоа, где, вопреки ожиданиям, автор обнаружил, что древнее искусство все еще процветает. Все мужчины и 60–70 процентов женщин имеют сложные татуировки, соответствующие древним обычаям. Эта традиция и точность воспроизведения рисунка тем более удивительны, если учесть влияние цивилизации на жителей Самоа и их смешение с расами, для которых татуировка обладает небольшой привлекательностью. Иллюстрации, приведенные в последней работе Марквардта, показывают, что самые сложные рисунки наносятся на бедра и ягодицы, которые обычно закрыты. Если бы украшение было единственной целью татуировки, было бы естественно предположить, что после многих лет контактов с европейцами и азиатами жители Самоа отказались бы от своих рисунков ради более красивых, к примеру европейских, которые легко получить. У гавайцев были боги – покровители татуировки, образы которых изображались на висках тех, кто занимался этим искусством профессионально, и каждому применению их навыков предшествовала молитва – чтобы операция не привела к смерти, раны быстро зажили, а рисунок получился красивым.

Существует любопытное разнообразие мнений по поводу важности татуировки. Так, например, Йост

отрицает религиозное значение этого искусства или считает его несущественным по сравнению с эстетическим. Вестермарк отдает предпочтение гипотезе, заключающейся в том, что нанесение знаков на тело – это искусственная помощь процессу естественного отбора, способ, используемый одним полом для привлечения другого. Доктор Фрэйзер утверждает, что тату – остаток древних обрядов, связанных с пролитием крови. А табу, связанные с процессом ее нанесения, говорят в пользу ее связи с религией.

Синклер и Суонтон, а также Вуттке принадлежат к группе авторов, считающих, что «декоративная» гипотеза происхождения тату никоим образом не объясняет обнаруженные в связи с ней факты. Вуттке пишет: «Никто не станет утверждать, что татуировка – это нечто естественное, развивавшееся само по себе. Ее происхождение уходит корнями в древнейшие времена, еще до широкого расселения человека по Земле». Другая теория подчеркивает значение татуировки для диких и примитивных людей, которые делились на группы, возможно враждовавшие друг с другом. Знаки на теле были для них единственным способом отличить друзей от врагов.

Мы пока не станем обсуждать сравнительные достоинства и недостатки этих теорий, а пойдем дальше в поисках свидетельств связи между татуировкой и религиозными идеями.

В «Живущих расах человечества» (Living Races of Mankind) упоминается девушка с Соломоновых островов, которая никак не могла выйти замуж, пока ей не была сделана татуировка, причем нанес ее специалист, считавшийся колдуном или тиндало (tindälo) – духом, услуги которого ценились очень высоко.

Фробениус, проводивший исследования лично, утверждает, что на центральных островах Полинезии существует обычай наносить на тело лик божества-покровителя или заменять его изображением священного животного. При этом автор не ручается за достоверность, поэтому утверждение представляется слишком туманным, чтобы подтвердить религиозное происхождение татуировки.

Маори, имеющие полинезийское происхождение, придают большое значение искусству тату, и владеющий им профессиональный мастер одно время был глубокоуважаемым человеком, труд которого хорошо оплачивался. Но нет никаких ссылок на то, что его считали божеством или хотя бы близким к этому статусу. Когда же мы рассматриваем табу и церемонии, связанные с операцией нанесения моко, оказывается, что жрецы играли в них важную роль – через них передавалась святость вождю божества.

Практика раскрашивания тел широко распространена у жителей Андаманских островов, которые меняют цвет краски в зависимости от эмоционального состояния: желто-коричневый отражает горе, а белый – радость и ликование. По мнению Э.Х. Мана, эти островитяне считают, что знание красок и их правильное применение даны им богами. Легенда утверждает, что давние предки островитян получили инструкции по применению красок от Пулуга, но, к сожалению, искусство пришло в упадок еще до великого потопа и возродилось лишь тогда, когда случайно были найдены нужные пигменты. Примеры хорошо разработанной жителями Андаманских островов системы использования красок рассмотрены в разделе, где говорится о связи знаков на теле и магии.

Проведенные среди айну исследования не объяснили происхождения татуировки и причин ее живучести. Несмотря на это, нам известны легенды и случайные заявления, проливающие свет на идеи, которые айну связывают с искусством нанесения знаков на тело. Легенда гласит, что много лет назад айну захватил в плен другой народ и, чтобы отличить чужих женщин от своих, решено было заставить последних нанести татуировки на руки и лица. Также говорят, что тату – это форма пролития крови, которая делает тело сильнее, иными словами, аналог древнего «кровопускания» – панацеи от всех болезней. Согласно другому предположению, у женщин много дурной крови, которую лучше всего выпустить. Указывает ли что-нибудь из перечисленного выше на божественное происхождение татуировки? Преподобный Бэтчелор рассказывает историю о том, что богиня Айойна (Aioina) и ее сестра подарили женщинам айну татуировку, чтобы те стали немного на них похожи. Кроме того, нанесенные на губы и подбородок женщины айну знаки были лучше видны злым демонам болезней, которые, ошибочно приняв людей за богинь, от которых было получено искусство татуировки, улетали прочь. Предрассудков, связанных со знаками на теле, очень много. И все женщины тщательно инструктируют своих дочерей относительно практики и связанных с ней верований. Они говорят:

«Божественная сестра, сестра Айойна, научила нас, что, если женщина выходит замуж за человека, не нанеся предварительно на свое тело нужные татуировки, она совершает большой грех и после смерти отправится прямо в ад. Когда она туда попадет, демоны возьмут очень большие ножи и сделают ей все татуировки сразу». Эта пугающая перспектива очень волновала девушек, поскольку татуировка – процесс чрезвычайно болезненный. Мужчины говорят, что нетатуированная женщина не может принимать участие в празднествах, поскольку это бесчестье и для богов, и для людей. Хуже того, женщина без тату на празднестве навлечет ярость богов на всех собравшихся. Преподобный Бэтчелор упоминает о былом обычае соблюдать табу во время операции татуировки и придерживается мнения, что такие предосторожности говорят о большой важности и даже святости, придаваемых этому процессу народом айну.<

> В мифологии айну также показано значение татуировки для духовной жизни этого народа. Например, там, где он обитает, в болотах много лягушек, с которыми связаны два интересных факта: темные полосы на лапках этих созданий имеют сходство с татуировкой, которую женщины айну наносят на руки от запястья до локтя, а еще существует такое явление, как зимняя спячка и повторное появление весной. В связи с этим существует такая легенда. В незапамятные времена женщина айну, имеющая общепринятые татуировки, почувствовала вкус к убийству и действовала так ловко, что сумела устранить шестерых мужей, прежде чем вмешались боги.

Наконец пришел день расплаты, и злая женщина была превращена в лягушку. В результате превращения от нее остались только татуировки. Божество, совершившее это превращение, сказало: «О, ты грешная женщина, я сделал тебя хорошей вначале, но ты прожила омерзительную чудовищную жизнь», а затем, чтобы усилить впечатление, объявило, что отныне ее предназначение – прыгать в мерзких болотах. Зимняя спячка лягушек, согласно представлениям айну, объяснялась так: женщины зимой заняты торговлей в Японии, но к весне они возвращаются, в результате вокруг становится так много «кваканья» и сплетен.

Еще одна легенда связана с воробьем, у которого над клювом пучок темно-коричневых перьев. Утверждают, что это его татуировка, данная богом во время сотворения мира, после чего птицы устроили на земле пир. Воробей – священная птица, и, если ее убить для еды, считают айну, дух следует умиротворить с помощью *инао* (*inao*) – магической формулы или практики. Она состояла в том, что на землю возле дома необходимо было положить заговоренные прутья.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЗНАКИ ИНДИИ

В Индии существует множество примеров знаков на теле, связанных с религиозными представлениями. Среди брахманов есть много подгрупп, каждая из которых имеет свои собственные метки на теле – обычно это комбинации линий, закорючек и кругов на лбу, щеках и груди. Детали можно увидеть в первом томе «Племен и каст Южной Индии». Возможно, правильнее было бы сказать, что брахманские знаки являются признаком социального различия в обществе. Брахманы образуют одну большую касту, которая находится на вершине социальной лестницы, благодаря своей функции посредника между людьми и великим мировым духом – Брахмой. Поэтому нанесение брахманского знака на тело человека, занятого служением богу, считалось религиозным обрядом, но одновременно несло и определенную социальную функцию. У людей, которые считаются последователями Шивы или Вишну (две ипостаси Брахмы), тоже есть знаки – на лбу, но они явно могут рассматриваться только как религиозные символы, поскольку в них не заключена информация о социальном статусе. Они только фиксируют факт, что их носитель поклоняется Вишну – метка в форме буквы V, или Шиве – в виде трех горизонтальных параллельных линий.

Помимо вышеназванных знаков среди индийцев были распространены специальные татуировки, обозначающие союз между человеческим существом и неким божеством, собственностью которого человек становился после нанесения знака.

Доктор Терстон, будучи на посту директора правительственного музея в Мадрасе, провел много исследований, касающихся нанесения знаков на тело. Основываясь на информации, полученной из

первых рук – профессиональных мастериц татуировки из корава – племени, кочующего по всему Мадрасскому острову, он пришел к выводу, что большинство татуировок на теле имело магический и декоративный характер, но были и примеры рисунков, несомненно тесно связанных с религиозными чувствами.

Многие евразийцы Малабарского побережья, принадлежащие к римской католической церкви, имеют татуировки в виде креста или птицы на предплечье (символ Святого Духа). Иногда тату наносили на тело, чтобы избавиться от боли, прося помощи у божества, которого и изображали на больном месте. Так, доктор Терстон вспоминал, что видел бедара из Беллари, который еще в детстве, вывихнув плечо, нанес на дельтовидную мышцу изображение бога Ханумана (в виде обезьяны), надеясь таким образом избавиться от боли.

В Беллари и других местах Индии есть группы девушек, которых называют басиви (*basivis*), служащих в индуистских храмах. По сути это храмовые *censored*тки, «заключившие брак» с каким-нибудь священным кинжалом или чем-то в этом роде, выполняющие свою работу в храме или возле него: подметают пол, разбрасывают цветы, когда идола проносят по дороге, танцуют перед идолом утром и вечером, участвуют в приношении риса или другой пищи перед святыней. Во время посвящения службе в храме деревенский священник – джангайн (*Jangain*) – рисует каждой девушке лингам на дельтовидной мышце предплечья, используя сок ореха кешью. Клеймение басиви на правом плече знаком «чакра» (колесо закона), на левом – «чанк» (раковина моллюска, *turbinella rapa*, разновидность которой с восходящими слева направо витками считается священной) постепенно утрачивает свое значение, но раньше для каждой посвященной это считалось обязательным, кроме того, над правой грудью басиви была еще одна чакра, а над левой – чанк.

Среди каст бойя (*boyas*) и курумба (*kurumbas*), девушки которых становятся басиви, некоторые мужчины наносят себе на плечи знаки «чанк» и «чакра», веря, что эти священные символы дадут им тесную связь с богом Вишну, тем самым обеспечив спасение. Татуировка этими священными эмблемами считается весьма достойным начинанием, и те, кто их наносит, пользуются большим уважением: к примеру, первыми получают бетель для жевания на свадебной церемонии, а после своей смерти – особый знак уважения – погребение вниз лицом.

К. Рангашари из музея Мадраса утверждает, что нанесение знаков на тело в религиозных целях ограничено двумя группами вишнуитов – шри (*sri*) и мадхва (*madhva*). Все брахманы этих сект обязаны хотя бы один раз в жизни подвергнуться испытанию, а у мадхва есть правило, что нанесение священного символа должно производиться каждый раз, когда подчиненный посещает главного брахмана своей секты. Но затем появилась тенденция предоставлять решение о нанесении тату на усмотрение визитера. Последователи вишнуитов носят знак «чакра» на правом плече и «чанк» – на левом. Во время операции они «связываются» со своим божеством посредством священных слов. Человек, не прошедший инициацию и не освященный таким образом, считается непригодным для участия в церемониалах, которыми руководят брахманы. Иными словами, неспособность объединиться с божеством путем нанесения знаков на тело приводит к утрате социального статуса.

Естественно, святость, полученная индивидом первым применением священных символов, постепенно теряется из-за контакта с миром и грехом, поэтому некоторые мадхва периодически снова повергаются «клеймению» (татуировке), чтобы очиститься от мирской грязи и восстановить свою духовную энергию. Известно, что ожидающий клеймения человек искренне надеется, что операция будет не слишком болезненной, но невозможность заплатить вперед за услуги всю сумму, которая обычно колеблется и может достигать трехмесячного дохода, как правило, приводит к тому, что выполняющий операцию мастер особо не церемонится. При первичном нанесении религиозных символов татуировке подвергаются не только мужчина, пожелавший этого, но и его жена и дети. Брахман, который не может заплатить за первичное или последующее клеймение, исключается из рядов мадхва.

Другие исследователи в своих работах упоминают также знаки на лицах у индусов, которые, судя по всему, связаны с церемониальным религиозным омовением и постом.

Так, известно, что оставить совершенно чистым лоб – это считается в Индии нарушением этикета, если только индивид не в трауре. Если на лбу нет краски, обычно предполагают, что церемониальные

омовения не выполнены, следовательно, человек еще постится и пока является нечистым. Метка на лбу, вероятнее всего, – это знак респектабельности. Один из авторов утверждает, что в Бенгалии достойный уважения индус не возьмет воду из рук девушки, у которой нет знака на лбу.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОДОБРЕНИЕ ТАТУИРОВКИ

Развитие образования и прогресс цивилизации, естественно, вытесняют такие грубые и несовершенные формы установления отношений с небесными силами, как татуировка. Несмотря на эволюцию религиозных идей и идеалов, нет недостатка в примерах, иллюстрирующих, что современные приверженцы христианства и магометанства, несмотря на запреты в Библии и Коране, наносят на свои тела знаки, которые, судя по всему, рассматривают как способ связи человека с божеством, которому он поклоняется. Представляется странным, но среди криминальных слоев общества наблюдается тенденция обращения к древним практикам татуировки, и изображения часто имеют религиозный символ.

Краткое изложение истории нанесения знаков на тела в связи с религией и ее верованиями, которые граничат с магией, лучше всего начать с наблюдений Синклера, оставившего нам отчет о своих личных исследованиях в статье «Татуировка, восточная и цыганская».

Армянские христиане, совершавшие паломничество в Иерусалим, обычно татуировали на своем теле дату путешествия и собственные инициалы. Армянское слово «паломник» – *màhdēsī* (*mah* – смерть, *desī* – я видел) обычно и являлось тем знаком отличия, который богомольцы наносили на свои тела. Синклер утверждает, что видел более сотни таких меток, которые всегда демонстрировались их носителями с превеликой готовностью и гордостью. Это большая честь – быть *màhdēsī*. Татуировка имеет такую же природу, как нанесение религиозных знаков, потому что объединяет ее носителя с священным путешествием, имеющим исключительно благочестивые цели. В то же самое время существует тенденция требовать социальных отличий за акт религиозной преданности, и соответствующая метка на теле, сначала имевшая чисто религиозный характер, стала почетным социальным знаком, соответствующим эгоизму его носителя.

Коран запрещает нанесение рисунков на тело, так же как Левит запрещает это евреям. Тем не менее татуировки все еще в ходу у магометанских паломников в Мекку или Медину. Те, кто поддается этой маленькой слабости к социальному отличию на базе религиозности, так оправдывают себя – говорят, что до входа в рай они будут очищены огнем и все знаки будут устранены.

В Судане, где магометанство быстро развивается, много темнокожих людей, на которых тату не видны, поэтому они делают по три разреза на каждой щеке – именно такие знаки принял сам великий Магомет. Среди изображений, которым отдавали предпочтение христианские пилигримы, упоминаются следующие: святой Георгий на коне с копьем в руке, перед ним – умирающий дракон; Христос на кресте, Дева Мария держит на руках Младенца Иисуса, Петр и кричащий петух. Каждый год проводится религиозный праздник в Анконе (Италия), на котором участники татуируют себя благочестивыми изображениями. В Боснии и Герцеговине девушки, принадлежащие к римской католической церкви, собираются по воскресеньям на церковном дворе, где им наносят татуировку священными символами, которые, по поверью, обладают силой магической защиты.

Ко*censored*ис сделал несколько замечаний относительно нанесения знаков на тело в религиозных целях. Чтобы при переводе не изменился смысл, мы считаем необходимым привести их на языке оригинала: «*Les anciens Egyptiens nés de la famille orientale gravaient sur leur peau d'un façon indélébile des emblems empruntés aux rites d'Osiris et Isis. Ils communiquèrent ce gout aux peuples africains avec lesquels ils furent en rapport*». За этим утверждением следует другое, касающееся татуировки арабов, причем в нем упоминается о знаках, считающихся многими метками дьявола, но некоторые находят удовлетворение в татуировке священными символами и считают, что до попадания в рай они все равно пройдут очищение огнем.

По мнению Синклера, цель знаков, которые наносят на тело современные христиане, – достижение более тесного контакта с божественными силами и желание получить от них защиту.

Ко*censored*ис ссылается на интересную идею, бытующую у русских и заключающуюся в том, что татуировка имеет связь с черной магией. Известно, что огнеземельцы (фуэгины) не слишком верили в бога и не думали о жизни после смерти. Возможно, их представления были сродни вере в старика, жившего в чаще леса и пожиравшего отклонившихся от маршрута путешественников. Тем не менее Ко*censored*ис упоминает о том, что фуэгины татуируют себе пальцы, уголки рта и бедра, и делает такой вывод – эта практика навязана им религией. Но поскольку фуэгины не проявляют к ней интереса, данное заключение представляется сомнительным.

Говоря о людях, утонувших в море или в поднявшихся реках, Ко*censored*ис упоминает о трупе, выловленном в Сене: на теле было много татуировок, в том числе изображение епископа, держащего крест.

Исследуя татуировки среди криминальных элементов, Ломброзо посчитал эту практику атавизмом или возвратом к случаям из жизни далеких предков. Автор обнаружил, что преступники Франции, Испании, Португалии и Италии часто включают в число знаков, которые наносят на свои тела, что-то связанное с христианской религией.

Из ста двух преступников у тридцати одного были на теле рисунки, связанные с религией: обычно крест на носу (в одном случае знак стал заметным исключительно из-за попытки стереть его кислотой). Примечательно, что 30 процентов преступников, большинство из которых совершили тяжкие преступления, прибегли к религиозной символике. Ломброзо не дает этому факту объяснения, называя его эмоциональным атавизмом. Возможно, все дело в том, что в римской католической церкви существует два вида практики: один – утонченный, интеллектуальный и пышный, чтобы удовлетворить эстетическим требованиям хорошо образованных интеллигентных верующих, а другой – граничит с магией, к примеру ритуалы, связанные со священным исцеляющим платком святой Вероники, кровью святого, частичками истинного креста. Возможно, татуировка священного символа делается, чтобы спастись от наказания за дурной поступок.

Криминальные элементы, с которыми имел дело Ломброзо, были из католических стран – Италии, Испании, Франции и Португалии, где низшие классы, как правило, очень суеверны и вряд ли осознают разницу между своими религиозными верованиями и магией. Представляется возможным, что преступники, нанесшие на свое тело религиозные символы, сделали так не потому, что хотели стать ближе к какому-нибудь святому или к духовной жизни вообще, а использовали это как инструмент защиты от высших сил. Религиозный символ на теле европейского преступника можно, наверное, сравнить с татуировкой вора из Северной Нигерии. Заклятия, представленные в виде знаков на теле, должны были сделать украденную ношу легче, вора – невидимым, помочь ему двигаться бесшумно и быстро, как леопард, заставить палку сломаться, если преступника поймают и станут бить. Вместо существовавших в прошлом многочисленных и громоздких знаков современный вор может нанести на свое тело крест, чтобы заручиться помощью свыше, такой необходимой при его столь опасном занятии.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТАТУИРОВКИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

При рассмотрении татуировки искусства североамериканских индейцев возникает множество примеров использования ими различных красок и знаков, в том числе связанных с религиозными идеями.

В церемониальном танце сиу, известном как танец духов, рисунки на тело наносятся точно так, как это увидел в состоянии транса будущий носитель татуировки. Перед последним должен был предстать некий родственник с татуировкой или рисунком краской, которые он и обязан был нанести на свое тело. Если индивид ничего подобного не увидел, то нанести на его тело изображение предлагает тот, кто имеет опыт в деле ритуального раскрашивания танцоров.

Излагая свою просьбу художнику (что подразумевает его высокий социальный статус), танцор кладет руки на его голову и говорит: «Отец мой, я пришел, чтобы быть окрашенным, так чтобы я мог увидеть своих друзей, сжался надо мной и окрась меня». В ответ на эти слова художник наносит на тело танцора рисунок, служащий двойной цели – улучшению здоровья получателя и развитию его

духовного зрения.

Окрашивание заключается в нанесении сложного узора красной, желтой, зеленой и синей краской на лицо, красной или желтой линий – вдоль пробора в волосах. Излюбленные рисунки – солнце, месяцы, звезды, кресты и вороны, а также орлы, сороки и курицы – популярны у молодых людей, которые готовятся принять священные знаки на тело до вхождения в «потогонную ванну» по достижении половой зрелости.

Посвящение ребенка конкретному божеству, как, например, юного пауни богу Тира-ва-атиус (дает жизнь и правит всем, живет на небе), считается религиозной церемонией. Формы знаков на теле, а также характер и цвет используемых красок – все это важнейшие символы, которым североамериканские индейцы придают особое значение.

Сначала ребенка смазывают красной глиной, смешанной с жиром буйвола (или оленя), части которого были отложены как священные, когда животное убили. Такое помазание применяют при посвящении не только ребенка, но и взрослого пауни, который в противном случае не сможет принимать участие в религиозной церемонии. На всем ее протяжении активно используются красная и синяя краски, жир буйвола и святая вода.

Церемонию можно разделить на три составляющих. Первая часть – это смачивание лба ребенка святой водой, данной для этой цели богом с небес. Вода – главное средство поддержания жизни – явилась прямо от Тира, который также наделил жидкость очищающей и дарующей здоровье силой.

Теперь для ребенка открывается новая жизнь. Наступило его духовное возрождение. И как краснеет небо на востоке ранним утром, обещая приход нового дня, так красная краска символизирует приход новой, более полной жизни для того, кто посвящен Тира-ва-атиусу. Шаман с раковиной, содержащей красный пигмент, под аккомпанемент музыки и песни, рассказывающей о дающей жизнь силе восходящего солнца, подходит к ребенку. Он наносит то здесь, то там мазки на его лицо, которые потом размазываются так, чтобы все его лицо было равномерно покрыто. Во время этой части церемонии в песне говорится о восходе солнца в небе и силе его лучей.

Нанесение синей краски (символизирующей синь небес, где живет бог неба), которую шаман тоже приносит в раковине, выполняется аналогичным образом.

Знак на лбу святой водой – это обычно полукруг, символизирующий небесный свод, с опущенным из точки зенита перпендикуляром. Во время нанесения красной краски используется пучок травы, символизирующий пищу. Им краска наносится поверх знаков, первоначально намеченных святой водой. На третьей стадии синяя линия, проведенная над красным перпендикуляром, продолжается вниз по центру носа через шею и грудь к сердцу. Так благодать от небесного бога входит в лоб и течет вниз, пронизывая все тело.

У осейджев есть священные трубки, дары богов, за которые несет ответственность вождь. Он не должен допускать, чтобы они касались земли, если, конечно, хочет, чтобы у него по-прежнему были видения, а его дети долго жили. Вождь осейджей украшает грудь и шею рисунками, по обе стороны которых наносится татуировка одной из доверенных ему священных трубок.

Святость нанесения знаков на тело у североамериканских индейцев иллюстрируют сложные церемонии, связанные с татуировкой девочек в племени омаха. Сама метка – это почетный знак, который будет полнее рассмотрен в разделе этой книги, посвященном знакам социального различия, мы же остановимся на условиях, при которых они наносятся. Воздвигали специальные подмости, на которых выставляли вознаграждения татуировщика, а также сто шил и сто ножей. Есть инструменты мужские и женские, вместе символизирующие плодородие. Во время операции, производимой утром, девушка должна быть обращена лицом на запад. Ее положение означает, что молодая жизнь восходит вместе с дневным светилом и следует за ним. В качестве дополнительных атрибутов у двери жилища стоят два глашатая и объявляют имена тех, кто будет петь во время церемонии. Вокалистом можно стать только при условии публичного получения военных почестей.

Знак на теле – это диск, изображающий солнце. Его наносят в центр лба девочки под аккомпанемент древней песни. Песнопение обращено к солнцу, которое поднимается к своему зениту, и, когда эта точка достигнута, символ нисходит на девушку, обещая дающую жизнь силу. На груди изображается звезда – эмблема ночи, отступающей перед восходящим солнцем. Каждый конец звезды символизирует

один из четырех дающих жизнь ветров. Судя по всему, имеет место обожествление сил дня и ночи, причем день – его символ солнце – является мужской космической силой, а ночь – ее символ звезда – женской. Оба символа присутствуют на теле девушки. Заметим, что солнце воздействует, находясь в зените, и духовные силы, внешними проявлениями которых являются день и ночь, обладают силой замедлить заживление тату, если девушка не является целомудренной. Здесь мы видим попытку приобрести жизненную силу и плодovitость путем нанесения знаков на тело во время церемонии поклонения солнцу – впечатляющий пример связи культурных факторов. Кстати, эта операция – своего рода испытание ордалией, во время которой призывается божественный судья, чтобы вынести вердикт относительно целомудрия того, кто получает символы на тело.

Среди кровавых ритуалов ацтеков было посвящение юноши богу Тецкатлипоке. Окрашивание юноши красной и черной красками, чтобы символизировать ипостаси божества, было частью сложной церемонии. В день жертвоприношения Уицилопочтли жрецы наносили маленькие знаки на тела детей – надрезы каменными ножами на груди, животе, запястьях и мясистых частях рук. Специальный разрез делали на груди мальчика, находящегося на втором году послушничества на службе у Кецалькоатля – знак посвящения. Еще одним свидетельством почтения ацтеков к процессу нанесения знаков на тело как религиозной церемонии являются рассказы об окрашивании лиц полосами в честь Ксипе, бога посевов и посадки растений.

ТАТУИРОВКА ИЗОБРАЖЕНИЙ ЖИВОТНЫХ, КОТОРЫЕ ВО МНОГИХ СЛУЧАЯХ ИМЕЮТ ТОТЕМНУЮ И РЕЛИГИОЗНУЮ ПРИРОДУ

Исследования показали, что практика нанесения на тело более или менее точных изображений животных распространена в мире очень широко. Однако довольно трудно решить, насколько важны эти знаки, и оценить степень, в которой они отражают связь между индивидом и тотемными верованиями.

В «Тотемизме и экзогамии» доктора Фрэйзера дается обзор часто распространенной практики выбора животного или растения в качестве эмблемы конкретной социальной группы, члены которой связаны духовными или социальными узами. Характерный случай можно найти в Австралии, где тотемизм развит особенно сильно. Маленькое племя урабунна разделено на два рода, две фратрии – «А» и «В». В каждое из этих подразделений входит несколько групп – тотемных кланов, которые сохраняют индивидуальность, выбрав своей эмблемой какое-то животное. К примеру, могут быть тотемные кланы во фратрии «А» – дикой утки, черного лебедя и т. д., во фратрии «В» – змеи, совы, ящерицы и т. д. Такой порядок сильно влияет на социальную систему, потому что мужчина из «А» не только выбирает жену из «В», на деле все устроено так, что люди дикой утки из «А» должны заключать браки только с людьми ящерицы из «В». Кроме того, внутри тотемных кланов есть возрастные группы, так что мужчина в поисках партнерши крайне ограничен в выборе.

Предмет тотемизма имеет два совершенно различных аспекта – социальный и религиозный, причем они так тесно связаны, что очень трудно решить, какой из них важнее. Что касается религиозной стороны, отметим, что, например, люди, считающие своим тотемным животным кенгуру, относятся к нему не как к обычному зверю, на которого можно охотиться и убивать из удовольствия. Они верят, что давным-давно существовали их предки – получеловеки, которые вселились в кенгуру, поэтому неуважение к этим животным рассматривается как неуважение святости прародителей. В племенах арунта на кенгуру могут ежегодно охотиться мужчины из тотемного клана кенгуру. Религиозной церемонией им предписано есть мясо этих животных, чтобы кенгуру не переводились и в будущем. Людям этого тотемного клана полезно держать у себя живых кенгуру, поскольку в случае опасности они предупреждают их, начиная прыгать.

Проявляющееся почтение к животному на деле принимает форму поклонения предкам, в результате тотемное животное может стать для человека антропоморфным божеством. С социальной точки зрения члены тотемного клана становятся «одной плотью» с животным, а значит, и друг с другом. Следовательно, должно быть единство и взаимная помощь внутри тотемной группы. Еще одним

последствием таких отношений является необходимость избежать инцеста, что непременно случится, если мужчина женится на девушке из своей группы. Естественно, чтобы быть ближе к своим предкам, а значит, и к своим тотемным животным, люди считали обязательным наносить их изображения на кожу своих тел, а также на дом, оружие и одежду, прикреплять их к специальным тотемным шестам.

Итак, несмотря на важность социальной стороны тотемизма, религиозный аспект все-таки является основным, и прежде всего концепция о мифических предках, души которых живут в современных животных.

Тотемные знаки должны отличаться от обычного нанесения изображения животных на тело, которое может делаться с разными целями: для привлечения удачи, как амулет против укуса животного или чтобы приобрести ловкость и ум некоторых из них. Такие изображения не обязательно тотемные, а возможно, наносились на кожу человека с магическими целями.

Племена североамериканских индейцев дают много примеров связи знаков на теле с религиозными идеями. К. Хилл Таут, повествуя о татуировках на лицах людей племени дене, утверждает, что эти рисунки обычно являются условными изображениями очертаний птиц, рыб или растений. Часто встречаются также расходящиеся лучами прямые линии, а на предплечьях – рисунки, символизирующие тотем или, возможно, маниту (священное животное, которое индивид видел в трансе при достижении половой зрелости, и решил считать его божеством-покровителем). В некоторых случаях рисунок на предплечье приобретает свойства амулета, но все же чаще он делается, чтобы способствовать близкому и покрытому тайной контакту человека с его духовным покровителем. Иногда тату наносят на грудь мужчины – обычно это символ медведя гризли, дух которого пользуется глубочайшим уважением. Татуировка этого знака связана с большими расходами на подарки и церемониальные пиршества, и потому тем, кто может продемонстрировать это изображение, обычно завидуют.

Поклонение медведю гризли, даже если он не является тотемным животным, имеет широкое распространение среди индейцев. Доктор Тайлор рассказывает об одном из них, который объяснял, что убить медведя можно только в крайней необходимости или совершенно случайно. После этого охотник садится рядом с убитым животным и выкуривает с ним трубку мира, периодически помещая ее в пасть медведя. Доктор Тайлор считает, что существует страх перед духом медведя, и часто повреждения, нанесенные человеку медведем, считаются наказанием за убийство одного из его друзей. Джеймс Тейт, говоря об индейцах реки Томпсон, видел, как два человека, убившие медведя, окрасили свои лица черными и красными полосами и при этом пели песню медведя. Считалось, что если не нанести на лицо такую умиротворяющую раскраску, то дух медведя будет оскорблен, а от охотников навсегда отвернется удача.

Среди народа баганда тоже существует культ родственных духов убитого животного, обычно леопарда или буйвола. Правда, при этом люди очень боятся призрака леопарда. Для умиротворения его духа в племенах баганда устраивают более сложные, чем у индейцев реки Томпсон, церемонии. Каждый человек, помогавший в охоте, наносит точки на левую сторону своего тела до тех пор, пока не принимает вид убитого животного; одновременно все жители деревни крадутся неподалеку, действуя как леопарды; соблюдаются ограничения в пище – можно есть только мясо теплокровных животных. Особый интерес в церемонии представляет нанесение раскраски мертвого леопарда – с этим процессом связана идея о том, что животные имеют духовных двойников, с которыми люди стремятся быть в хороших отношениях.

Например, у сиу есть несколько символических цветов, использующихся для украшения людей, которым в видениях являлись медведи. Как правило, наносится символизирующая землю широкая синяя полоса, в которой иногда можно разглядеть нарисованного медведя.

Несомненно, в Северной Америке, равно как и в прочих местах, количество используемых знаков на теле быстро уменьшается, а их значение – снижается. Но за исключением индейцев хайда с островов Королевы Шарлотты свидетельства существуют и в настоящее время, и ими занимался Суонтон. Считается, что тотемные знаки оказывают их носителю двойную услугу. Во-первых, они дают духовное единение с животным, избранным эмблемой, и, кроме того, могут считаться социально полезными, объединяя отдельных индивидов. Исследователь полагал, что из всех рисунков, которые он

изучил, более двух сотен имели теистический характер, и объектом поклонения обычно являлось животное. Суонтон заметил, что в племени хайда среди знаков тату присутствуют семейные «гербы» – изображения медведя, волка, орла, рыб.

Исследования, проведенные несколько раньше, выявили существование знаков, изображающих животных, у многих североамериканских индейцев, но, к сожалению, в большинстве случаев это была простая констатация факта без каких-либо пояснений. Судя по отчетам бюро этнологии, есть все основания полагать, что татуировки и изображения на теле краской считаются внешним признаком существующего взаимопонимания их носителей и духов животных.

Капитан Джон Смит утверждает, что среди виргинцев «у многих руки, ноги, груди и лица украшены знаками – изображениями животных или змей, которые нанесены на плоть с помощью черных точек», но значение этого не раскрывает.

Миссионер в Пенсильвании и Огайо преподобный Джон Хекевельдер считает, что индейцы этих районов широко используют сложные татуировки. В 1762 г. он осматривал война-ветерана, на теле которого, помимо многих других рисунков, были изображения водяной ящерицы, большой змеи на правой щеке и виске и головы кабана – на нижней челюсти. Возможно, рисунки являлись знаками вождей, убитых сильной рукой этого воина, который присвоил их, чтобы получить всю скрытую силу, даваемую контактом с духами ящерицы, змеи и кабана. Он мог ожидать, что эти знаки дадут ему ловкость, хитрость и свирепость.

М. Боссу повествует, как индейцы реки Арканзас сделали ему на бедре татуировку косули, означавшую, что теперь он один из них. Этот пример иллюстрирует скорее социальную, чем религиозную сторону нанесения тотемных знаков на тело. Среди индейцев был вождь, убивший гигантскую змею, в честь чего на его теле вытатуировали ее изображение. Этот пример показывает, что нанесение на тело подобных рисунков может быть памятной меткой, знаком социального отличия, а не поклонения тотемному животному.

Эскимосы, живущие на берегу Берингова пролива, татуируют своих женщин знаками, принятыми для обозначения достижения ими половой зрелости и брачного возраста. Также есть изображения, обозначающие тотем. В районе залива Пlover Пауэлл заметил мальчика, у которого над каждым глазом был вытатуирован ворон. Повсюду от реки Кускоквин до берегов Берингова пролива, а также в районе пролива Коцебу эскимосы имеют упорядоченную систему тотемных знаков. Автор ссылается на трудности, связанные с получением нужных сведений, но уверен, что есть все основания утверждать, что всевозможные метки обозначают род или клан по мужской линии и тотем. Следует отметить, что эти знаки обычно наносятся и личную собственность – стрелы, весла, одежду. Такое их использование нас не слишком интересует. Если свидетельства неоднозначны, мы можем опереться на оптимистичное заявление А. Синклера, который утверждает: «Сегодня все еще существует обширное и интересное поле для исследований среди эскимосов, а также племен, живущих на островах северной части Тихого океана. Многое можно узнать об индейцах на западе, в Мексике и Центральной Америке. Существуют большие трудности в получении информации: следует знать предмет, хорошо понимать индейцев и суметь завоевать их доверие. О многих вещах они не любят говорить, а некоторые – не могут объяснить, даже если хотят».

ЗНАКИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ ЖИВОТНЫХ, В АФРИКЕ

Хотя лишь немногие африканские племена для обозначения своего клана или тайного общества, к которым они принадлежат, не используют те или иные знаки, последние часто представляют собой геометрические фигуры. В племени кроса при посвящении женщин используют знак, который похож на крокодила, однако не существует никаких упоминаний о том, что это сходство намеренное: не исключено, что оно просматривается в линиях, изображающих изгибы бедер. Уже говорилось о племени баганда, члены которого наносят на свое тело знак леопарда, чтобы умиротворить духов убитых животных. Кроме того, есть пример татуировки ящерицы в Нигерии. Майор А.Т. Тремерн исследовал более 170 примеров тату и знаков на теле, из них был только один знак ящерицы, впрочем

не имевший тотемного значения. Это изображение, нанесенное на обе стороны шеи, чтобы привлечь *censored*ток, означало: «Спать с тем, кого хочешь» – Kawanche da Masoye.

ЗНАКИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ ЖИВОТНЫХ, В ИНДИИ

В Индии прослеживаются следы тотемизма, но рисунки животных на теле встречаются редко и относятся скорее к какой-то магической формуле, чем к союзу с духами животных. Некоторые домбы Джейпура «маркируют» себя знаком скорпиона, другие наносят рисунок, изображающий, по их утверждению, разрезанное пополам насекомое, чтобы не позволить ему причинить вред. Это своего рода защитная магия или, возможно, перенос на индивида полезных качеств, которыми может обладать животное. Сэр Риели сравнивает знаки домбов с другими аналогичными практиками, как, например, ношение бечуанами на своих телах искалеченных, но живых насекомых. Они делают это, поскольку считают, что упорство, с которым насекомое цепляется за жизнь, перейдет к человеку, которого будет труднее убить.

В малайском регионе распространено верование, что человек, который натрет суставы пальцев пеплом сожженного паука, сделает их гибкими и ловкими для игры на лютне. Татуировка рисунка ядовитого насекомого, такого как скорпион, с одной стороны, может сравниться с тату тотема, поскольку в каждом случае человек желает выказать уважение и страх перед ним. Доктор Терстон приводит общий обзор татуировки в Индии, подчеркивая число и разнообразие рисунков, применяемых говорящими на тамильском языке магометанами. Среди рисунков – изображения птиц, скорпионов и рыб, но ни одного – животного-людоеда.

В Бирме татуировка – изобразительное искусство. Доктор Терстон подробно рассказывает о знаках, которые видел на телах ста тридцати человек, позволивших себя осмотреть. Из рисунков животных чаще всего встречаются изображения скорпиона, слона и ящерицы. Неудивительно, что люди, посетившие Бирму, часто хотят привезти с собой на память образец искусства бирманских татуировщиков, сноровка которых неизменно вызывает восхищение европейцев. Примеров изображений животных среди бирманских тату очень много, но они являются чисто декоративными и не имеют скрытого смысла. Вполне возможно, что именно эстетика исполнения объясняет большое количество татуировок в Бирме, но все же особый смысл придается знаку с изображением кошки или тигра. Считается, что бирманцы наносят себе такие татуировки для придания быстроты и ловкости этих животных.

ЗНАКИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ ЖИВОТНЫХ, В ОКЕАНИИ

В последнее время все больше исследований проводится в Тихоокеанском регионе. Наиболее интересной представляется Кембриджская экспедиция в Торресов пролив 1898 г. Среди жителей островов этого региона распространены изображения тату с растениями и животными, а также геометрических орнаментов, которые классифицируются как социальные, памятные, траурные, магические и декоративные. Из информации, полученной докторами Риверсом и Хаддоном, ясно, что эти изображения есть тотемизм в стадии упадка, хотя это может быть и спорное утверждение.

У жителей западных островов некоторые татуировки являются изображениями животных – или реальными, или выполненными в условной манере. На животе обычно наносится татуировка с крокодилом – имитация чешуйчатого покрова любимого животного островитян. Большинство из них имеют аккуратный овальный и слегка приподнятый шрам на правом плече. Судя по его форме и имеющейся информации – это изображение черепахи. Женщины мириам делают на правом плече тату – сороконожку. Племя сам считает своим тотемом казуара. Люди, желающие показать связь с этой птицей, изображают на икрах ног символический рисунок – следы, которые оставляют лапки казуара. Этот знак чаще всего использовали женщины из тотемного клана казуара. Мужчины ждали других преимуществ от союза с упомянутой птицей и к тому же в качестве вспомогательных тотемов имели змею и дюгоня. Мужчины тотемного клана сороконожки считались самыми быстрыми и очень

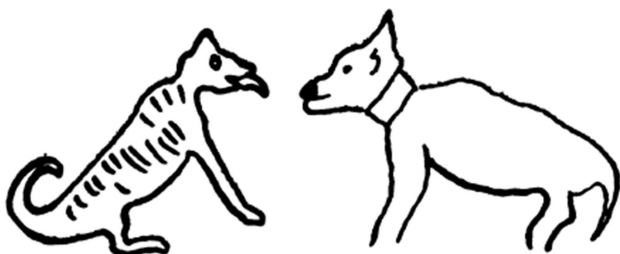
гордились своими длинными сильными ногами. Когда схватка представлялась неизбежной, мужчина племени говорил себе: «Мои ноги длинные и тонкие, они двигаются быстро, и трава не будет им мешать».

Народ табу уподоблял себя своему тотему – змее: чтобы стать на нее похожими, люди делали два маленьких отверстия на кончике носа, а во время боя высовывали языки, а представители из племени мабуиаг наносили изображение свернувшейся кольцами змеи на икры своих ног.

На острове Киваи, в устье реки Флай, на Новой Гвинее, самыми распространенными тотемами являлись кот, сороконожка, бамбук и краб. Из тридцати шести обнаруженных там тотемов были два растения, три неодушевленных предмета, остальные – животные. Но во всех случаях изображенные на телах рисунки отличались условностью, и понять их можно было с большим трудом.

Тотемный знак – скат

Тотемные знаки – собаки

Тотемный знак – черепаха

Тотемические знаки с животными, используемые для нанесения на тело и маркировки собственности островитянами Торрессова пролива

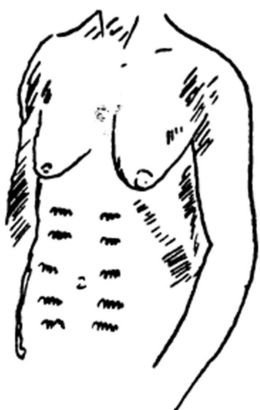
Островитянин из Торрессова пролива знал о том, что человек был обязан соответствовать характеру животного, знак которого носил на теле. «Аугуд (то есть тотемное животное) все равно что родственник, он принадлежит к тому же семейству», поэтому люди тотема сороконожки несдержанны и наносят удар с большой силой и жестокостью, люди крокодила – жестоки и беспощадны. Если крокодила убивал член клана, от собратьев его ждала смерть (представитель любого другого клана мог сделать это безнаказанно). Люди клана крокодила будут горевать о смерти родственника, но никакого ответного насилия применять не будут. То же самое было с людьми из умай (тотем – собака). Воин умай, когда собирался на бой, обеспечивал себе удачу и делал себя отличным от врагов, нанося знак тотема краской на спину и грудь, однако у него могло и не быть постоянного тотемного знака.

Сороконожка была любимым изображением женщин даудаи, которые рисовали ее на ногах, но нет никаких свидетельств существования сороконожки-тотема, и, возможно, такой знак, как и у домбов в Индии, означает только магическую защиту от укусов этих насекомых. Очень интересные ботанические тотемные знаки были обнаружены исследователями на теле одной молодой женщины из клана кокосового дерева в Маувате, Новая Евинья.

Согласно утверждению Сомервиля, население Новой Евиньи «маркирует» себя приподнятым рубцом в форме птицы фрегата или дельфина (некоторые используют два знака). Чаще всего изображения наносят на лопатку, грудь и бедро, причем на бедро обычно – изображение дельфина, а на лопатку – птицы, что, вероятно, делается для придания помеченным конечностям качеств соответствующих животных. На плечах изображается птица фрегат в надежде, что руки человека приобретут силу крыла птицы, на ноги наносятся знаки дельфина, чтобы ноги стали сильными в плавании. Марквардт обсуждает предположение фон Лушана о том, что самоанский рисунок имеет тотемное происхождение и является условным изображением морского орла, которому могли поклоняться. Однако он не нашел подтверждения этой теории.

Татуировка на руках символизирует моллюска – нгата

Чешуйки крокодила

Знаки тотема клана кокосовой пальмы

Символическое изображение летящих пеликанов. Отец наносит их на правую ногу дочери в знак того, что она достигла брачного возраста

Татуировки островитян Торресова пролива

О нанесении на тело знаков, изображающих животных, в Новой Зеландии ничего не известно, а применяемые там геометрические рисунки считаются средствами выражения социальных различий.

Среди жителей широко распространены тотемные изображения. Они наносятся на тела во время *intichiuma* и других специальных церемоний, но фотографии, опубликованные в последней работе Спенсера и Гиллена, показывают, что рисунки очень условны и потому почти неузнаваемы. Исключение составляет лишь несколько человек, на телах которых краской нанесен знак, явно изображающий солнце. На ежегодной церемонии, проводимой для того, чтобы кенгуру процветали и размножались, люди из тотемного клана кенгуру племени арунта собираются у источника воды, где есть большая скала, выступающая из земли примерно на двадцать футов, а на ее поверхности – уступ, достаточно большой, чтобы на нем разместились три или четыре человека, которые ведут церемонию. Эти люди наносят на свои тела краской чередующиеся красные и желтые полосы, являющиеся очень грубой имитацией кенгуру. Это делается, чтобы установить тесный контакт с животными. Мужчины забираются на уступ скалы и позволяют своей крови стекать из рук по поверхности камня, а их спутники внизу поют об увеличении поголовья кенгуру.

Далее следует охота, потом жертвенная еда, вторая охота, вторая еда и снова песни. Потом все расходятся. В этом случае знаки на тело наносятся для того, чтобы уподобить их носителей духам кенгуру, которые являются мифическими человеческими предками членов тотемного клана. Еще более важным представляется то, что эти духи – наполовину люди, наполовину кенгуру – ответственны за плодovitость животных. Считается, что они не станут применять свою силу, если члены тотемного клана не обратятся к ним и не умиротворят их, нанеся соответствующие знаки на тело и проведя сложный церемониал с песнями.

Спенсер и Геллен привели очень интересный случай. Они описали молодых людей с различными тотемными знаками, собирающими их с целью обмена рисунками. И хотя никакого объяснения не было

дано, представляется вероятным, что этот обмен – «дай и возьми» – призван обеспечить для каждого человека суммарную духовную силу, скрытую в тотемах.

А. пользуется всеми полезными свойствами тотема, затем передает его В., который аналогично отвечает на любезность, и, таким образом, каждый получает наибольшее количество духовной силы. Кроме того, используя так тотемные знаки, эти люди показывают, что кланы и тотемы могут быть разными, но в действительности люди, собравшись вместе, объединяются в большую социальную группу.

КЛАССИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ НА ЗНАКИ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЖИВОТНЫХ

В последние годы стали применяться методы антропологических исследований для изучения жизни в Древней Греции и Италии. Имели ли народы классической Античности системы магии, примитивной религии, жертвоприношений, исполненных по обету, и тотемных церемоний, сравнимых с теми, которых так много у народов с рудиментарной культурой? Что касается тотемизма, Гаррисон приводит свидетельства из трудов Гесиода, Гомера, Аристофана и Ксенофона, показывая, какое почтение испытывали люди того времени к животным, особенно в случае жертвоприношения. Когда в жертву Зевсу приносили быка, в злодеянии винили топор, а жрецу, нанесшему удар, приходилось некоторое время скрываться, как будто он был убийцей. Нас интересует проблема тотемизма в древних цивилизациях только относительно его влияния на татуировку.

Рассматривая вопрос социальных корней греческой религии, Гаррисон упоминает тотемизм, и среди множества интереснейших свидетельств соответствующих практик ссылается на татуировку на руке фракийской женщины. Мужчины-фракийцы, поклонявшиеся Дионису, наносили на тело знак – лист плюща, который стал эмблемой неумирающей тотемной души – когда другие растения увядают, плющ сохраняет свежесть весь год. Вакханки носили сандалии из кожи козленка, символизирующего фавна, а чтобы их еще больше идентифицировали с животным, татуировали его изображение на руках.

Египетская археология дает интересный пример использования знаков на теле для обозначения союза между человеком и божеством. На ливийских фигурах из гробницы Сети I (1330 г. до н. э.) видны вытатуированные символы богини Нейт – божества глубокой древности, хорошо известной до Четвертой династии. Нейт считалась матерью и дочерью бога солнца Ра. Она отвечала за возрождение солнца каждое утро, имела определенные функции в связи с облачением усопших и занималась вопросом их бессмертия. Знак показывает, что доктрина партеногенеза была хорошо известна в Египте в связи с богиней Нейт из Саиса, и, следовательно, судя по всему, это один из самых первых примеров тату для обеспечения союза с духовными силами.

Ливийские фигуры из гробницы Сети (1330 г. до н. э.). Видны татуировки на руках и ногах. (Знак А –

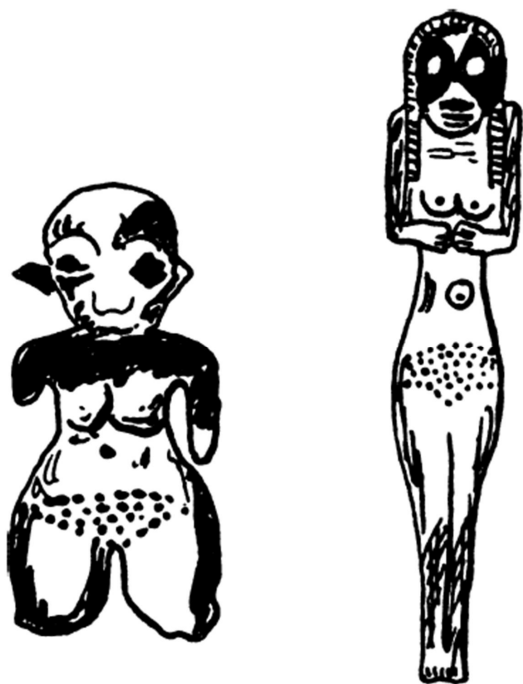
символ богини Нейт)

Наш региональный обзор истории татуировки в связи с тотемизмом позволяет сделать два вывода.

Во-первых, есть знаки, которые определенно объединяют их носителя с духом животного, примеры можно найти в Австралии, Северной Америке, на островах Торресова пролива.

Во-вторых, существуют специальные знаки с изображениями животных, не имеющие прямой связи с религиозными верованиями народов. Многие из них могут рассматриваться как одновременно магические и религиозные символы, как, например, на островах Торресова пролива, где есть клан казуара и союз с птицей достигается нанесением ее знака на тело. Во всех примерах татуировки островитян Торресова пролива преобладает идея использования магических средств для приобретения полезных качеств того или иного животного. Так обстоят дела в Бирме, где мужчины наносят на тело знак тигра, или в Нью-Джорджии, где излюбленными являются знаки дельфина и птицы фрегата, а также в Индии, где изображения животных являются магическими и декоративными. Несмотря на наличие разных причин применения тату с рисунками растений и животных, есть основания полагать, что в Австралии, а не так давно и в Северной Америке эти знаки имели более глубокое значение, чем магическое и декоративное. Не исключено, что они были сродни выражению религиозного чувства, которое в Северной Америке и Австралии характеризуется идеями, связывающими жизнь духов предков племени и животных. Это свидетельство, представленное в соответствии с разными типами знаков на теле, имеет отношение к ассоциации с миром религии. В рассмотренных примерах татуировки относятся к божеству или к будущей жизни с сохранением индивидуальности. Табу и ритуалы, легенды о божественном происхождении и тенденция к передаче мастерства татуировки в руки жрецов доказывают сильный религиозный импульс, необходимый для распространения этого искусства по всему миру.

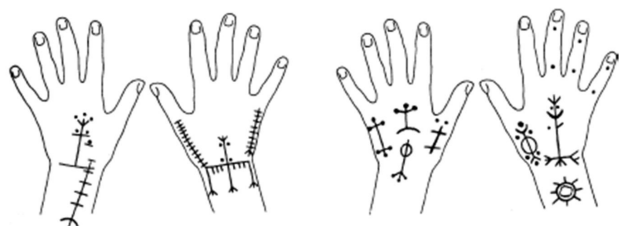
В качестве общего утверждения можно сказать, что нанесение рисунков на тело сыграло важную роль в эволюции, стабилизации и миграции религиозных концепций. Возможно, они зародились в далекие времена палеолита, когда красная охра символизировала дающую жизнь кровь, знак жизненной силы и бессмертия.

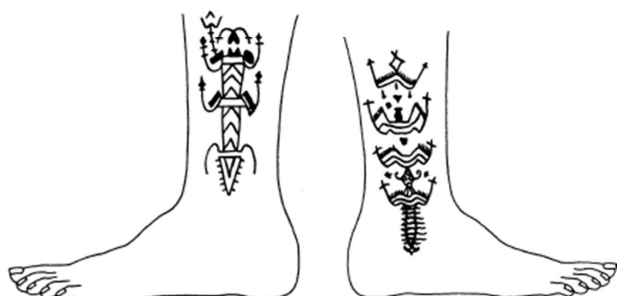
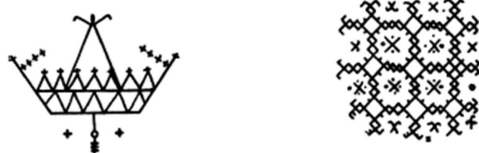
Древние египетские костяные фигурки. Знаки на животе и лобке могли наноситься краской или татуировкой. Датируются примерно 4000 г. до н. э. Доктор Хоуз считает, что знак на лобке – это треугольный щит – такой носят юные девушки на Борнео

Археологические свидетельства доказали, что нанесение знаков на тело с помощью краски и

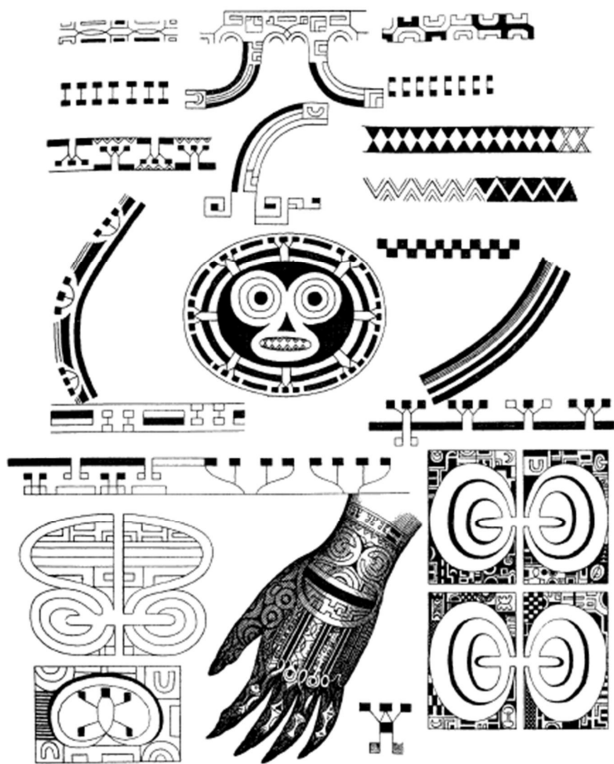
татуировки существовало в Египте еще в 4000–2000 гг. до н. э. – это видно по дошедшим до нас статуэткам. К этому вернемся позднее. Согласно свидетельствам, рассмотренным в исторической части настоящей книги, египетские знаки на теле относились к плодовитости женщин, социальному статусу и жизни после физической смерти. Иными словами, к вопросам, имеющим фундаментальную важность.

Знаки на руках мужчин езидов и шаммар

Североафриканские знаки и узоры

Маркизские знаки

Рисунки для татуировки жителей Борнео

Татуировка ноги мужчины – жителя Маркизских островов. Из «Татуировки на Маркизских островах», Уиллоудин Чэттерсон Хэнди (музей Бишопа, 1921)

Татуировка ноги женщины – жительницы Маркизских островов. Из «Татуировки на Маркизских островах», Уиллоудин Чэттерсон Хэнди (музей Бишопа, 1921)

Мужская татуировка, «Жители Маркизских островов и их искусство», Карл фон Штайнен, Германия, 1925

Мужская татуировка, «Жители Маркизских островов и их искусство», Карл фон Штайнен, Германия, 1925

Татуировки на руках, «Татуировки на Маркизских островах», Уиллоудин Чэттерсон Хэнди (музей Бишопа, 1921)

Мужская татуировка, «Жители Маркизских островов и их искусство», Карл фон Штайнен, Германия, 1925

Татуировка ног, «Татуировки на Маркизских островах», Уиллоудин Чэттерсон Хэнди (музей Бишопа, 1921)

Татуировка ног женщин, «Жители Маркизских островов и их искусство», Карл фон Штайнен, Германия, 1925

Татуировка лица, автопортрет Те Феи Купе

Глава 2

НАНЕСЕНИЕ ЗНАКОВ НА ТЕЛО И МАГИЯ

Примитивный человек никогда не объяснял свои нездоровье и боль естественными причинами, такими как, например, собственная нечистоплотность и отсутствие осторожности в выборе еды и напитков. Его больше всего устраивало другое объяснение, приписывающее болезни козням врагов или вмешательству злых духов.

В дополнение к этому существовала теория о том, что душа всегда старается покинуть тело и что медицина должна быть направлена на ее удерживание на месте. Такие взгляды являются вполне логичными для примитивного человека, и их подробно рассмотрел Риверс.

Душа материальна и может быть поймана в ловушку, состоящую из нескольких петель, прикрепленных к центральной палке, – такой «прибор» использовали профессиональные ловцы душ Борнео и Полинезии.

Естественно, главными проблемами знахарей и шаманов стали следующие: изгнание демонов болезни, определение индивида, который вызвал болезнь черной магией, и нахождение средств для удерживания души в теле.

Географический обзор выявит причины нанесения определенных знаков на тело и их связь с магией, но, вероятнее всего, примеры будут нагляднее, если сгруппировать их не по географическому принципу, а по конкретному виду магического искусства, в котором используется татуировка или другие способы нанесения знаков на тело.

Начав со знаков, важных для излечения от болезни и боли, мы находим особенно много интересных примеров в Индии. Индусы верят, что определенные знаки, обычно получаемые клеймением, позволяют облегчить страдания.

Уже упоминалось о бедарах из Беллари, которые наносили на дельтовидную мышцу плеча фигурку бога-обезьяны Ханумана, чтобы уменьшить боль, вызванную вывихом. Доктор Терстон ссылается на юношей тогда, которые получают татуировку шрамированием как средство магического избавления от боли, ставшей результатом первых попыток подоить буйволов. Келоидные рубцы обычно наносятся на правое плечо, а ожоги делаются священными огненными палочками. Тогда верят, что такое клеймение поможет им с легкостью доить буйволов. Это подтверждает и доктор Риверс, проводивший исследования в 1906 г. Согласно его рассказу, единственный знак, наносимый на тело мужчинами тогда, – это шрам на правом плече, реже – на локте. Ожог производится палочкой, разогретой на огне, который добыт трением. То есть церемониал явно уходит корнями в древность. Тем не менее нет никаких признаков, указывающих на святость операции.

Знаки могут наноситься кем угодно, когда мальчик достигает возраста двенадцати лет. Именно в это время он начинает учиться дойке. Если одного применения горячей палочки недостаточно, чтобы дать мальчику иммунитет от боли, операция повторяется до достижения нужного результата. В одном случае у мужчины было три келоидных рубца, один на плече и два на локте, причем последний знак нанесли, когда ему исполнилось шестнадцать лет, поскольку у него все еще болели руки при дойке. Самое большее отмеченное число шрамов – четыре. С другой стороны, некоторые мужчины обходились вообще без знака, поскольку являлись членами больших семей и им не приходилось доить долго. Маленькие шрамы делаются на запястье, чтобы излечить боль, церемониальные келоидные рубцы наносятся на запястья беременным женщинам, но цель этого действия не вполне понятна. Судя по сложному церемониалу, это делается скорее не для облегчения боли, а чтобы отвратить множественные неясные и не поддающиеся точному определению злые силы, которые всегда активизируются в кризисных ситуациях. Доктор Терстон добавляет, что шрамы также делаются, когда человек находится в ослабленном состоянии, например в лихорадке: тогда знаки обычно между бровями или пальцами ног, а также на задней части шеи.

В районе Кистна детям наносят клеймо на лоб, грудь или шею, чтобы избавиться от конвульсий, а мужчины мала и прочих каст имеют знак на лобке для спасения от колики. Мужчина из племени каиколан, будучи ребенком, был вылечен от болезни нанесением знаков на грудь и живот – это было

несколько больших и маленьких дисков. Некоторых детей из лингятов клеймят горячей иглой. Знаки делают на животе не в качестве лекарства, а как свидетельство веры в максиму, что профилактика лучше лечения. Детей, подверженных припадкам, клеймят горячей веткой или стеклянным браслетом. В отсутствие прямых свидетельств можно только догадываться, в чем смысл такого знака. Широко распространено приношение риса или других небольших подарков, чтобы умиротворить демонов болезни. Принимая за основу идею о существовании последних, разумно предположить, что демон, который желает вызывать боль, будет умиротворен, если индивид причинит боль себе сам, а шрамы – свидетельство того, что демону уплачена дань.

Дж. Г. Скотт, который долго жил среди бирманцев, с уверенностью утверждает, что бирманцы верят в эффективность татуировки, как магической формулы, талисмана. Большинство людей, которые наносят татуировки и кабалистические знаки на тело, – это шаны, которые в процессе операции бормочут заклинания и поют. Обычно человек, наносящий такие знаки, пользуется большим уважением, и в эффективности его работы никто не сомневается.

Существует особый знак для предотвращения боли. Один школьник, на тело которого по его желанию был нанесен знак A-hree, даже напросился на порку, чтобы проверить эффективность работы татуировщика. Остался юноша доволен ею или нет, неизвестно. Сэр Дж. Г. Скотт наивно замечает, что, какова бы ни была эффективность знака, юноша некоторое время после своей авантюры вел себя заметно тише. Есть еще Mooy Say – оберег против змеиных укусов, и отвратительная татуировка, которая выполняется, когда пациент зажимает в зубах человеческую плоть.

Последняя – Waw-dee-mah-da – татуировка-амулет, должна придавать человеку сверхъестественную силу, и, если верить примеру, на который ссылается Швай Йоу, носители знака не были разочарованы. В одном из монастырей жил мальчик, помогавший нищему шану-татуировщику, который, в ответ на доброту, сделал ему татуировку знака силы. Уже через месяц появились безошибочные признаки того, что сверхъестественная сила начала проявляться. Мальчик прыгал на большую высоту, очень быстро бежал и с легкостью носил тяжести, которые другие не могли даже сдвинуть с места.

Юноша сумел выбраться из прочного ящика, куда его поместили, и нашел убежище в монастыре, причем жил он на высоте сорока футов над землей, откуда без труда спрыгивал вниз. Если верить истории, молодой человек быстро рос и вскоре мог перейти реку, и вода достигала только его пояса. В конце концов его излечил святой отшельник, убравший знак тату и снявший чары. Зная о воздействии разума на тело и о глубочайшей вере в волшебство среди людей, время от времени практикующих черную магию, не стоит удивляться, что юноша, имея на теле татуировку знака силы, в которую он непоколебимо верил, сумел развить в себе необычные силу и наклонности. Люди всегда с удовольствием рассказывают о странных явлениях, вот и в этом случае богатое воображение братьев монахов, вероятнее всего, изрядно приукрасило повествование, изложенное сэру Скотту. Утрату силы тоже нетрудно объяснить. Знак тату был сведен, вера и подсознательные стимулы утрачены, и, значит, больше ничто не побуждало юношу к эксцентричному поведению.

В 1881 г. в Рангуне жил молодой человек, получивший татуировку знака белой цапли, который должен был охранять носителя от утопления. Его вера в чудодейственную силу тату была настолько сильна, что юноша позволил бросить себя в реку связанным по рукам и ногам, что, естественно, привело к летальному исходу. Люди, помогавшие в этом эксперименте, были обвинены в убийстве и в конце концов осуждены. Это вызвало недовольство многих бирманцев, которые считали наказание слишком суровым, поскольку утопление стало результатом действия черной магии, не позволившей вытатуированной цапле проявить свою спасительную силу.

Можно привести еще один аналогичный пример. На острове Ванкувер жила женщина из племени хайда, у которой на лице была татуировка палтуса с головой вождя на хвосте рыбы. Женщина утверждала, что такой знак позволит ей не утонуть в море и ее родственники тоже будут обладать таким же иммунитетом. Такая информация может быть отнесена к разным разделам исследований, но при этом труднее всего будет определить, какой группе татуировок лучше всего соответствует тот или иной пример.

В данный момент нас больше интересует не предотвращение несчастных случаев благодаря татуировке-оберегу, а избавление от болезней и их предотвращение знаками тату. У народа сакаи есть

магическая церемония изгнания холерного демона. Этим занимается шаман, который окрашивает свое тело черной краской, оставляя впереди несколько вертикальных белых полосок. Затем он проводит церемонию, состоящую главным образом из танцев и песнопений. Окрашивание тел для проведения магических церемоний среди семангов, сакаи и якунов является обычным. Любимые краски – черная, белая и красная, в некоторых случаях желтая. Все эти цвета используются в разнообразных магических церемониях, но главное значение придается красному и желтому цветам, которые, считается, обладают равной силой.

У семангов раскрашивание тел производится скорее в магических целях, чем для украшения, а сакаи чаще преследуют декоративные цели. Гребни и колчаны, используемые семангами, являются настоящими произведениями искусства, и говорят, что рисунки, нанесенные на них, обладают магической силой и защищают носителя. Так, например, охотник, у которого на колчане правильные знаки, будет защищен от падающих деревьев и удара молнии. В Кедахе женщины утверждают, что рисунок на гребне отгоняет зло. Иногда такие же знаки наносятся на тело. К информации, касающейся семангов, следует относиться с осторожностью. Вон Стивенс (Vaughan Stevens) пишет интересно, но не конкретно. Он не уточняет ничего относительно мест, племен, техники нанесения и формы знаков на теле, и поэтому пришедшие после него исследователи испытали большие трудности, желая проверить его утверждения. Затруднения возникли также из-за изолированного расположения семангов в густых джунглях, где они перемещаются по обширным пространствам. Утверждают, что собственно татуировка семангам неизвестна, однако есть свидетельства нанесения магических знаков на тело углем. Люди делают это, когда ощущают боль. Для сакаев следует упомянуть об использовании магической краски при рождении ребенка, но наносят ли краску для уменьшения боли при деторождении, не вполне понятно; вероятнее всего, речь все же идет об отвращении магическими знаками неких зол, которые всегда присутствуют в переломные моменты. В общем, видимо, этот пример аналогичен рассказу доктора Риверса о татуировке женщин тогда накануне родов.

Практически не остается сомнений в том, что у сакаев нет понимания четкой разницы между обычной декоративной краской и пигментами, обладающими магической силой. Шаман, вступая в должность, может присвоить магическую краску, но должен отдать ее, когда снова становится рядовым членом общины. Колдуны и повивальные бабки используют приспособление из панциря черепахи для нанесения магической белой краски, и любой другой человек, который пожелает использовать эту краску или средства ее нанесения, будет поражен молнией. Еще один интересный момент: мертвые не должны сохранять свою краску. Это противоречит всем нашим представлениям как о пещерных людях глубокой древности, так и о современных примитивных народах.

До вступления в брак юноши и девушки имеют полосы красной краски, не придавая этому особого значения. Позже к ним добавляются черные полосы или белые точки. Статья о магическом использовании краски у якунов Бесиси завершается примером, сходным с тем, что сэр Риели поведал о бирманцах (охотник, желающий, чтобы охота была успешной, хочет приобрести свойства тигра или кота и для этого татуирует на теле соответствующее изображение). Якун, желающий получить силу, чтобы убить тигра, берет лист *tiger chind weh*, раздавливает его до состояния пульпы и втирает в грудь.

Среди нигерийских знаков на теле есть один, дающийся как лекарство от боли. Майор Тремерн утверждает, что некий индивид по имени Баба имел *babba goro* – серию коротких параллельных надрезов на левой стороне тела ниже пояса. Он утверждал, что татуировка облегчает боль в животе. Несомненно, есть много шрамов, являющихся результатом примитивных хирургических операций; такие шрамы упоминают сэр Эверард им Терн (Everard im Thurn) в «Индийцах Гвианы» и Е. Тернер, повествуя о жителях Самоа, которые делают надрез на голове, чтобы выпустить головную боль. Генри О. Форбс в 1885 г. писал, что люди с Тимор-Лаута клеймят свои руки и плечи раскаленными жезлами, чтобы отогнать болезни. Делают также отметины, похожие на оспинки – этой болезни они очень боятся.

Э.Х. Ман утверждает, что на Андаманских островах широко используется три основных пигмента. По способу их нанесения можно сразу сказать, болен ли индивид или грустит, провел ли он весело время или только собирается это сделать. Автор сообщил, что неженатые люди не могут наносить краску на шею – ни для украшения, ни для того, чтобы ослабить боль, а женой желтая охра иногда применяется

как лекарство от болезни. Другой интересный пример применения краски в магических целях – нанесение на тело желто-зеленой глины, когда индивид приготовил пищу из черепахи. Считается, что злых духов привлечет приятный запах этой пищи, и, чтобы этого не допустить, глину наносят на лицо и руки.

От каян Саравака мы знаем, что наука или искусство удерживания души в теле – это условие, которое по праву считается основой здоровья и активности. К примеру, кто-то заболел, и дайонга позвали, чтобы поставить диагноз. Он вполне может объявить, что болезнь – результат попытки души покинуть тело. Очевидно, лекарство – заставить блудную душу вернуться. Для этого дайонг вводит себя в транс. Тем самым он освобождает свою душу, чтобы та могла устремиться в погоню за душой пациента и убедить ее вернуться. Церемония обычно проводится при свете факелов в присутствии группы встревоженных родственников, которые уже заплатили опытному ловцу душ. Иногда в ухо пациента вставляется духовая трубка, и все вокруг кричат слова «вернись!», «вернись!». Шаман продолжает: «Это твой дом, здесь есть пища, приготовленная для тебя». На это душа может ответить: «Я далеко от дома, следую за тохом (духом) и не знаю дороги домой». Обычно церемонию завершает дайонг, показывая лежащий на ладони камень или маленькое животное, и, поскольку считается, что беглая душа – в этом предмете, ее возвращают пациенту, положив предмет рядом с его головой. Последующее бегство души предотвращают, обмотав запястье пациента пальмовым листом и принеся в жертву птицу. В случае серьезного заболевания в жертву демону болезни приносится свинья. Пальмовый лист легко потерять, поэтому сейчас на запястье наносится соответствующая татуировка. Она не только удерживает душу в теле, но и предотвращает болезни, вызванные другими причинами.

Существует очевидное различие между нанесенными на теле «болеутоляющими» знаками в Африке, Гвиане, Самоа и у австралийских племен, с одной стороны, и у индусов, бирманцев, каян и жителей Андаманских островов – с другой. В первой группе нет никаких причин верить в то, что излечение заключается в самом знаке, который имеет второстепенное значение. Во второй группе сам знак на теле – будь это тату, шрам или краска, считается основным составляющим звеном лечения, которое осуществляется путем обращения к демону болезни. На Тимор-Лауте, когда речь идет о шрамах в виде оспинок, вероятнее всего, люди считают, что демон уйдет, довольный, что люди уже были объектом его внимания. А вот айну уверены, что их знаки заставят демона бежать, потому что он увидит, что они совсем как их небесные покровители. Люди, имеющие шрамы в виде оспинок, чувствуют себя в безопасности, поскольку их знаки показывают близость к демону оспы. Этот демон, конечно, не станет вредить тем, кто отождествляется с ним, – такова примитивная логика. Третья гипотеза предложена доктором Терстоном. По его мнению, люди верят, что демон требует от каждого индивида в той или иной форме определенного количества страданий. Только причинив себе в начале жизни не слишком сильную боль, которой будет достаточно, чтобы умиротворить демона, человек может спастись от него.

Связь между краской, шрамированием и татуировкой проколами разгадать трудно. Проблема возможного моногенеза с последующей трифуркацией в доисторическом периоде и, как следствие, специализацией представляет значительный интерес. Риверс, отметив широкое распространение на Тихом океане терапевтического и религиозного кровопусканий, предполагает между ними определенную связь. Не исключено, что религиозная практика шрамирования развилась из терапевтических операций.

ЗНАКИ НА ТЕЛЕ, ПРИНОСЯЩИЕ УДАЧУ

Нанесение на тело знаков с целью привлечения удачи является распространенной практикой. При этом, по-видимому, отсутствует намерение привлечь на свою сторону некое сверхъестественное существо. Просто у людей существовало подсознательное чувство, что без имеющегося на теле традиционного знака человека будет преследовать злой рок. Возможно, подробное рассмотрение нескольких специфических случаев поможет понять, имелось ли в виду обращение индивида к некой силе, личности, демону или духу, способному его защитить.

Мы упоминали о бирманских обычаях, как доказательствах того, что определенные знаки тату наносятся как обереги, своеобразные амулеты для обеспечения очень специфической формы защиты, такой как приобретение иммунитета против утопления, ружейного выстрела или удара копьем. В Сиаме, соседе Бирмы, есть обычай, широко распространенный среди низших классов, наносить определенные татуировки для привлечения удачи. Нередко этот знак – завиток, представляющий Будду в состоянии медитации; его обычно помещают на лопатках, груди или запястье. Пример является почти религиозным, поскольку на знаке представлено божество. Завиток должен восходить слева направо для мальчика и справа налево для девочки.

Религиозных элементов в этом примере два: изображение божества и выполнение операции монахом. Магическая часть включает веру в эффективность такой материальной вещи, как знак на теле, а также повторение ряда магических ритуалов. Оба процесса – необходимые составляющие при выполнении татуировки.

Бирманец, желающий иметь удачу и пользоваться милостью сильных мира сего, татуирует на руке попугая. В процессе выполнения операции он периодически повторяет: «Попугай, татуированный на руке, даст милость принцев». Слова, вероятно, являются заклинанием. Здесь, несомненно, велик элемент веры, и человек следует по жизни дальше с уверенностью и оптимизмом, которые делают его хозяином положения во многих жизненных ситуациях. Всем мальчикам шаны делают татуировку как тест на выносливость и, после того как обязательные знаки нанесены на бедра, время от времени добавляются рисунки на спину и руки. Последние должны стать оберегами от ран и несчастных случаев.

У народа арунта в центральной части Австралии, Бирме, у индейцев пима в Северной Америке и у сакаев есть случаи нанесения знаков на тела детей при рождении. И хотя это, вне всяких сомнений, имеет социальное значение, мы решили рассмотреть все подобные примеры в главе, посвященной связи знаков на теле и магии. Довольно трудно сказать, какой элемент является доминирующим – магический или социальный. Пусть факты говорят сами за себя.

От рождения до смерти почти каждое действие туземца Центральной Австралии в той или иной степени связано с магией. Как только рождается ребенок арунта, над его бровями проводят линию черной краской, чтобы отвести болезни. Если этот оберег оказывается неэффективным, считается, что кто-то пустил в ход контрмагию. У индейцев пима в Северной Америке лицо младенца окрашивают сразу после рождения смесью красной охры и материнского молока. Считается, что это улучшает кожу ребенка, но использование красной охры, которой практически повсеместно придают магические свойства, говорит о том, что, вероятнее всего, речь шла о защите. Бэнкрофт утверждает, что в Северной Америке новорожденному ребенку наносят краску на веки.

У сакаев новорожденному наносят краску на лицо каждый день в течение одного лунного месяца (28 дней). Если луна в какой-то промежуток времени не видна, это не считается. Пример связи знаков на теле и луны есть у каян, которые не начинают татуировку девочек до *butit halap* – девятого дня нового лунного цикла. Подобные церемониальные предписания указывают на важность знаков на теле для магических целей. У сакаев окрашивают не только новорожденного младенца. В течение первых пяти лет его жизни краска наносится на лицо повивальной бабке и матери ребенка.

В Бирме ребенку между глаз наносят рисунок, представляющий Будду. Церемонию проводят вместе с выбриванием волос на голове, которое делают всем детям. Этот процесс напоминает о вере индусов в то, что судьба каждого человека написана у него на лбу, хотя человеческий глаз этой надписи не видит. Возможно, начало этой вере положили швы на черепе, имеющие некоторое сходство с буквами индийского алфавита. В наши дни возле новорожденного ребенка кладут письменные принадлежности, чтобы Видхатра мог написать судьбу ребенка у него на лбу.

Было бы интересно понять, имеет ли нанесение знаков вокруг глаз связь с «дурным глазом», против которого может охранять специальная метка. Во многих удаленных районах Шотландского нагорья, в Корнуолле и Сомерсете, некоторые деревенские жители верят, что можно сглазить ребенка или животное. Греки, позаимствовавшие многие идеи в Египте, имеют специальное слово для выражения этой таинственной силы – *Ваокавиа*, означающее дать силу дурного глаза. В польском фольклоре есть история о славянском крестьянине, который обладал этой силой и, чтобы не сглазить детей, ослепил

себя.

Обычно считается, что человек, которого сглазили, чахнет от болезни, которую ни один знахарь не может диагностировать, и, поскольку зло идет из глаз или от их взгляда, предполагается, что черная магия входит в тело того, кого сглазили, тоже через глаза. Не исключено, что краска наносится, чтобы этого не допустить.

Сэр Александр Макензи, говоря об индейцах кри, приводит несколько интересных примеров знаков на теле, среди них – шрамы от ожогов на животе и груди, чтобы излечить болезнь или показать храбрость. Отец Морис, рассказывая о северных дена, упоминает об одной или двух пересекающихся линиях, которые татуируют на предплечье, как оберег против «вакуна», вездесущей магической силы, которая может делать и добро и зло.

ТАТУИРОВКА КАК ЛЮБОВНЫЙ ПРИВОРОТ

Неудивительно, что магические практики так близки сердцам примитивных людей – ведь им представляется очевидным, что нет таких непредвиденных случайностей, неблагоприятных обстоятельств или жизненных кризисов, с которыми не смогла бы справиться магия. Среди многих и разнообразных использований знаков на теле есть и такие, которые наносятся для привлечения противоположного пола. Причем эти знаки вовсе не являются дополнительными украшениями, способными усилить природную привлекательность. Речь идет о вере в магическую силу конкретных знаков и субстанций, особенно если их нанесение сопровождается ритуалом.

Бирманцы настолько безоговорочно верят в силу амулетов тату, что было бы странно, если бы они не использовали кабалистические знаки во время периода ухаживаний. В число таких знаков входят птицы, мистические слова, квадраты, кольца, изображения Будды, точки между глаз, над ушами и на подбородке. Цвет, используемый обычно, – ярко-красный (вермилион), попадающий под кожу благодаря татуировочной игле. С красящим веществом смешивается снадобье, которое варьируется в зависимости от цели татуировки. Мы сейчас рассмотрим «снадобье нежности». Для любовных целей снадобье приготавливают из кожи форели и пятнистой ящерицы, которая часто проникает в дома. Определенный набор травы составляет растительную часть. Магическое снадобье настолько действенно, что желаемого результата можно достичь татуировкой всего лишь маленького треугольника с несколькими точками внутри. Возможно, саях рекомендует нанесение знака между глаз, на губах и даже на языке, и обычно его совету следуют, но мы вполне доверяем Круку, который утверждает, что девушка попросит, чтобы знак нанесли на место, обычно прикрываемое одеждой. Она не хочет произвести впечатление старой девы, ищущей мужа. Йоу считает, что этот знак тату имеет особое значение в Рангуне, где леди его наносит, если хочет в мужья англичанина.

Иногда используют специальную мазь для нанесения на тело того, кто влюблен. Например, негрито из Кедаха сжигают растение и экстрагируют масло, которое втирают в области груди и лба. Одновременно повторяется мистическая формула, суть которой такова: «Смотри, смотри, друг, как масло капает само по себе, подойди ко мне, захоти меня». Вероятнее всего, перевод неточен, но другого мы не можем предложить, учитывая плохое знание языка.

Нечто подобное делает жаждущая любви молодежь племени мабуиаг (Торресов пролив). Здесь юноши натирают колени и плечи млечным соком растений, а заднюю часть шеи – углем. Бивер отметил случаи шрамирования рук как знак успеха в любви. Через две недели сжигается «пути» – магическое вещество, и сажа наносится на лицо юноши. Считают, что эта вторая стадия является самой мощной любовной магией, поскольку после нее девушка влюбляется очень быстро.

У сиу и шайенов есть интересные примеры использования краски для выражения нежных чувств. Воин из этих племен, желающий остаться в одиночестве, берет ламповую сажу или черную краску и натирает лицо, после чего ногтем наносит зигзагообразные линии от волос к подбородку. Это означает, что он обманут, пребывает в меланхолии или влюблен.

Знаков на теле, связанных с взаимоотношениями с противоположным полом, очень много, и этот

способ выражения сложных чувств используется даже среди людей с высоким интеллектом, который должен был бы подавить тенденцию к раскрашиванию своего тела и татуировке.

Ломброзо упоминает об изученных им татуировках на телах преступников. Знаков, имеющих отношение к любви, в этой среде немного. Их можно обнаружить главным образом у ломбардцев и пьемонтцев, которые татуируют инициалы своей дамы сердца. Иногда к буквам добавляются цифры – дата встречи или изображение сердца, пробитого стрелой, одно или несколько. В одном случае художник изобразил женщину в крестьянском платье, держащую в руке цветок. Говоря словами Ломброзо, «Les signes d'amour sont les moins nombreux; ils se trouvent presque exclusivement parmi les Lombards et les Piedmontais. Ce sont d'ordinaire le nom ou les initiales de la femme aimée, tracées en lettres majuscules; la date du premier amour, un ou plusieurs coeurs transpercés par une flèche; deux mains entrelacées. J'ai vu la figure entière d'une femme, vêtue en paysanne, avec un fleur à la main». Упомянут один пример, когда криминальный элемент сделал себе татуировку в память о своей бывшей любовнице, с которой расстался, – пронзенное стрелой сердце. Наличие двух маленьких детей символизировало два вытатуированных рядом маленьких сердечка.

Примеры татуировки тела эпитетами, пословицами, эпиграммами весьма многочисленны, и среди коротких фраз, перечисленных Ломброзо, только одна имеет отношение к любви: «Louise Chère amante mon unique consolation».

Моряки обычно проявляют склонность к татуировкам как средству украшения своего тела. Среди самых любимых рисунков можно назвать две соединенных в пожатии руки – символ дружбы. Причем, судя по относительным размерам рук, речь идет о дружбе между моряком и дамой или дамами. Часто моряки изображают на руках голову и плечи женщины или всю женскую фигуру целиком. А обычай татуировать на руках танцующих девушек широко распространен у говорящих на тамильском языке мужчин Южной Индии.

Приведенные выше примеры являются иллюстрацией спонтанного возврата к старым практикам. Эмоции бушуют, и должна существовать какая-то форма их выражения, которая, разумеется, будет отличаться, в зависимости от расовых особенностей, индивидуального темперамента и образования. Эмоции соединяются в одно сложное чувство – любовь, которая находит выражение в нанесении на тело знаков, призванных связать их носителя с желанным человеком. Тату – это эмблема единства двух личностей, и, конечно, когда любовная страсть угасает, уступая место животному инстинкту, наблюдается и упадок в ее живописном отображении, постепенно сходя на нет.

ЗНАКИ ТАТУ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ МОЛОДОСТИ

Стремление к вечной молодости занимало человечество с древнейших времен, и в наши дни существует множество шарлатанов, готовых снабдить вас неким дешевым эликсиром, который продлит жизнь и поможет оставаться молодым. Девушки маори решали проблему по-своему и старались сохранить молодость, нанося татуировки на губы и подбородок, а в ответ на увещевания миссионеров отвечали: «Нам необходимо несколько линий на губах, иначе, когда мы вырастем, наши губы высохнут и мы станем старыми и уродливыми». Не имеющие татуировки губы и белые зубы считались образчиком уродства и отсутствия женственности, и, если женщина по какой-то причине не имела традиционных «украшений», говорили, что у нее красные губы и белые зубы, как у собаки. Татуировка подбородков у женщин распространилась по всему миру, став иллюстрацией миграции идей.

Айну верят в повторную татуировку как средство возвращения молодости, и, когда глаза старой женщины начинает хуже видеть, она снова татуирует рот и руки, чтобы зрение вернулось. Преподобный Бэтчелор утверждает: «Я знаком со старой дамой, которая часто татуирует себя, чтобы зрение стало острее». В Северной Америке существует аналогичное верование. В народе пима и мужчины и женщины татуируют несколько линий на лице, считая, что этот знак обладает способностью сохранять молодость. Существует разница между знаками тату для сохранения молодости у женщин: если у народов айну и пима – это непосредственно используемый магический инструмент, то у маори – всего лишь искусственная помощь, и изображения имеют скорее

декоративное, чем магическое значение.

ЗНАКИ НА ТЕЛЕ ДЛЯ УЧАСТИЯ В МАГИЧЕСКИХ РИТУАЛАХ

Положение шамана у примитивных народов настолько важно, что было бы удивительно, если бы не существовала какая-нибудь магическая помощь от использования татуировок. Среди североамериканских индейцев, австралийцев, папуасов и ряда других народов у шаманов просят помощи в проведении магических и религиозных обрядов. В рассказе доктора Ховитта о посвящении юноши из племени юин в шаманы есть два примера использования красной охры, обязательные для церемонии. Среди ряда чудесных переживаний, испытанных молодым человеком в состоянии транса, были следующие: он видел, как его отец исчез под землей и вышел весь покрытый красной пылью, а сам юноша находился среди старейшин, которые были натерты красной охрой.

Фигуры, представляющие духов-покровителей – магических символов искусства шаманов, – очень популярны у индейцев реки Томпсон и ряда других племен. Такие знаки не только свободно используются для маркировки собственности, но и наносятся на лицо и тело. Шаманы татуируют себя знаками с изображением духов, оленей, летучих мышей, лягушек, гремучих змей, рыб, иногда также используются знаки с молнией, каное и стрелой. Знак с лягушкой татуировался в середине груди и на передней части обоих предплечий, на лопатке изображалась молния, обычно синей или красной охрой. Все эти изображения вместе являются постоянным знаком шамана, но, оказывается, обычным индивидам вовсе не запрещается использовать некоторые из магических символов, например старых друзей колдовства – молнию, летучую мышь и лягушку. Последние, вероятно, выбраны из-за того, что зимой они впадают в спячку, которая казалась тайной для примитивных народов.

Вызывание дождя у шусвапов осуществлялось специальным шаманом, духом-покровителем которого был дождь. Раскрасив лицо красными полосами или точками, возможно, и тем и другим, вероятно имитируя дождевые капли, он выходил из дома и начинал передвигаться по кругу вслед за солнцем и кричать: «Мой дух-покровитель обойдет вокруг света, пока не встретит дождь и не принесет его сюда!» Это яркий пример того значения, которое шаман придает краске. Понятно, что такая раскраска наносится не только для того, чтобы произвести впечатление на зрителей, но и чтобы его узнал дружески расположенный дух, который может послать дождь. Этот случай иллюстрирует изменение значения нанесения знаков на теле, как переход от смутно магического ритуала к религиозному культу.

Диери, как и многие другие австралийские племена, практикуют вызов дождя, и у них существует верование, что шрамирование хорошо помогает процессу. Оказывается, после официальных церемоний вызова, выполненных шаманом, тело которого покрыто кровью и украшено так, чтобы представить облака и дождь, многие люди подвергаются операции, которая называется «чин-баси» и заключается в надрезании груди и рук острым кремнем и в натирании надрезов красной охрой. Люди, которых опрашивал доктор Ховитт, уверяли его, что существует прямая связь между шрамами и дождем. Даже маленькие дети собираются вокруг оператора и, как только получают на своем теле метки, бегают, раскинув руки и призывая дождь.

У островитян Торресова пролива есть магические знаки, которые помогают в церемониях вызова дождя и увеличения запасов продовольствия. Вот как на острове Дубунгаи приманивают к берегу черепаху. Люди, которые совершают церемонию, рисуют красную линию от кончика носа по лбу и вдоль позвоночника до поясницы, чтобы напоминать ил, который обтекает дюгonya, когда он «пасется» на дне эстуария. Делается и раскрашивается «модель» черепахи. Когда удастся поймать первую в сезоне живую черепаху, ее несут в клан сурбал, где мужчины натирают ее красной охрой, потом окрашивают себя – проводят красную линию на груди и еще одну – по животу, изображая, таким образом, панцирь черепахи. Церемония завершается кружением ревунов [1 - Р е в у н – деревянная дощечка, привязанная к бечевке, которая при раскручивании над головой издает ревуший звук; используется в ритуальных целях шаманами. (Примеч. пер.)] вокруг черепахи, которую съедают люди из одноименного клана, чтобы ее дух освободился, направился к морю и увеличил поголовье черепах. Женщин и детей не допускают к церемонии, которую можно считать приближенной к религиозной.

Однако знаки на телах мужчин и священная черепаха могут считаться аксессуарами магии, необходимой исключительно для сохранения силы и поголовья черепах. На Мабуиаге есть аналогичные связанные с этими пресмыкающимися церемонии, в ходе которых магические знаки наносятся главным образом на «модели» животных. На этом же острове рассказывают о колдуне, вызывающем дождь, должность которого является наследственной. Чтобы повысить плодородие своего сада, человек идет к колдуну, излагает свои нужды и вносит необходимую плату. После этого колдун просит его немедленно возвратиться домой и добавить соломы на крышу до начала предстоящего ливня. Колдун окрашивает себя черной и белой красками – как небо перед дождем: позади черные тучи, впереди белые облака, или покрывает свое тело черными точками, чтобы заставить облака появиться. Затем он наносит «снадобье» на правую руку и машет ею по направлению к своему телу, одновременно во весь голос призывая дождь. «Тебе не следует идти в другое место, лучше приходи и попробуй мое тело». Дождь приходит настоящим потоком, и человек, которому он был нужен, оказывается заключенным в своей хижине на много дней. Он вынужден просить колдуна, чтобы тот закрыл волшебный кран. В ответ на просьбу о солнце тот отвечает: «Завтра небольшой дождь, потом будет солнце». Для «содействия» солнцу колдун рисует на голове красную корону, имитируя небесное тело, после этого проводит красной охрой ото лба вниз широкую линию, переходящую в ромбовидный знак, занимающий почти все лицо. В качестве последнего штриха колдун покрывает красной краской все свое тело.

Должность «вызывателя ветра» тоже наследственная. Чтобы содействовать появлению бриза, который выведет рыболовные суда в море, колдун устанавливает на берегу во время отлива несколько низких кустов. Обмазав себя красной охрой, он машет руками, предлагая ветру явиться и пошевелить кусты, которые он для него приготовил. Если оплата кажется недостаточной, колдун прибегает к черной магии, чтобы отпугнуть ветер. Необходима смена цвета, и красная охра сменяется черной, которой колдун окрашивает себя с ног до головы. Затем он машет руками по направлению от своей головы, чтобы прогнать ветер.

Самый интересный вопрос, который возникает после рассмотрения примеров знаков на теле для вызова дождя, обеспечения продовольствия и вызова ветра, – насколько большую важность придает сам колдун использованию этих знаков? Можем ли мы считать процесс их нанесения на тело инструментом того, кто, понимая свою слабость и зная, что его деятельность – обман, ищет что-то показное, способное произвести впечатление на клиентов? Причины нанесения краски на тело и ее смены объясняются природой операции и могут отличаться в зависимости от темперамента того или иного колдуна. Обычно нанесение краски на тело все же является средством усиления своей выразительности. Краска вызывает у клиента чувство самоуничижения и почтения к магии. А у североамериканских шусвапов колдун, вызывающий дождь, судя по всему, относится к своей работе со всей серьезностью. Он наносит на тело знаки определенно не для того, чтобы произвести впечатление на зрителей; они являются средством, чтобы колдуна узнал дух дождя, помощи которого он просит.

Колдун, советуя клиенту добавить соломы на крышу дома, на самом деле просто отсылает его прочь, после чего наносит на тело красную охру, мы считаем, для того, чтобы привлечь внимание некой нечеловеческой силы, занимающейся распределением дождя. Насколько четкой была идея о мистической силе, которую должна привлечь краска, сказать трудно. Примеры знаков на теле, наносимых, чтобы управлять дарами природы, можно разделить на группы, варьирующиеся от самого неопределенного использования в случаях, судя по всему, подразумевающих подсознательную идею о сверхъестественном, которое можно легко персонифицировать. Другие примеры из Торресова пролива не помогают определить, является ли для колдуна главным самосознание, или его основная цель – использовать краску, чтобы привлечь внимание сил, от которых он зависит. То, что он воображает абстрактную силу, маловероятно, поскольку у примитивных народов существует тенденция к конкретике, и, вероятнее всего, знаки наносятся на тело, поскольку колдун чувствует, что должен обратиться конкретно к дождю. Для вызова благоприятного ветра использовалась красная охра, а если плата казалась недостаточной, краска менялась на черную. Что подразумевает эта смена? Желание произвести впечатление на зрителей? Или нам следует предположить, что колдун имел такой тесный контакт с духами, повелевающими ветром, что мог дать сигнал «ветер нужен» или «ветер, уходи,

изменив цвет»? Возможно, он представлял, что дождь и ветер обладают двоякой силой: одна делает добро – дает умеренный дождь и наполняющий паруса ветер, другая – зло – приносит продолжительные ливни и яростные ветры. Одну можно вызвать красным сигналом, другую – черным. Нет никаких свидетельств о присутствии при церемонии восхищенной толпы. В одном случае упоминается, что обряд выполнялся тайно и человека, которому нужен был дождь, отослали восвояси. Отметим, что смена жирного красного покрытия тела на такое же жирное черное – слишком хлопотная процедура, чтобы ее выполнять только ради соответствующего впечатления. А ведь еще надо нанести снадобье на руки и махать ими, призывая дождь или ветер. Рассмотрев все аспекты проблемы, представляется вероятным, что цвет, используемый в магических практиках, есть прямое обращение к некой силе, которая у людей с живым воображением и способностью делать умозаключения по аналогии легко сложится в концепцию руководящей личности или божества. Диери обращаются к Мурра Мурра, или божествам дождя, путем шрамирования и нанесения красной охры – пример знака на теле, дающего еще одно звено в цепь, связывающую магические и религиозные практики. Одни знаки являются неясным взыванием к чему-то невидимому, другие – символы божества, такие как завиток Будды на лбу младенца или знак небесного божества Тира-ва-атиус, сделанный в надежде на его дары. Возможно, практика нанесения черной и красной краски для конкретных целей является пережитком существовавшей некогда идеи о двух богах, хорошем и злом, которых символизировали разные цвета. Например, у племени масаи есть злой красный бог, останавливающий воду, и доброе черное божество, которое любит свой народ и дает достаточно дождя, если его соответствующим образом попросить.

ЗНАКИ НА ТЕЛЕ ПЕРЕД ОРДАЛИЕЙ ИЛИ ОПАСНЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Вопрос нанесения знаков на тело, как немого обращения за помощью к духам, также затрагивается в случаях, когда краска используется тем, кто вынужден пройти суровое испытание или отправляется на войну. Желание произвести впечатление на врагов, вероятнее всего, имело место у индейцев и австралийцев, которые широко применяли красную военную краску. С другой стороны, человек, которому предстоит опасное испытание – ордалия, имеет в своем распоряжении очень мало средств самообороны, а все преимущества – на стороне его обвинителей. Поэтому обращение к высшим силам путем нанесения краски или знаков на тело может считаться жизненно важным. В случае с бирманским вором, который сделал кабалистическую татуировку перед тем, как совершить взлом сокровищницы священной пагоды, не могло быть желания произвести на кого-то особое впечатление, поскольку предприятие должно было иметь место глубокой ночью. И если у него присутствовала идея обращения за помощью, то разве что к божеству, покровительствовавшему вора.

Некий мужчина из племени курнаи нарушил закон племени, то есть совершил действие, которое могло навлечь разные неприятности на его соплеменников. Поэтому он должен был искупить свою вину согласно древнему обычаю – стоять безоружным, в то время как его обвинители будут бросать в него копья или бумеранги. Обвиняемый отходит от своих соплеменников. Краска на его теле, вероятнее всего, является магической защитой: его лицо покрыто красной охрой, полосы которой продолжаются от плеч вниз по груди, где они встречаются с горизонтальными линиями – красными и белыми, поочередно проведенными у него на животе от левого бедра к правому. На расстоянии двухсот ярдов от мужчины собираются обвинители, родственники которого тот убил или совершил инцест и т. д. Обычно, если мужчину обвиняют в убийстве, родственники убитого наносят на свои тела белую краску – знак скорби. Тот, кто должен подвергнуться ордалии, вооружен только дубинкой или пучком копий. Рядом стоит жена, которая может попытаться отбить летящее в мужа оружие своей палкой-копалкой.

Если народ моту, не вступая в кровавую вражду, решает отказаться от убийцы, тот возвращается в свой дом, где наносит на свое тело краску, а потом всю ночь сидит с родственниками, которые едят жареную свинину. В этом случае речь идет не об испытании, а о казни: на следующий день убийца спускается по лестнице вместе с другом, который возвращается обратно, не дойдя несколько ступенек до конца, оставляя своего спутника, которого забивают копьями люди из соседней деревни. Краску на

теле убийцы даже при таких обстоятельствах можно бы считать магической защитой, но, учитывая тот факт, что краска наносится до пиршества, возможно, она просто указывает на того, чья жизнь на рассвете оборвется. Предположение о том, что метка на теле может являться знаком социального различия, подтверждается обычаем народа койта, который позволяет убийце сделать соответствующую татуировку, отличающуюся от общепринятых.

Мы отметили, что обвиняемый у кунаи, чтобы минимизировать опасность ордалии, использовал магическую краску. В других частях света, к примеру в Африке (Уганда), Северной Америке (мыс Бэрроу), Бирме и в Северной Индии, существуют аналогичные примеры. Человек, понимающий, что предстоящее ему дело будет опасным, ищет магической защиты, нанося те или иные знаки на свое тело. Эскимосы, отправляющиеся на китобойный промысел, наносят себе на лица графитом широкие полосы, а кадиаки раскрашивают свои лица, прежде чем отправиться в дальнейшее плавание или устремиться в погоню за морской выдрой.

Сэр Гарри Джонстон приводит пример из Уганды, где у народа банту Кавирондо муж, прежде чем отправиться на бой или начиная любое другое опасное предприятие, наносит несколько надрезов, но на теле жены. В этом случае мы имеем дело со сформировавшейся идеей злобы невидимых сил, от которых можно защититься шрамированием (странно только, что шрамы появляются у супруги того, кому нужна защита). Каким образом работает такое шрамирование – тайна, если, конечно, речь не идет о симпатической магии от жены к мужу, а первичным источником является неопределенная магическая сила, которая может помочь и защитить, если ее как следует попросить. Определенно есть много примеров, показывающих, что примитивный человек, даже оставаясь далеко от дома, может находиться под влиянием действий своих друзей и родственников, оставшихся дома. Существует странный обычай – кувада (couvade), призванный предотвратить возможный вред новорожденному из-за действий его отца. В связи с нанесением знаков на тело у каян мы отметили, что девушке нельзя наносить татуировку, пока не вернутся из походов все мужчины – члены семьи, а потом до завершения операции семья должна будет находиться в доме.

Идея об отсутствующем члене семьи, на которого влияет то, что происходит дома, является широко распространенной. В Лаосе, когда охотник начинает охоту на слона, он предупреждает жену, чтобы та не стригла волосы и не умащивала тело, чтобы слон не вырвался.

У даяков жены соблюдают те же предосторожности, когда мужа отправляются охотиться на кабанов, а у гилиаков детям не разрешается рисовать, когда отец на охоте, иначе его путь станет таким же сложным, как рисунок. У индейцев черноногих никто не может пользоваться шилом в отсутствие отца, иначе его расцарапают когтями орлы. Ни одно животное мужского пола не может быть убито в доме малагасийского солдата, когда он на войне, иначе наступит смерть этого человека.

Зная о таких примерах, не нужно иметь слишком развитое воображение, чтобы поверить: мужчины, упомянутые сэром Джонстоном, наносят знаки на тела жен для того, чтобы дух-покровитель передал добро мужу посредством симпатической магии жены.

Вернувшись к рассмотрению знаков на теле, сделанных до начала предприятия, связанного с повышенной опасностью, нам лучше всего обратиться к бирманцу, который собирается обворовать священную пагоду и в связи с этим наносит на свое тело знак, известный как a-hpee say. Заклинание, произносимое во время операции, довольно забавно и типично для заклинаний вообще.

«Укради золото из пагоды – красивое блестящее золото. Очисти его в огне – повтори магические слова в доме, на одинокой тропе – перед счастливой звездой у пагоды – повтори их тысячу раз без одного – освяти воду – начерти круг. Положи его под левую руку, потом под правую. Никакого вреда не будет для безопасного и неуязвимого».

Бирманец полагается на неясную магию, но домбы Нагахии, когда собираются совершить преступление, ищут защиты у матери-земли. Сэр Риели ссылается на заговорщика, рисующего круг на земле и разглаживающего его навозом, на который нанесено пять мазков крови. Была надрезана левая рука, чтобы получить кровь, и после того, как мазки нанесены, была произнесена молитва о том, чтобы ночь была темной, а добыча богатой. Мародерские тату на правой руке – изображение пяти мазков крови и кривого ножа, использованного, чтобы поранить левую руку. Случай в своем роде уникальный, поскольку речь идет не только о татуировке священных символов для магической защиты, но и о

предварительной церемонии, очень похожей на религиозный обряд – есть обращение к божеству, жертвоприношение и молитва.

Использование краски во время войны широко распространено в Северной Америке и Австралии, но о ее точном значении свидетельств немного. Дакоты утверждают, что пользоваться краской их научили боги, и, как будет показано далее, воины Австралии и Северной Америки идут на многое, чтобы раздобыть красную охру. Североамериканский воин проводит ряд церемониальных действий, прежде чем копать окрашенную землю, и можно предположить, что во время таких ритуалов людей охватывал благоговейный страх.

Прямое свидетельство символизма краски получил доктор Ховитт у людей, живущих на берегах реки Митчелл. Они сказали, что, собираясь отомстить за смерть одного из людей племени, покрывают себя мягкой белой глиной, «потому что очень злы, когда убивают их соплеменников, и также хотят испугать врагов», которые были «покрыты красной охрой».

Шаман, желающий получить почечное сало для магических церемоний, удаляется в буш, где зажигает талмам – магический костер, перед которым натирает себя углем с головы до ног. Вероятно, таким образом он превращает себя в поклонника сил тьмы. Для примитивного человека все вокруг наполнено духами добра и зла, и вряд ли можно найти лучший способ выразить свою солидарность с последним, чем продемонстрировать символический цвет. После окрашивания углем следуют танцы, заклинания, показ магических предметов. Звучит имя жертвы с целью заставить человека встать во сне и прийти в магический круг, где враги готовы забрать его жир. У курнаи шаман, который хочет навлечь зло, поместив камень в руку врага, обязательно зачернит камень. А предметы, которые шаман якобы забирает у больного и кладет в мешок, всегда покрыты красной охрой. Посыльный, несущий маленькую резную палочку, чтобы собрать вместе разные группы племени каибара, покрыт красной охрой, частично для магической защиты во время долгого одинокого путешествия, а также для поддержания авторитета своей должности.

Перед сражением мужчины полуострова Газели рисуют полоску на правой груди, чтобы дать руке воина твердость и уверенность, а нижнюю часть лица окрашивают в черный цвет – это заставит врага споткнуться, когда он услышит тяжелое дыхание преследователя.

Осейджи, когда замышляют нападение на врага, окрашивают свои лица заново. Все лицо покрывает красная краска смерти. На левой щеке у «мирного человека» – тина, у агрессора она – на правой.

СВЯТОСТЬ КРАСКИ И СИМВОЛИЗМ ЦВЕТА

Чтобы оценить значение, которое примитивный человек придает окрашиванию своего тела, необходимо не только перечислить примеры, проливающие свет на условия использования красок, но также узнать, пытается ли он получить конкретный цвет и сопровождается ли это церемониями.

Ежегодно в июле или августе диери отправляют экспедицию, которая совершает чрезвычайно опасное путешествие, чтобы получить красную охру. Обычно в ней участвует семьдесят – восемьдесят вооруженных пиками людей. У них на животах – три полоски красной охры и три полоски земли, смешанной с железной рудой, на руках – две такие же полоски, только с землей. Красную охру добывают в шахте и формируют в брикеты весом от семидесяти до восьмидесяти фунтов. С этим грузом отряд должен вернуться обратно в лагерь. Красная охра используется диери не только для окрашивания тел во время магических церемоний, но и для магического покрытия неодушевленных предметов. Известно также, что у вышеупомянутого народа есть озеро, которое мелеет во время засухи, и на дне показывается старый ствол дерева, находящийся в ведении конкретной семьи. Ее наследственная обязанность заключается в том, чтобы покрывать его жиром и красной охрой – чтобы озеро не обмелело окончательно и не прекратилось снабжение народа свежей рыбой.

У индейцев чироки священным считается красный цвет краски – символ войны, успеха и силы, приобретенной благодаря покровительству духов. Слово «краска» практически во всех индейских языках понимается как красная краска, если не указано ничего другого. Обычно индеец Северной Америки получает священную красную краску из мягкой руды – красного железняка, залежи которого находятся в скалах, и извлечь его оттуда можно, только приложив много усилий и терпения. В

западных племенах любой, кто отправляется добывать краску, сначала, подойдя к нужной скале, возносит молитву – знак своего благоговения, а потом еще делает небольшое приношение, повесив его на удобный куст или маленькое деревце, и только потом начинает копать.

Следует отметить, что к обилию свидетельств использования пигментов во времена неолита, а также в магдаленский период, представленный культурами пещер Брюникель, Эйзи, Ложери-Бас, где было обнаружено значительное количество красной охры, привлек внимание читателей М. Дешелет. Также следует упомянуть о случае нахождения покрытого красной краской скелета Ориньякского периода в пещере Пэйвиленд, что недалеко от Суонси.

У древних египтян красный цвет ассоциировался со всем священным, если взять значение этого слова в самом широком смысле, то есть обозначив им то, что связано с миром духов. К примеру, в Книге мертвых самые святые отрывки написаны красным цветом. Однако именно красного быка Тифону, который олицетворял все злобное и коварное, приносили в жертву, а на некоторых праздниках египтяне поносили всех, кому не повезло иметь рыжие волосы. В Индии Ганеша, повелитель зловредных духов, символизируется красными камнями, а синегалец пожертвует красного петуха злему духу, вызывающему болезнь.

Маори тоже чтут священную красную краску («кура»), которая использовалась для украшения идолов, помостов для умерших, жертв, домов вождей и военных каноэ. Чтобы сделать что-то запретным, достаточно было окрасить его в красный цвет: например, им окрашивались дома умерших, а также поставленные вождем столбы – символы табу.

Вполне понятно, что идеи относительно символизма красного цвета будут повсеместно единообразны. Еще в доисторический период ориньякский человек использовал красную охру в связи с погребениями и делал ею наскальные рисунки. Солнце и кровь, дающие жизнь, плодovitость и реквизиты бессмертия являлись фундаментальными символами в цивилизациях Египта, Персии, Ассирии, Перу и Мексики, культуры которых в той или иной степени оказали влияние на все части света. Чтобы получить информацию об эффективности ритуалов, связанных с пролитием крови, достаточно посетить современные австралийские тотемные церемонии или увидеть небольшие отряды мстителей из народа арунта – все воины покрыты кровью своих товарищей (символ единства).

Черная краска обычно считается выражением зла в целом и черной магии в частности. Черный и белый цвета обычны на траурных церемониях: первый – в Австралии, второй – в Меланезии. Для психолога и антрополога особый интерес представляет вопрос существования неких общих правил применения красок с учетом символизма цвета. Есть ли связь между эмоциональным состоянием человека и красками?

Во всех психологических исследованиях приходится делать существенное допущение на отклонение от среднего значения, но все же истиной можно считать наличие некой взаимосвязи между цветом и сопутствующей эмоцией. Помимо общей ассоциации благоговейного трепета и почтения перед красным цветом как символом жизни и бессмертия и широко распространенным использованием черного цвета для выражения союза с силами зла (в смысле всего антиобщественного), судя по всему, не существует общепринятой тенденции в примитивных группах демонстрировать конкретными цветами те или иные эмоции. Также человек не привык выражать свои сложные эмоциональные состояния, к примеру радость или горе, прибегая к конкретному цвету. Возможно, белый цвет может претендовать на общепринятую ассоциацию с чем-то сверхъестественным. Так, белый человек считался священным у людей с другим цветом кожи, особо почитались белые буйвол, сова и слон. Белый цвет ассоциируется с чистотой, в первую очередь у европейцев.

У индейцев чироки есть особая ассоциация цветов, частей света и психических состояний, основывающаяся на обычном человеческом опыте. Восток связывали с красным цветом (означавшим успех или триумф), север – с синим (поражение или беда), запад – с черным (смерть), юг – с белым (мир и счастье).

У индейцев сиу, как и в других племенах, зеленый цвет является символом плодородия, желтый – воды, запада и заходящего солнца. Существует, например, история о мальчике, который покрыл свое тело желтой краской, отправляясь к духу воды, с которым хотел быть en rapport [2 - Быть в контакте (фр.)]. Сиу верят, что пользоваться красками их научили боги. Синий цвет часто выражает изобилие,

плодородие, пространство – так, его используют индейцы пауни, желая посвятить ребенка небесному богу. Естественно, с помощью красного, черного и белого цветов можно было всегда выразить свое эмоциональное состояние. Но, учитывая такие факторы, как окружающая среда, многообразие флоры и фауны, а также разные идеи, связанные с миром человека, нет смысла называть какие-то всеобщие, общепринятые соотношения между конкретными цветами и человеческими эмоциями.

ЗНАКИ НА ТЕЛЕ, СВЯЗАННЫЕ СО СМЕРТЬЮ, ТРАУРОМ И КАЗНЬЮ

До этого момента наше исследование не касалось знаков на теле, как средства выражения очень сложных душевных состояний, связанных со смертью, трауром и казнью. Что касается последнего, то метки на теле палача дают ключ к пониманию примитивных верований, касающихся человеческой души и возможности ее превращения в злую силу, с которой земным людям придется справляться.

Примеров знаков на теле как выражения траура так много, что представляется целесообразным выбрать для рассмотрения только несколько из них.

В племени чепара, например, мать усопшего покрывает свои нос и все тело полосами белой глины и в дополнение к этому надевает головной убор из перьев. Через несколько месяцев белая краска сменяется красной – этот цвет носят отец, мать и сестры в течение долгого времени (сестра никогда не наносит на свое тело белую краску). В племени кайябара знак траура – проведенные под глазами жиром и углем полосы и красная охра – на голове и теле.

Много можно рассказать о деталях нанесения на тело связанных со смертью знаков в многочисленных племенах Южной Австралии, но нагромождение примеров без объяснения, по какой причине сделан тот или иной знак, вряд ли будет полезным. Поэтому остановимся на описании верований племен юго-восточной части Австралии, сделанных доктором Ховиттом.

Он упоминает народ, который называет себя маттари и карару. Эти люди носят траурную краску до тех пор, пока следы духа усопшего перестают находить возле его могилы. После этого белая краска на теле родственников усопшего сменяется красной охрой, которая вскоре стирается. У могилы кладут еду и зажигают костер, чтобы тот мог согреться. Если еда остается нетронутой, люди делают вывод, что усопший родственник не голоден. Нередко большие пальцы ног трупа связывают, чтобы дух не мог блуждать. Люди из племени кайябара не упоминают имени умершего, говорят о нем только как об отце, матери, брате и т. д. Племена, живущие на реке Герберт, чтобы не дать духу усопшего блуждать, ломают кости трупа. Н.У. Томас упоминает об использовании черной краски для выражения траура в северо-западных племенах и не сомневается, что уголь применяют для обмана духа, который вынужден оставить родственников в покое. С этим мнением согласен и доктор Фрэйзер.

Говоря о племени арунта из Центральной Австралии, Спенсер и Геллен упоминают о важности шрамирования как знака траура. Частым источником ссор среди соплеменников является обвинение в том, что человек не достаточно скорбел по родственникам. Шрамирование имеет место вскоре после того, как дается уведомление о смерти, и обычай устанавливает очень точно, что должен делать каждый плакальщик. Один молодой человек нанес себе такие сильные порезы, что не мог стоять. У него было четырнадцать «траурных» шрамов, которые он впоследствии демонстрировал с большой гордостью.

У горцев мафулу Новой Гвинеи черный цвет – знак траура, но его использование не ограничивается только близкими родственниками усопшего, а распространяется на все племя. После похорон имеет место зачернение лиц, и есть даже специальный церемониал удаления черной краски и тины с тела вождя.

Церемониальное удаление траурных символов подразумевает, что им придается существенное значение, и мы сталкиваемся с аналогичными примерами по всей Меланезии. Доктор Селигман рассказал, что после смерти человека обычно следует (когда именно, не уточнил) церемониальное пиршество – ригария (*rigaigia*), даваемое за счет родственников усопшего, которые приносят рыбу и дичь. Во время тризны главный плакальщик зачернен с головы до ног, а родственники усопшего (только не вдова или вдовец) зачерняют свои тела, но не трогают краской лицо. Траурная краска

удаляется на специальной церемонии, проводимой до истечения определенного времени после погребения. Кстати, обычно лицо усопшего также зачерняют, а тело помещают возле хижины на матрасе, в ожидании подготовки могилы. Спустя три или четыре дня после смерти вдова наносит на свое тело сажу, смешанную с кокосовым маслом, надевает украшения на шею и бамбуковые браслеты (братья усопшего чернят свои тела целиком). Вдова сохраняет черную краску до ригарии, во время которой ее траурные знаки удаляются у могилы матерью или сестрой усопшего.

Аналогичные практики преобладают и на островах Торресова пролива, но здесь в связи с траурными церемониями используются и шрамирование, и окраска. На Саибай и Даунане девушка, брат которой умер, носит знак траура – шрам в форме носа брата – на левом плече. Причем длина шрама должна быть такой же, как длина носа усопшего. Одна девушка носила знак длиной двенадцать сантиметров, желая показать, что ее брат был большим красивым человеком. Взрослые из племени мириам на своих телах имеют столько шрамов, сколько родственников похоронили. Согласно обычаю, кровь при нанесении татуировки должна попасть на труп – возможно, таким образом люди хотят удостовериться, что церемониальный акт преданности замечен духом. Или идея может быть другой – возрождение жизни в мире духов. На щеке одной молодой женщины из племени мириам был замечен своеобразный знак, напоминающий перо бекаса. Судя по всему, траурными знаками люди очень гордятся, вероятно, поэтому они демонстрируют свою способность выдерживать физическую боль, желая соответствовать правилам племенного этикета. Этимология слова, используемого для обозначения рубца, шрама, подразумевает, что первоначальная функция шрамирования – выразить горе по родственникам. Возможно, горе соединяется со страхом потенциальной враждебности со стороны освобожденного духа. Сам шрам называется «коимаи» (koimai, от koī – великий и mai – горе).

Церемониальная краска, наносимая на острове Мабуиаг, по мнению докторов Риверса и Хаддона, является определенно традиционной. В танце смерти исполняющий «партию» духа мужчина покрывает себя черной краской с ног до головы. Участвующие в церемонии люди, не являющиеся родственниками покойного, покрывают углем только плечи, а близкие родственники используют серую краску.

На церемонии «передачи черепа» ближайший родственник, которого называют маригет (mariget), что означает «рука духа», покрыт черной краской с ног до головы. Череп окрашен в красный цвет, а столбы, поддерживающие платформу, на которой лежит труп, покрыты чередующимися красными и черными полосками. На Мабуиаге «люди смерти», то есть ближайшие родственники, покрывают свои тела белой краской. Тело выносится ногами вперед, чтобы дух не нашел обратной дороги в дом и родственников не тревожили его визиты. Кроме этого, связывают большие пальцы рук и ног трупа, а во время погребальной церемонии в главного плакальщика – самого близкого родственника усопшего – выпускают стрелы, а он их отбивает. Совершенно ясно, что есть ряд мер предосторожности, которые должны не допустить неприятностей, связанных с блуждающими духами. Ближайший родственник покойного покрывает тело так, чтобы умиротворить дух, связывание пальцев рук и ног трупа также не позволяет ему причинить зло. Аналогично дела обстоят на Пулу. Для маркаи – танца смерти – мужчины, изображающие духов, покрывают тела углем. Жители Андамских островов используют желто-коричневую тину как знак траура и, несомненно, в целях умиротворения духа умершего, наделенного, по их представлениям, большой силой. Родственники могут получить часть этой силы, откопав кости, вымыв их и приспособив для амулетов.

Кроме знаков на телах родственников, которые хотят успокоить дух усопшего, известны случаи, когда палачи на свои тела наносят раны. Это, считают они, должно предотвратить месть со стороны духа казненного.

Западноафриканский палач, который совершил публичную казнь, должен соблюдать ряд запретов, среди которых пост и лежание в гамаке без соприкосновения ног с землей в течение трех дней. Кроме того, палач делает надрезы на груди, руках и других частях тела. В эти надрезы он втирает черную краску, и нестираемые шрамы искусно располагаются таким образом, что создают впечатление плотно прилегающего одеяния. Считается, что дух жертвы принесет смерть палачу, если тот не прольет собственную кровь.

Нечто подобное можно наблюдать у индейцев Бразилии. Среди них принято, чтобы осужденный

бросал камни и глиняные черепки в стражников. К сожалению, подробности ритуала неизвестны. Люди кричат осужденному, призывают его отомстить за еще не наступившую, но неизбежную для него гибель. Несмотря на попытки стражников защититься, при этом им все же наносятся раны, которые и являются свидетельством определенной степени удовлетворения жертвы. Как сказал один оригинал: «Чего еще может желать любой разумный дух?»

Ранее на страницах этой книги уже рассматривался вопрос нанесения знаков на тело как результата страха перед духом усопшего. Примечательно, что ближайший родственник, который должен выказывать самое сильное горе, получает самое тяжелое покрытие из красной охры, белой глины, угля или того, что принято в данное время в данном месте. Приведем пример, иллюстрирующий страх перед умершим родственником и использование знаков на теле в качестве защиты от злобных духов.

У племени, живущего в районе Финч-Харбор на Новой Гвинее, существует удобный обычай принимать плату за убитого родственника, а не вступать в долгую и кровавую вражду с народом убийцы. Однако остается страх, что духу убитого такое решение не понравится и он может выказать свое недовольство, поспособствовав выпадению зубов своих родственников или лишив их свиней. Поэтому, когда люди принимают плату за убитого соплеменника, они предпринимают такую меру предосторожности – от родственников убийцы получают метку мелом на лбу. Это означает, что все-таки были сделаны некоторые шаги, чтобы отомстить, а именно лишение убийцы или его родственников средств. И когда обозленный дух усопшего соберется напасть, его родственникам останется только показать эти знаки на лице.

Широко распространена и идея о том, что дух жертвы преследует убийцу и поэтому для него необходима какая-нибудь форма очищения. По возвращении экспедиции, высланной народом арунта (Центральная Австралия), имевшей целью отмщение, ее встречает на некотором расстоянии от лагеря старая женщина и проверяет щиты, ударяя по ним копьем. Считается, что, если щит не издает должный звук, его хозяина преследует дух жертвы, который может принять облик маленькой птички или другого столь же безобидного создания. Все воины отряда покрывают тела черной краской, а тот, кто является предметом особого внимания духа, не должен показывать во сне правую руку, иначе его настигнет паралич. Очень хорошая защита – привязать к этому человеку какое-нибудь ночное животное, рыскание которого будет беспокоить мстительный дух. Воины нага, возвращающиеся после охоты за головами, являются табу, и на них не должны смотреть женщины до окончания процедуры очищения от вины. У народа койта с Новой Гвинее убийца должен удалиться в лес, потому что он айна (aina) и к нему нельзя приближаться безнаказанно. Позднее он возвращается в свою деревню и ему позволяют сделать специфическую татуировку.

Итак, знаки на теле имеют широко распространенное и логичное использование – обеспечивают иммунитет от зловредных духов. У южноафриканского народа мтиопи мужчины делают надрез под каждым глазом после совершения убийства. Это церемония очищения, и, согласно рассказу доктора Тернера, она чрезвычайно широко распространена у банту: «Знаки должны не позволить духу усопшего тревожить человека, который его убил».

Идею о злых духах людей, конечно, можно расширить и включить в нее злобных духов животных, убитых на охоте. На них мы не будем останавливаться подробно, поскольку уже рассматривали это в разделе о знаках на теле с изображениями животных. Баганда, убивший леопарда, успокаивает его дух, нанеся на свое тело точки и ведя себя как леопард. Индеец реки Томпсон, убивший медведя, нанесет на тело черные и красные полосы, одновременно распевая песню медведя. Если он этого не сделает, духам медведей будет нанесено такое сильное оскорбление, что больше ни одного медведя убить не удастся.

Глубоко укоренившийся страх – вот эмоция, которая вызывает все эти предосторожности. Наглядное свидетельство опасения последствий насилия со стороны освобожденной от телесной оболочки души – специальный сосуд с тремя горлышками из Уганды. Этот экспонат выставляется в этнографической коллекции Британского музея. Согласно путеводителю, сосуд использовался рабом, которого должны были убить на похоронах хозяина. Даже у раба есть душа, которая впоследствии может причинить много неприятностей, поэтому ее убили магическим глотком, после чего с телом можно было обращаться как угодно, не опасаясь мести со стороны его духовной части. Короче говоря, знаки на теле полностью объяснимы, когда рассматриваются в связи с верованиями, касающимися мстительных душ.

Траурные шрамы и знаки краской являются защитой, и их использование – пример логики примитивного человека.

//-- Краткие выводы на основе глав 1 и 2 --//

К вопросу нанесения знаков на тело в связи с магическими и религиозными практиками мы подошли после предварительного рассмотрения церемоний позитивного и негативного характера, которые соблюдались в связи с процессом татуировки. Иными словами, мы хотели выяснить, в какой степени человек связывал табу и определенные активные меры предосторожности с обычаем нанесения тех или иных рисунков на свое тело. Оказалось, что люди были чрезвычайно почтительны к этому процессу, потому что понимали, что он может неблагоприятно повлиять как на татуировщика, так и на того, на чье тело наносится знак.

Причины, по которым к прокалыванию или надрезанию кожи следует относиться с благоговением, можно долго не искать. Во-первых, процесс связан с пролитием крови, что для всего мира дикарей полно величайшего смысла – это фактор омоложения и обретения бессмертия. Кроме того, это открытие многочисленных входов для сил зла. Возможно, самым важным является то, что все татуировки связаны с неким кризисом, переступанием порога новой фазы социального общения, перехода от отрочества к зрелости, от девичества к женственности. Нанесение знаков во время инициации является необычайно важным, поскольку показывает связь краски и татуировки с одним из исконных культурных факторов – обрядами плодородия.

У каян мы обнаружили временные и пищевые ограничения, которые соблюдали и татуировщик, и пациент. Также мы знаем о жертвоприношениях и условиях, имеющих отношение к дому, в котором должна производиться операция нанесения тату. Известно, что операция запрещена, если кто-то из членов семьи находится далеко от дома. В Меланезии татуировка женщин койта выполнялась в определенном церемониальном порядке. У народа роро тоже существовали многочисленные церемонии, связанные с нанесением тату. В это время следовало иметь специальные украшения и вести очень ограниченную жизнь, включающую несколько важных запретов. И на Фиджи с татуировкой связан определенный церемониал. Девушки нага во время нанесения изображения на тело соблюдают ряд запретов, в числе которых строгая диета и невозможность посещать соседние деревни. В некоторых случаях, когда операция выполнялась вне родной деревни, девушки не могли вернуться домой до полного завершения татуировки. Очевидно, к ней женщины нага относятся с суеверным страхом, результатом которого и становятся меры предосторожности. Говоря об ограничениях в африканских племенах, следует упомянуть мтиопи – у этого народа татуировка делается тайно. При нарушении этого условия с отца девушки взимается штраф. В большинстве племен существует требование уединения, которое в прошлом принимало самые экстремальные формы, особенно у жителей Новой Ирландии и Фиджи, которые заключали своих девушек в пещеры и запрещали касаться ногами земли в течение долгого времени перед началом операции. Свидетельство Добрицхоффера относительно татуировки женщин племени абипойн из Парагвая полностью соответствовало случаям из Старого Света.

Операция нанесения моко вождю маори – еще один хороший пример табу в связи с татуировкой. Наложённые ограничения относились к особому обращению с пищей и церемониальной передаче святости или табу от вождя божеству.

Табу для вождя, возможно, связаны с его переходом из одного статуса в другой, который выше, а значит, ближе к божественному состоянию.

Рассматривая меры предосторожности, детали которых ясны, мы упоминали об исследовательской работе М. Генри Джунода, докторов Риверса, Хоуза и Макдугалла, а также А.Т. Синклера. Все они были едины в утверждении, что к операции нанесения знаков на тело, когда речь идет о женщинах, а на Борнео и о мужчинах, люди относятся с благоговейным страхом. Но есть признаки уменьшения значения церемониала.

В племени ба тонга татуировка женщин является чем-то большим, чем постепенно отмирающий ритуал. Они соблюдают строгое уединение во время операции, придерживаются определенной диеты и в завершение приносят в жертву птицу. Джунод неизменно подчеркивал магическую и религиозную важность татуировки. Синклер утверждал, что его исследования в Северной Америке сдерживает

замкнутость индейцев, но он никогда не терял надежды продолжить работы по толкованию значения тату.

В дополнение к мерам предосторожности во время операции татуировки в главе приведены примеры божественного происхождения тату или ее связи с духовным предком. Так, жители Андаманских островов рассказали Э. Ману, что наносить краску на тело их научило божество. Североамериканский индеец глубоко почитает свою священную красную краску и не жалеет усилий, чтобы ее добыть, поскольку ее использование предопределено свыше. На Самоа и Фиджи исследователи услышали легенды, связанные с татуировкой символов божеств. Строгое соблюдение обычаев, сложные рисунки на закрытых одеждой частях тела, замкнутость опрашиваемых людей, а также выполнение операций жрецами и узкими специалистами – все это говорит о том, что татуировка – не простое украшение. И исследование татуировок женщин тогда, проведенное доктором Риверсом, определенно доказало это.

После вопросов табу, божественной природы и церемониалов, связанных с татуировкой, исследования коснулись многочисленных выражений эффективности татуировки как паспорта для прохода в иной мир. Знаки на теле считались дающими репутацию и право на существование, а в племени экой – даже определенную коммерческую выгоду. Соответствующим образом татуированные женщины каян думали, что станут собирать жемчуг на дне священной реки. Женщины нага полагали, что их узнают в мире духов мужья, жительницы Индии и Фиджи опасались войти в следующий мир без татуировки. Женщины айну говорили свои дочерям, что если они не получают тату дома, то впоследствии ее сделает демон. Североамериканский индеец, сев на своего призрачного коня, должен показать свои татуировки женщине, преградившей ему путь дальше. Можно привести еще множество примеров использования татуировок и прочих знаков на теле в ином мире, причем в самых разных странах. Все это говорит о том, что в понимании примитивного человека иной мир создан по аналогии с миром земным и телесные знаки являются соответствующим элементом его философии.

Существуют ли свидетельства нанесения знаков на тело для демонстрации связи индивида со сверхъестественными силами? Многие исследователи дают на этот вопрос положительный ответ. Работавшие в Северной Америке Суонтон и Синклер показали связь знаков на теле с указаниями духа-покровителя, а после этого Синклер сообщил информацию о нанесении на тело креста и другой религиозной символики паломниками, идущими к святым местам. В Индии доктор Терстон показал клеймение знаками «чанк» и «чакра», а также самые разные метки, наносимые на лицо и тело брахманами. В Бирме на лоб ребенка наносят завиток, представляющий Будду в состоянии медитации. В церемонии посвящения у индейцев пауни – сложная система использования синей и красной красок, чтобы помочь уподобить ребенка небесному божеству. А татуировка девушек из племени омаха – пример, демонстрирующий важность церемониала, который в этом конкретном случае связан с дающей жизнь силой солнца, которое считается божеством и чей символ наносится на тела поклонников. Весь процесс сопровождается пением, и в песне говорится о восхождении солнца к зениту и нисхождении духовной силы на того, кто получает татуировку. Существует отчетливое обожествление дня и ночи, и эти космические силы представляются татуировками солнца и звезды. В религиозных церемониях ацтеков тату относятся к обряду посвящения и инициации.

К вопросу нанесения знаков на тело для выражения моральных и религиозных чувств очень близка проблема татуировки изображений растений и животных. Связь объясняется размышлениями примитивного человека о духовном аспекте жизни животных, который он идентифицирует с духами его собственных предков, и потому нанесение на тело тотемных знаков является частью обряда поклонения предкам. В Северной Америке рисунки наносятся в соответствии с указаниями, полученными в видениях или во сне, и рисунки, представляющие индивидуальный тотем его носителя, действуют как духи-покровители. В Африке изображения животных наносятся на тело редко. Относительно недавний пример – условное изображение ящерицы на теле мужчины в Нигерии, сделанное, чтобы привлечь женщин. Свидетельства имеющих на теле тотемных знаков отсутствуют. В Индии есть примеры нанесения на тело рисунков животных или насекомых, например скорпиона, но вряд ли этому знаку придается иное значение, кроме оберега от укуса. В Бирме люди изображают животных на своей коже как украшения или амулеты. Островитяне Торресова пролива наносят на тела знаки с изображением и животных, и растений шрамированием. Среди излюбленных рисунков –

сороконожка, змея, черепаха, казуар и кокосовая пальма. Вряд ли стоит сомневаться в тотемном значении этих знаков, которое, правда, быстро снижается. Аборигены Австралии свободно используют тотемные знаки, являющиеся в высшей степени условными изображениями некоторых животных, растений, небесных тел и даже неодушевленных предметов. Знаки делают, с одной стороны, в качестве любезности духам предков, живущим в тотемных животных, с другой – для получения их носителем полезных качеств тотема – ловкости, хитрости, скорости, которые могут оказаться весьма полезными в борьбе за существование. Завершая обзор тотемных знаков, скажем, что в последние годы благодаря применению антропологических принципов к изучению жизни в Древней Греции, Риме и Египте были обнаружены свидетельства, показывающие, что верующие наносили на свои тела религиозные символы.

Знаки могут наноситься на тело, чтобы предотвратить или облегчить нездоровье и боль, как оберег против несчастного случая или ненужного внимания злых сил. Примеры такого использования знаков распространены очень широко: в Индии шрамирование выполняется клеймением, на Тимор-Лауте – надрезом и ожогом, в Бирме и у айну – татуировкой, а в племени сакаи и ряде других краска является фактором защиты.

Талисман, эффективный в случаях физического нездоровья, можно использовать в случае любовного недуга. Островитяне Торресова пролива (на острове Мабуиаг и ряде других), а также сакаи используют краску на теле как любовный приворот. В Бирме несмываемая татуировка является излюбленным средством влюбленных девушек. Североамериканский индеец, пусть он суров и мрачен, но все же не слишком горд, чтобы продемонстрировать свои чувства особой раскраской лица. Интересно отметить возврат или спонтанное применение этих практик среди современных криминальных элементов. Некоторые авторы уделяют особое внимание тенденции моряков выражать свои чувства к противоположному полу посредством тату.

Среди таких рисунков, которые я видел в Галлиполи и на Мальте, самыми распространенными были памятные фигуры – In Memoriam. Один сержант показал мне вытатуированную на предплечье картину – могильный камень в окружении тисовых деревьев. Кроме надписи In Memoriam была еще одна: «В память о моей дорогой супруге, умершей 10 мая 1896 года». Пожарный на госпитальном судне Hunslet имел татуировку могилы и могильного камня, над которым стоял моряк с опущенной головой и шапкой в руке. Чтобы выразить свою симпатию товарищу, один моряк вытатуировал изображение парохода, над которым были слова «Императрица Ирландии». Чувство радости выразила татуировка скаковой лошади, которая принесла сделавшим ставки игрокам выигрыш в 30 фунтов.

Проблема вечной молодости никогда не занимала умы изобретательных гениев больше, чем в XX в., с его постоянными стрессами. В далеком прошлом примитивная женщина решала проблему борьбы со старостью, нанося на тело знаки магического характера. Айну свято верили в силу повторной татуировки для возвращения молодости. В омолаживающей силе тату не сомневались многие – от индейцев пима в Северной Америке до девушек маори в Новой Зеландии. Подобные идеи, вероятно, близки к первоначальной концепции красной охры и крови – символов, дающих жизнь.

Для колдунов и шаманов магическая красная охра бесценна, и ни одна церемония белой или черной магии в Северной Америке, Австралии или на островах Торресова пролива не проходила без использования красного или черного покрытия. Интересными являются ритуалы, в которых красная охра используется, и усилия дикарей, чтобы ее добыть. Краска наносится не для того, чтобы произвести большее впечатление на зрителей, а как динамический фактор, жизненно важный для достижения рудиментарного успеха. Существуют идеи о душе, способной пережить физическую смерть. Если такая душа решит мстить, оставшиеся в живых родственники или обидчики усопшего получают все основания опасаться за свою безопасность. Поэтому в Западной Африке и у индейцев Амазонки палач добровольно наносит себе на тело определенные знаки, которые являются свидетельством наложенного на себя наказания. Увидев их, мстительная душа поймет, что ее вмешательство больше не требуется. Люди моту, которые решают принять плату за кровь, краской наносят на лица знаки, которые объясняют духу их погибшего родственника, что его смерть не осталась неотомщенной, совсем наоборот, его обидчики заплатили большой штраф. Перед сражением или ордалией на теле также делали некоторые знаки. Они могли считаться обращением к высшим

силам, которые могли изменить ход конфликта. На самом деле в любой кризисной ситуации – будь то рождение ребенка, достижение половой зрелости, болезнь, любовь, драка и т. д. – ритуал считался неполным, если в нем не было обращения к магической или религиозной помощи посредством знаков на теле. Последние означают то же, что молитва или заклинание, хотя чаще всего знаки сочетаются с молитвой, чтобы усилить обращение к высшей силе, способной изменить человеческую судьбу.

Глава 3

ЗНАКИ НА ТЕЛЕ, НАНОСИМЫЕ В СОЦИАЛЬНЫХ И АНТИСОЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ

В своих трудах профессор Уильям Джеймс подчеркнул важность социальных тенденций в эволюции материальной и моральной культуры и, анализируя чувства человека, приговоренного к одиночному заключению в камере, указал на стремления человеческого существа к общению. Джеймс пришел к выводу, что при возвращении из тюрьмы к цивилизованному образу жизни человек испытывает те же бурные эмоции, что и по возвращении домой после долгого одиночного пребывания в глухом лесу.

Мы уже рассмотрели магический и религиозный аспект нанесения знаков на тело и теперь намерены показать, каким образом татуировка, знаки краской и шрамирование помогали формировать и поддерживать социальные группы.

Объединение в группы – сложный и неоднозначный процесс, подверженный влиянию самых разных факторов, среди которых пресловутый «стадный инстинкт», – совершенно не обязательно является основополагающим моментом. Нам необходимо показать, каким образом знаки на теле влияют на рост чувства общности с группой.

Нанесение знаков на теле в семье, племени, клане и тотемных группах, татуировки ведьм и тайных обществ, а также практика окрашивания членов опасной экспедиции одним цветом, часто кровью друг друга – все это показывает стремление людей к согласованным действиям и взаимопомощи.

В настоящей главе будут рассмотрены вопросы создания групп и их поддержки, а также приобретения и сохранения социального статуса. Примитивные народы «маркируют» своих детей еще в младенчестве, чтобы отличить их от потомства враждебно настроенных соседей. Жители Андаманских островов начинают шрамирование своих детей в восьмилетнем возрасте. Операция завершается по достижении половой зрелости. В беседе с миссионером по имени Хауэлл, который прожил тридцать лет в Конго между эстуарием и водопадом Стэнли, зашла речь об упадке племенных знаков. Рассмотрев фотографии детей девяти–двенадцати месяцев, он сказал, что двадцать лет назад в этом возрасте у младенца уже были бы племенные шрамы. Информация, полученная от Тордэя и Джойса, показывает, что татуировка также часто делается в очень раннем возрасте, но в ряде случаев завершается только к половому созреванию: «Chez les Banbala les incisions sont pratiqués pendant l'enfance, chez les tribus les femmes qui pratiquant l'opération. Chez les Bangongo si la cicatrization n'est pas complete quand le patient atteint l'âge de la puberté, elle reste inachevée, chez les Bengendi cependant elle peut être continue».

Очевидно, в районе реки Конго татуировка стала более сложной. Ее уже делают не на церемонии инициации, как на Андаманских островах или в австралийских племенах Порт-Линкольна, а когда ребенок только начинает ходить. Иными словами, он получает постоянный знак семьи как раз в то время, когда может уйти и заблудиться. Использование знака на теле для обозначения семьи, клана и тотемной группы иллюстрирует этапы в развитии группового сознания и чувства корпоративного существования. Иногда, как, например, на западных островах Торресова пролива, человек может иметь два знака: один обозначает связь с группой отца, другой – с группой матери. И наконец, существует индивидуальный знак, показывающий, что по мере роста самосознания у человека развивается собственное «я», что требует особого выражения. Люди из Нью-Джорджии считают своей эмблемой черепаху или птицу фрегат, а североамериканские индейцы краской наносят на свое тело изображение своего духа-покровителя – маниту. Доктор Ховитт приводит знаки, отличающие кланы курнаи,

Спенсер и Гиллен – тотемные рисунки на спинах представителей племени арунта, Тордэй и Джойс – семейные знаки народов Конго. Возвращаясь к Северной Америке, скажем, что Суонтон имел дело с семейными знаками хайда, а Хилл Таут упомянул об использовании знака, обозначающего наличие индивидуального духа-покровителя. В племени Квакиутл существует развал естественных семейств и объединение духовно близких людей в тайное общество, где применяют особую краску для лица и проводят сложные церемонии с ритуальными песнями и танцами.

Подведем итог сказанному: появление у примитивного человека знаков на теле означает рост его самосознания в социальной группе, а также появление среди людей сложных чувств – гордости, ненависти, амбиций – с приобретенной тенденцией к соперничеству и драчливости. Все это требовало специфической формы выражения.

ПЛЕМЕННЫЕ ЗНАКИ

Вполне возможно, что использованные в племенах знаки были подсказаны рисунками, которые люди видели на окружающих их животных: зебрах, кенгуру, опоссумах и т. д. Особые окраски тукана, птицы-носорога и многих других птиц, несомненно, могли навести на мысль о знаке, который сделает отдельных людей группы похожими друг на друга. Старк утверждает: «Тип знака, несомненно, может быть отнесен к животному миру, хотя нам не удалось обнаружить соответствующих преданий или мифов». Доктор Селигман приводит иллюстрации, показывающие, что меланезийцы британской Новой Гвинеи, скорее всего, сделали своим знаком клюв птицы-носорога. Говоря о племенных знаках урабунна, Спенсер и Гиллен даже привели легенду об их происхождении, подобную которой так и не нашел Старк.

Урабунна утверждают, что давным-давно в Бараке жили два ястреба – Ванту-Ванту и Ирритья. У каждого было свое дерево и гнездо с птенцами. Более крупный и сильный Ванту-Ванту заставлял Ирритью ловить черных людей на корм своим птенцам, но добросердечный Ирритья кормил своих отпрысков кенгуру-валлаби. Однажды, вернувшись в гнездо, Ирритья увидел маленького ястреба Кутта-Кутта и велел ему улетать.

Он сказал:

– Привет тебе! Старик Ванту-Ванту уже близко, тебе лучше улететь.

Но Кутта-Кутта был очень высокого мнения о себе и ответил:

– Только не я. Если старик хочет подраться, пусть приходит.

Только грозный вид Ванту-Ванту ослабил энтузиазм Кутта-Кутта, и маленький ястреб улетел к своему брату – птице-звонарю и рассказал ему о напасти. Если рассказывать коротко, то птица прилетела к деревьям, где обитали Ванту-Ванту и Ирритья, и повредила их так сильно, что деревья рухнули, когда на них сели ястребы. Ирритья закричал:

– Не убивай меня, я не ем черных людей!

Птица-звонарь пощадила его и сказала:

– Я думаю, будет очень хорошо, если вы пометите свои спины, как мои перья.

И пока шла эта болезненная процедура, птица-звонарь пела. В заключение можно сказать, что мясо ястребов Ванту-Ванту и Ирритья является табу для урабунна по сей день, потому что Ирритья был добр к ним и к нему нельзя прикасаться, а Ванту-Ванту являлся их врагом, так что его мясо может вызвать боли в животе.

А теперь рассмотрим вопрос о вере в божественное происхождение племенных знаков. Она присутствует на Фиджи и Андаманских островах, у айну и североамериканских индейцев. В «Языческих расах Малайского полуострова» (Pagan Races of the Malay Peninsula) приводится легенда сакаи о происхождении знаков своего племени. Когда-то народ сенои решил покинуть основное племя сакаев, чтобы найти новый дом и стать независимым племенем. Дискуссия вскоре привела к выбору знака, наносимого краской на грудь, но метку на лице выбрать никак не могли. На этой стадии в тождественное обсуждение вмешалась жена колдуна и была вознаграждена за свое любопытство пощечиной, в результате которой на ее физиономии остался отчетливый след пяти пальцев. И совет

сразу пришел к решению: у женщин будет на щеке пять знаков, а у мужчин – три.

Есть ли древние легенды или современные повествования, показывающие, что племенные знаки имеют или когда-то имели важное социальное значение? В 1895 г. французский торговец пробирался вверх по Конго в районы Вангала и Балобо и остановился в племени монго у реки Буссера. Торговые операции шли хорошо, но неожиданно были прерваны вождем монго, и начались переговоры. Было выдвинуто только одно требование: чтобы торговец стал одним из племени, на что он согласился и спросил, каким образом будет проведена инициация. В общем, итог переговоров был следующим: торговцу запретили все коммерческие операции до тех пор, пока он не станет членом племени, получив татуировку шрамированием. Тот легко дал свое согласие, считая, что отрастит бороду, которая скроет знаки на лице. Главное, что он вернется домой богатым человеком. К сожалению, молодой человек умер от заражения крови в доме лондонского хирурга, к которому обратился, чтобы убрать шрамы, в которые делавший их шаман поместил красящее вещество.

Нет никакого сомнения в том, что именно вкладывали монго в понятие «член племени». Татуировка англичанина, который случайно появился среди дикарей, показывает уважение, испытываемое примитивным человеком к процессу нанесения племенного знака на тело. Шрамы – это своеобразная эмблема уз дружбы, которую соплеменники испытывали друг к другу.

В 1816 г. Джон Рузерфорд попал в плен к маори и был татуирован знаками мокко на лице и туловище от бедер до коленей. После завершения этой весьма болезненной процедуры он приспособился к жизни в племени, почувствовал себя как дома и даже женился на двух высокородных девушках маори. Устав от домашних обязанностей, он сумел сбежать и в 1828 г. появился в Лондоне. Аналогичные испытания выпали на долю Джеймса Каддела, который оказался единственным выжившим с корабля «Сидней-Коув». Матрос не стал жертвой каннибализма, поскольку случайно коснулся циновки великого вождя – этот акт сделал его своим в племени. Каддел быстро освоился, стал знатным человеком, возглавлял боевые вылазки и даже позволил нанести себе на тело мокко-тату.

М. Боссу рассказывает подробности о том, как его приняли в племя индейцев реки Арканзас, которые сделали ему татуировку косули на бедре. После выполнения операции все танцевали и кричали от радости, приветствуя нового члена своего сообщества. Была выкурена трубка мира, и М. Боссу было сказано, что все союзники племени будут приветствовать его как брата, если он покажет свое тату – один из знаков воина или вождя.

Иногда исследователи становились свидетелями ритуалов, означавших идентификацию новорожденного ребенка с племенем. Например, в возрасте пяти дней ребенку из клана оленя племени омаха рисуют красные точки на спине, чтобы он был похож на олененка, на руках и груди – красные полосы, напоминающие знаки тотемного животного. Все главы клана оленя должны присутствовать на церемонии, и их единство с ребенком и друг с другом выражается нанесением красных точек на грудь каждого.

Подобные примеры иллюстрируют важность племенных знаков, без которых, согласно традиции, степень симпатии к своим соплеменникам будет выражена недостаточно. Уменьшение значения таких знаков происходит незначительное: только сейчас для некоторых племен они стали чисто декоративными. А примитивные, глубоко укоренившиеся эмоции умирают еще медленнее.

Подробный обзор племенных знаков на каком-то одном континенте – будь то Америка, Африка или Австралия – задача невыполнимая, поэтому остановимся на нескольких подобных примерах, обратив внимание на смешение этих знаков как признак медленного, но верного вырождения идей. Любой церемониал, который подразумевает магические и религиозные чувства в связи с нанесением знаков, представляется важным. В связи с этим все возможные детали и тенденции имеют особое значение, потому что отражают суть происходящих в примитивном обществе духовных процессов. А в случае заимствования или смешения знаков их носители потеряют былую связь с племенем, и в результате постепенного роста самосознания соплеменников начнется, возможно, угасание былого чувства коллективизма.

Существование церемониала, связанного с нанесением племенных знаков, предполагает существование некоего страха, связанного с нарушениями правил его соблюдения, рассматривающихся в качестве социального процесса. Некоторые австралийские племена, а также жители Андаманских

островов во время проведения таких церемоний испытывают страх перед действиями неких нечеловеческих сил, и, возможно, исследователи этого явления выявят когда-нибудь легенды, относящиеся к духам предков этих племен. Нанесение знака сразу после рождения ребенка или вскоре после его отъема от груди, вероятнее всего, вызвано желанием защитить малыша, теснее связав его с семьей. Свидетельства, найденные при раскопках, доказывают, что в Египте, где знаки на тело наносились еще в доисторические времена, женщины красили ногти на руках и ногах в желтовато-красный цвет, используя для этой цели сок растения хна, чтобы они казались больше, а на лица наносили нечто вроде румян. Веки и брови красили сурьмой, а под глазами рисовали краской толстые линии. И мужчины и женщины украшали свои тела татуировками, которые первоначально могли иметь религиозное или племенное значения.

Район Конго дает лучшие примеры шрамирования, доведенного до уровня изобразительного искусства. Например, на спинах женщин маниема изображения тянутся от поясницы до шеи и до середины боков. Татуировка состоит из ряда ромбовидных фигур, одна внутри другой, и внутри каждого ромба – симметричная извилистая кривая. Весь рисунок выполнен многочисленными отчетливыми круглыми келоидными рубцами. Шрамирование широко распространено и у банту и особенно заметно на северо-востоке центрального региона у акикуйю, масаи и наиваша. В дополнение к процессу нанесения шрамов жители провинции Касаи используют краску – разводят в воде красную пыль дерева тукула. В другой группе этого племени вырезают маленькие деревянные фигурки идолов со знаками шрамирования – кругами, дугами, треугольниками.

Знаки иногда бывают очень простыми, состоящими только из трех – пяти рядов точек на лбу, как, например, у народа шиллук. В протекторате Уганда широко распространен обычай делать шрамы, очень тонкие и близко расположенные друг к другу, с использованием едкого сока.

В дополнение к тому очевидному факту, что собственно татуировка не будет эффектно выглядеть на темной коже негра, отметим ее естественную способность к формированию келоидных рубцов даже после самой простой операции вакцинации. Утверждают, что заживление ускоряется, а вовсе не замедляется втиранием пигментов. Обычно шрамы делают более выступающими и нестираемыми, втирая либо уголь, либо древесную золу и порошок. Раньше, писал Вернер, разные шрамы всегда указывали на племя, к которому принадлежит носитель знака (детям наносили материнский знак), а теперь племенные знаки даже не все помнят. Доктор Фрэйзер рассуждает об обычной практике нанесения знаков на тело разрезами или прокалыванием. Он отмечает, что в Африке, как правило, нет причин считать такие знаки имитацией тотемов, поскольку рисунок обычно одинаковый для каждого члена племени. В тотемных же кланах было бы множество знаков для разных кланов. Очень простые знаки используют некоторые бушмены, которые татуируют прямые линии на руках, плечах и щеках. Такими же простыми знаками татуируют щеки, намазывают тела жиром и раскрашивают лица готтентоты. Дж. Дауд отмечает, что племенные знаки, вероятно, возникли, когда основной считалась материнская линия. Это было исключительно полезно в далекие времена, когда дети идентифицировались как члены группы, а не индивиды, имеющие собственное имя. Все люди одной крови по материнской линии имели одинаковые татуировки. В Банановой зоне, где существует много стилей нанесения рисунков на коже, есть знаки, обозначающие целые семьи.

У дагоманов почти нет знаков на теле, но в Нигерии они распространены необычайно широко и, как показали исследования майора Тремерна, отличаются большим разнообразием. Народы с Африканского Рога шрамируют очень простые геометрические фигуры (четырёхугольники, ромбы и т. д.) – обычно на предплечье, лице или на животе. Как утверждают исследователи, это знаки племени или семьи, не имеющие более глубокого смысла. Также некоторые шрамы могут иметь терапевтическое происхождение.

Простые формы геометрических шрамированных знаков

Самые замысловатые рассказы о знаках на теле можно найти в публикациях музея Бельгийского Конго, а также в трудах доктора Тернера, обследовавшего несколько сотен цветных шахтеров Йоханнесбурга и видевшего и сравнившего многочисленные и очень разные татуировки. Бушонго чаще других народов, живущих на реке Конго, используют красную краску, сделанную из дерева тукула. Ее наносит женщина своим мужу и детям, после чего исполняет танец. Шрамирование используется для нанесения племенных знаков лицам обоего пола, обычно на висок. Знак ба мбала состоит из трех частей, в каждой – по три шрамированные метки. В дополнение у этих людей можно увидеть и шрамированные изображения, чисто декоративного характера, которые наносятся на плечи мужчин и животы женщин. У ба нгонго племенной знак – три концентрических круга на каждом виске. Заключен или нет некий мистический смысл в использовании цифры 3, неизвестно. Знак ба нгенди состоит из двух линий, проведенных от уголка каждого глаза к середине каждого уха.

Интерес для исследователя представляет время нанесения знаков. У ба мбала насечки делаются примерно в то время, когда ребенок начинает ходить – чтобы не ушел и не потерялся, став впоследствии членом другой социальной группы. Татуировка детей ба нгонго выполняется с промежутками между младенчеством и возрастом половой зрелости, но, если операция не завершена до этого времени, elle reste inachevée [3 - Он остается незавершенным (фр.)]. У ба нгенди, однако, процесс татуировки может продолжаться и после достижения этого возраста. Знаки ба канго имеют нечто общее со знаками бушонго – это ряд параллельных надрезов в нижней части живота (у некоторых они наносятся только на одну его сторону). Также распространенными являются ромбовидные знаки возле внешнего уголка глаза и концентрические круги на висках. Кроме этого, женщины обычно наносят шрамированные рисунки на шею. Вследствие того что мужчины и женщины татуируются по-разному, и рисунки, сделанные для украшения, могут соседствовать с «официальными» племенными знаками, часто бывает сложно отличить один знак от другого. Так племенной знак начинает выполнять функцию выражения эстетических чувств. Доктор Тернер отметил, что знаки быстро меняются или исчезают, особенно после вступления туземцев к контакт с европейцами. Например, макука делают несколько глубоких разрезов на лбу, в уголках рта и на подбородке. Формируются глубокие складки, как будто кто-то прищипил кожу в этих местах большим и указательным пальцем. На животе представителя этого племени можно увидеть рисунок с множеством ромбов, так что он похож на проволочную сетку. У ксосо – неясные изображения на животе, очень похожие на тяжелые узлы, которыми украшают себя мтиопи. Племенной знак яо – это полумесяц, обращенный выпуклостью вверх, изображенный между глаз, у амемба – вертикальная метка по центру лба, сделанная ожогом и втиранием черной краски.

Исследования А. Холлиса показали, что масаи и нанди до сих пор используют знаки, которые могут быть как собственно татуировкой, так и шрамированными рисунками, нацарапанными колючками. Для девушек и воинов процесс является необязательным. Судя по приведенной информации, племенные знаки постепенно вытесняются декоративными шрамами. Такой переход, конечно, означает большие изменения в психической деятельности людей, поскольку, если нанесение племенных знаков было вызвано самыми разными социальными тенденциями и эмоциями, то в основе декоративных татуировок лежат такие сложные умственные процессы, как самоанализ и самоосмысление.

В возрасте десяти – двенадцати лет девочки баргезу начинают наносить на тело и лоб знаки, являющиеся символами принадлежности к клану. Раны делаются железной иглой, прикрепленной к кольцу, которое носит девочка. В раны, расположенные согласно моде клана, втирается зола. Девушка, не имеющая келоидных рубцов на лбу и груди, не сможет выйти замуж и не будет принята в круг взрослых женщин.

Австралия является отличным объектом для исследователя племенных знаков, но в настоящее время нет единого экспертного мнения относительно того, какие из них являются племенными, какие – декоративными и в какой степени выполняется операция при инициации с церемониалом или без него.

Любая ссылка на татуировки у мифических предков является показателем древности традиции. У курнаи есть рассказ о мифическом прародителе Бурил-Борну, который был обманут женщиной. Вернувшись домой, он очень сильно разозлился и начал наносить краску на тело, готовясь сразиться с мужчиной, жена которого сыграла над ним злую шутку. Доктор Ховитт утверждает, что, хотя выпуклые шрамы обычно не обозначают племя и являются чисто декоративными, в некоторых случаях они все же отличают представителя конкретного племени. Мужчину курнаи можно отличить еще по одному признаку – у него есть накидка из кожи опоссума. А в племени йеркла шрамы наносит шаман при инициации, и существует даже легенда о том, как это было сделано впервые.

Есть не только убедительные примеры знаков на теле, обозначающих принадлежность к племени, но и шрамы, указывающие на членство в подклассе. Так, каждый представитель подкласса будера племени курнаи имеет три шрама от одной груди до другой и по три – на каждом плече. Люди подкласса кура отличают себя одной горизонтальной меткой между грудями и тремя вертикальными на бицепсах каждой руки. В подклассе буду используется три горизонтальные метки между грудями, над ними, две метки в форме буквы V, а на бицепсах – пять горизонтальных линий. На возможность существования древнего магического и религиозного ритуалов указывает тот факт, что члены группы не наносят друг другу знаки без разбора – этим занимается шаман. Знаки, несомненно, помогали поддерживать соблюдение тотемизма и экзогамии.

У юинов шрамы не делали до завершения церемоний инициации. Доктор Ховитт приводит пример молодого юина, который имел три шрама вокруг предплечья – чтобы «отскакивали бумеранги». Аналогичный пример есть на Саибаи, где во время инициации делались шрамы, чтобы от стрел защитить юношей в сражении, и в Бирме, где татуировка охраняла от ударов копьем и ружейных выстрелов. Бирманец настолько уверен в эффективности своей татуировки, что может даже предложить европейцу разрядить в него пистолет.

О племенных татуировках в Австралии известно следующее: в окрестностях Мортон-Бэй во время инициации мальчику делают шрамы под сосками. Когда юноша становится немного старше, делают второй ряд шрамов – под первым. Как правило, в это время один из пожилых соплеменников должен держать юношу за уши, чтобы уменьшить его боль. Физон и Ховитт сомневаются в значении австралийского шрамирования: по их мнению, это могут быть как племенные знаки, так и любые другие. С ними согласен и Э.М. Керр. Мнение этих исследователей поддерживают и современные авторы, которые также считают, что с течением времени будет все труднее определить, имеет или нет какое-то особое значение татуировка, так как во многих районах страны ее бывшее значение теряется.

Спенсер и Гиллен не могут сказать с уверенностью, какие именно знаки обозначают принадлежность к племени, У.Э. Рот также колеблется, а вот Э.Дж. Эйр, труд которого был опубликован в 1845 г., считает, что ими, несомненно, являются шрамы.

В своих работах Эйр говорит о большом количестве разнообразных по форме и расположению шрамов, используемых разными племенами. Так что абориген, встретившись с незнакомцем в лесу, может по манере татуировки сразу определить племя, к которому тот принадлежит, правда, если только оно не живет очень далеко. Иными словами, у каждого племени своя, особенная манера нанесения тату.

К сожалению, в Австралии систематические исследования татуировок не ведутся. Шурманн утверждает, что татуировки сейчас являются чисто декоративными, но трудно сказать, было ли так всегда, и, вероятнее всего, существовали весомые мотивы, побуждающие наносить на тело знаки на церемониях инициации. Шурманн также рассказывает о том, как наносилась татуировка в районе Порт-

Линкольна. Юношу обливали кровью собравшихся членов племени. Он опускался на четвереньки, и поверх слоя крови ему наносили маленькие насечки, чтобы обозначить место шрамов, которые с помощью острых каменных ножей будет делать шаман. К насечкам под названием Манка относились с таким почтением, что считалось осквернением упоминать о них в присутствии женщин. Значит, у племен наблюдаемой Шурманном территории татуирование было важной и священной частью церемоний инициации.

Племенам, живущим на Борнео, келоидные рубцы были неизвестны. Хотя татуировка и распространена среди них очень широко, но нельзя сказать, являются ли создаваемые в ее процессе рисунки знаками племени. Слишком велико заимствование, особенно у каян. Интересно, что кочевые племена, как правило, принимают татуировку хозяина. Но если это принято на Борнео, почему бы подобной практике не существовать также в Австралии и Африке? И вполне естественно, что такой обычай довольно быстро приводит к смешению знаков, некогда отличных друг от друга.

Чтобы понять первоначальные идеи, связанные с происхождением и значением знаков племени, следует обратить внимание на народы, живущие на Андаманских островах. Э. Ман не считает, что с распространенным среди них шрамированием связан специальный церемониал, и утверждает, что такая татуировка делается для украшения или как тест на выносливость. Однако в этих племенах дети обоего пола очень редко остаются нетатуированными после восьмилетнего возраста. А как известно, этот обычай – из далекого прошлого, когда дети должны были получить средство идентификации, чтобы не потеряться. Исследователю стало понятно и то, что шрамирование, выполняемое куском кварца, делается вовсе не для обозначения разных слоев общества, поскольку дети вождя получают те же метки, что и простолюдины, а татуировщик не имеет особого статуса и высокого дохода.

Рассказ М. де Катрфага, касающийся племенной татуировки, представляет особый интерес из-за упоминаний о связанных с процессом табу и церемониале. На юге Андаманских островов и мужчины, и женщины шрамируют свои тела очень просто – наносят маленькие горизонтальные и вертикальные надрезы чередующимися сериями. Обычно этим занимаются женщины.

1) Три первых разреза должны делаться в нижней части спины.

2) Первые из них может сделать только мужчина, хотя последующие знаки может наносить и женщина.

3) Три первых разреза делаются стрелой, с которой охотились на диких свиней, остальные – стеклом или кварцем.

4) Пока раны не затянулись, пациент должен воздерживаться от употребления в пищу свинины.

Если все так, то племенная татуировка на этих островах включает церемониал и табу – два обстоятельства, обычно означающие благоговейное почтение и страх перед неведомыми силами, защитой от которых является ритуал (или с его помощью испрашивается их разрешение).

Татуировка знаков племени полезна не только для укрепления единства социальной группы, но и для закрепления в ней прав собственности мужчин на своих жен. В настоящее время почти все женщины нага получают татуировки, причем северянки являются чрезвычайно желанными для мужчин-южан. Замечено, что, какой бы яростной ни была вражда племен, татуированная женщина всегда останется невредимой. Так, представительницы слабого пола калифорнийских племен, среди которых шла непрекращающаяся борьба, татуированы так, чтобы каждое племя могло вернуть своих женщин, когда начинались мирные переговоры. Для воинов калифорнийских племен и нага, естественно, были характерны чувства соперничества и желания отстаивать свои права, поэтому женщины, наряду с прочим имуществом племен, должны были иметь некий идентификационный знак. Есть только одна оговорка: женщины получают знак общины, а материальные объекты – шкуры, оружие – метку индивидуального владельца. У хайда тоже есть семейные имена и знаки, и каждый член племени имеет на теле изображение медведя, волка, орла или рыбы. Вождь, подчинивший несколько других племен, татуирует знаки своих новых подданных и тем самым приобретает ряд новых полезных качеств, одновременно выражая собственные чувства, среди которых – гордость, чувство собственности и симпатия.

Мнения, относящиеся к татуировке сакай, настолько расплывчаты, что никто не может сказать, какие знаки означают принадлежность к племени, а какие являются декоративными. Внимательное изучение

информации, собранной Скитом и Бладженом, оставляет впечатление, что сакаи, семанги и якуны не относились очень строго к значениям тех или иных изображений. Можно предположить, что знак племени сакаи – линии на щеке. С этим знаком были замечены пятнадцать женщин. Среди них была жена вождя племени сакаи, которая имела четыре отчетливых шрама на левой щеке и слабые отметины – на правой. Она подтвердила, что это метки ее племени. Мужчины же сакаи рисуют краской на груди листы папоротника. Но поскольку три таких изображения используются, чтобы прогнать боль у детей, возможно, листы папоротника являются скорее амулетом, чем знаком племени. Все это дает основание предполагать, что различные когда-то для мужчин и женщин сакаи знаки племени с развитием декоративных татуировок и контактов с семангами смешались с другими метками.

СОВРЕМЕННАЯ ТАТУИРОВКА СОЦИАЛЬНОЙ ИЛИ АНТИСОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Интересные случаи современного использования татуировки для выражения социальной солидарности среди солдат приводит Ломброзо. Военные люди довольно часто наносят на тело какой-нибудь знак, который показывает их принадлежность к выбранной профессии: дата сражения, скрещенные ружья, флаг, пушка или пирамида из пуль (военные моряки предпочитают корабль или якорь). Иногда татуировка не просто связывает ее носителя с той или иной армией, но и идентифицирует его с конкретным родом войск. Так, кавалерист татуирует на своем теле лошадь, музыкант – скрипку или барабан.

Некоторые люди обозначают свою связь с каким-то ремеслом: мясник татуирует два скрещенных ножа, а бондарь – бочку и т. д. Преступники тоже наносят на свое тело безошибочно указывающие на их опасный бизнес знаки, часто выражающие похоть, ненависть и жажду мести, татуируя всяческие девизы и злобные эпитеты. У одного преступника на груди были вытатуированы два кинжала и слова: «je jure de me venger» («Я клянусь отомстить за себя»). Эту угрозу старый пьемонтский моряк воплотил в жизнь, грабя и убивая. У одного венецианца на груди была надпись: «Malheur à moi! Quel sera ma fin?» («Будь я проклят! Каким станет мой конец?») Другой преступник выразил свое отчаяние словами: «Né sous une mauvaise étoile» («Рожден под несчастливой звездой»). Находясь в тюрьме, один криминальный элемент вытатуировал на груди кинжал, а над ним слова: «mort a bourgeois» («смерть горожанам»). В 1878 г. Ломброзо работал с преступником из Неаполя, на груди которого было тату со словами: «je ne suis qu'un pauvre malheureux» («Я всего лишь бедный неудачник»). У Малассена на груди красовалась татуировка – черно-красная гильотина, а рядом с ней – слова (красными буквами): «j'ai mal commence, je finirai mal» («Я плохо начал и плохо кончу»). Можно привести примеры и других мрачных девизов тату: «La vie n'est qu'une illusion», «mort aux officiers français», «la liberté ou la morte», «morte aux gendarmes», «la gendarmerie sera mon tombeau» и т. д. Таким образом, криминальные элементы давали выход бушующим внутри чувствам. У одного из них, тридцати четырех лет от роду (большинство из которых он провел в тюрьме), татуировки покрывали все тело. Даже на носу у него был крест, который он, правда, пытался свести уксусной кислотой. Преступник, сделавший своей «специальностью» кражу и нанесение увечий лошадям, связал себя с этим делом татуировкой головы лошади, а чтобы выразить симпатию разбойнику Моттино, вытатуировал его портрет. Известен случай, когда фальшивомонетчик сделал тату на теле с изображением своих инструментов. Солдат, имевший такую же татуировку, как все служившие в его полку, сказал Ломброзо: «Полковое единство сохраняется только одинаковой татуировкой». Эта практика предшествовала ношению единой формы одного цвета. Получается, что его чувства, подтолкнувшие к нанесению одинаковой татуировки, не слишком отличаются от тех, которыми руководствовался примитивный человек, желавший чувствовать себя частью племени или клана.

Двадцать учеников, окончивших колледж в Кастельмонте, сделали себе татуировки, символизирующие связь со своим учебным заведением. Наблюдения Ломброзо подтверждаются исследованиями А.Т. Синклера, который долгое время занимался исследованиями татуировок современных цивилизованных людей. Большинство скандинавских моряков имеют татуировки, как и 90 процентов служивших на американском флоте. Только 10 процентов рыбаков Кейп-Кода не имеет

тату. Во Франции они были у многих мясников – скрещенный топор и нож, у плотников – пила и молоток. Эти практики характерны для Германии, и А. Синклер считает их остатками старых цеховых традиций. С ним не согласен Лакассань, тщательно исследовавший татуировки и сравнивший их с эмблемами городов, девизами компаний и элементами геральдики.

ТАТУИРОВКА ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ИНДИВИДА

Теперь перейдем к вопросу нанесения татуировок, обозначавших для конкретного человека авторитет, возраст, социальный статус, смелость в бою или на охоте.

Можно не сомневаться, что общественное мнение в части отношения к старым людям всегда было неодинаковым и зависело от времени и места. Вероятно, из-за утраты трудоспособности и невозможности добыть средства существования в охотничьих племенах стариков бросали или убивали. С другой стороны, есть много примеров татуировок, показывающих, что возраст – основание для особого обращения, и все исследования в австралийских племенах показывают важное социальное положение стариков. Доктор Нассау, говоря о племенах Западной Африки, подчеркивает уважение к старикам, к которым молодежь не должна приближаться на расстояние меньше нескольких ярдов. А у племени масаи есть обычай, согласно которому юноши салютуют старому человеку, который в качестве ответного приветствия плюет на молодого человека. В Австралии пожилые люди имеют много привилегий в еде и браке, которых нет у молодых. Не прошедший инициацию юноша должен искать лучшую еду, чтобы потом отдать ее старому человеку. А после инициации какое-то время молодой человек должен служить молодой женщине, как правило являющейся женой старика.

В своем повествовании о Таити Чарльз Дарвин рассказал, что у многих мужчин старшего возраста ноги покрыты маленькими фигурками, расположенными так, чтобы напоминать носок. Этот несмываемый знак не позволяет зрелому мужчине вести себя как юноша. А наблюдения за жителями береговой части Новой Зеландии 1769 г. показывают, что в тот период для обоих полов было принято окрашивать себя в одинаковой манере. Черное красящее вещество использовалась женщинами для окраски губ, но мужчины обычно заходили дальше и наносили краску на разные части тела, добавляя понемногу каждый год, в результате чего тела некоторых старых людей становились совсем черными.

Женщины калифорнийских племен татуировались тремя синими линиями, тянущимися перпендикулярно от центра и уголков нижней губы по подбородку; в некоторых племенах региона такие же линии добавлялись на руки и тыльную сторону ладоней. С возрастом линии делали шире, окрашивая более ярко, чтобы обозначить возрастающую социальную значимость.

Женщины айну татуируют усы: операцию начинают в раннем детстве, усы удлиняют каждый год до замужества. Кроме того, количество круглых меток на руках женщин должно увеличиваться каждый год – это считается указателем их возраста. На Адмиралтейских островах старых женщин отличает слой черной краски, а на Новой Зеландии любой уважающий себя старик делает себе депиляцию, потому что, если его моко-татуировка на лице покроется бородой, он получит оскорбительное прозвище E-weki (старик). В этом случае речь идет не о получении дополнительных знаков, а о сохранении шрамов юности. В племенах «плоскоголовых» (сэлиш) для нанесения знаков на тело широко используют красную и желтую охру, белую глину и гематитовую пыль. Помимо выражения ранга и профессии, у них тоже есть знаки, характерные для определенного возраста. Молодые женщины обычно красят щеки красной краской, и нельзя сказать, что это им не к лицу, если только слой тонкий. Зрелые женщины наносят краску на все лицо до уровня глаз. Только зрелые мужчины и женщины острова Трежери из группы Соломоновых островов делали себе шрамирование, помещая на свою кожу тонкие щепки, которые потом поджигались.

Мы уже подчеркивали, что знаки племени во многих случаях наносятся во время инициации. На таких церемониях делают и другие татуировки, которые считаются магической помощью для придания молодому человеку определенного статуса. Подобные знаки на теле можно было бы отнести к тем, что служат для магических и религиозных целей, но в данном случае татуировка больше отражает социальный аспект инициации. А магические и религиозные практики (нанесение краски на тело,

кручение ревуна и др.) лишь помогают осуществлять социальную функцию обряда посвящения молодых людей в разряд взрослых.

В Меланезийском районе Британской Новой Гвинеи мальчики проходят инициацию на церемонии, называемой *aguagu*, которая проводится, когда кандидаты достигают возраста двенадцати лет. Ей предшествует период их уединения продолжительностью десять месяцев, во время которого подросткам делают ножные браслеты и пояса. В это время мальчика с ног до головы покрывают красной краской, что является пережитком существовавшей некогда идеи о крови как обязательном дополнении к обрядам плодородия. Краска – магическая помощь перехода от детства к зрелости, а кровь символизирует новую жизнь и силу. У сакаев же существует обычай брызгать на юношу соком папоротника – только после этого он становится мужчиной и может жениться. На Туту, что в Торресовом проливе, инициированные покрываются сажей, причем новый слой добавляется каждый день (мужчины постарше сидят на циновках своего клана, и, если кто-то из них сядет на другую циновку, его тело окрасят черной краской). Снадобье из коры, считающееся любовным зельем, наносят юноше за ушами, на живот, ладони, нос, колени и ступни. Зелье должно привлечь девушек к вступившему во взрослую жизнь юноше.

Жители Мабуиага действуют немного иначе. До инициации брат матери покрывает тело мальчика с ног до головы кубы – обуглившейся скорлупой кокосового ореха, на лбу вдоль линии волос проводит красную полосу. Еще одна красная линия спускается по центру носа и встречается с широкой красной полосой, проведенной через все лицо на уровне ноздрей. Одновременно подростку даются следующие наставления:

«Если ты хочешь что-нибудь сказать, говори правду, не говори лживых слов, ложь вредна, и если ты будешь плохим мальчиком, то быстро умрешь. Не трогай ничего, принадлежащего другому мужчине, иначе он назовет тебя плохим мальчиком. Если мужчина пошлет тебя куда-нибудь, иди быстро». Далее следуют советы в том же духе. В племенах мыса Йорк мужчины, которые собираются принять участие в церемонии инициации, красят свои поперечные шрамы на животе красной и белой краской. Каждому мальчику называют клан, в котором ему следует найти невесту, после чего ему смазывают «зельем буша» впадины на бедрах, пах и ключицы, чтобы он быстрее рос. На Соломоновых островах подростки постарше подвергаются операции татуировки – только после этого они считаются взрослыми. Х. Гаппи сообщил, что, пока делается татуировка, мальчиков держат в изоляции, но после ее завершения они могут жениться.

Важность использования краски или другой формы знаков на теле иллюстрирует описание довольно сложной церемонии инициации племени бова. Рисуются два круга, причем на внешнем краю наружного круга могут присутствовать женщины. Мальчика, которому предстоит таинство, с ног до головы покрывают красной краской. Считается, что в таком «одеянии» он может войти во внутренний круг, когда видны лики богов и где красная краска служит магической защитой. После завершения священных церемоний юноша смывает красную краску, а затем наносит на себя слой белой.

Мужчина, публично продемонстрировавший презрение к физической боли, имеет все основания собой гордиться. Для этого, а также для получения более высокого социального статуса, например, североамериканский индеец или тамил из Южной Индии могут в течение долгого времени висеть на крюке, вонзенном в плоть. Иногда татуировка никак не связана с магическими аспектами инициации, а является лишь проверкой того, может ли кандидат продемонстрировать твердость и мужество, которые оправдывают его принятие в ряды мужчин. Имея это в виду, а также надеясь на повышенное внимание девушек, юноши с радостью идут на весьма болезненные операции. Достопочтенный сэр Джозеф Бэнкс отметил позитивную взаимосвязь между степенью распространения атоса у маори и плотностью населения в районах, где практикуется татуировка. Чем более населена страна, тем больше число татуированных людей. Сэр Джозеф Бэнкс придерживался мнения, что процесс вызван тенденцией к соперничеству в способности выносить боль. Там, где населения мало, атоса практически отсутствует – нет стимула завоевать более высокий социальный статус, продемонстрировав мужество во время болезненной операции. Тот же автор утверждает, что на Гаити татуировками на теле очень гордятся и мужчины, и женщины, но считают они их украшением или доказательством способности выносить боль, не уточняется. Очень полезными являются наблюдения 1769 г., но ясных причин появления этих

практик тогда не знали, а научные методы этнологических исследований еще не были развиты. На островах Общества, упоминал Бэнкс, операция татуировки начиналась после достижения возраста четырнадцати лет и заканчивалась к восемнадцатилетию. Он также утверждает, что не видел там ни одного зрелого человека без татуировки. Бэнкс был озадачен универсальностью имевшихся у них татуировок, считая, что с ними связан какой-то предрассудок.

Юноша шанов считается достигшим возраста мужчины, когда ему делается татуировка. Но до этого он должен доказать свою способность выдерживать боль. Обычное изображение тату похоже на бриджи [4 - Татуировка «бриджи» распространена очень широко – у шанов, на Борнео, Самоа, Таити, острове Пасхи, Новой Зеландии.] – от пояса до колен, предпочитаемые цвета – красный и синий. Иногда пациенту для облегчения боли давали опиум, а татуировщик подбадривал его словами: «Если ты будешь слишком много ерзать, люди подумают, что ты еще маленький мальчик». А сидевшие вокруг друзья говорили: «Если ты испортишь тату, ни одна девушка не станет восхищаться тобой». Эти замечания показывают, что для шанов операция татуировки была результатом проявления эгоизма и желания иметь основания для чувства гордости. Работал и сексуальный инстинкт, который, собственно говоря, вместе с исконной тенденцией к самоутверждению и объяснял принятие некоторых церемоний, которые повышали социальный статус и улучшали отношения с противоположным полом. Лесли Милн утверждает, что ни одна девушка не признает мужчину брачного возраста, если на его ногах нет татуировки. Это заявление соответствует независимым наблюдениям, которые проводил и сэр Г. Скотт.

Для Полинезии характерен не менее интересный пример. Юный вождь восемнадцати лет возглавляет процессию в хижину, специально выбранную для операции татуировки, за ним идут юноши четырнадцати – восемнадцати лет. Родственники женского пола удерживают пациента, и, если он стонет, это считается недостатком мужества. Когда тату наносится на ладонь одной из его рук, в хижину допускается другой пациент. Когда все татуировки заживают, устраивается большой праздник. Юноши танцуют, демонстрируют татуировки и получают поздравления от прекрасного пола. Европейцы, наблюдавшие эту практику, утверждают: юноши были полностью уверены в том, что стали мужчинами. Сегодня подобная практика также существует, хотя почти все татуировки уже прикрыты одеждой.

Одно время на Юкатане и в Никарагуа наносили татуировки, делая надрезы каменными ножами и натирая раны угольной пылью или черной землей. Любимые изображения – полосы, змеи и птицы – делали очень медленно. Этот болезненный процесс требовал от человека немалого мужества.

С давних времен у большинства народов мира существовало разделение общества на вождей, свободных людей и рабов, и одним из многих приемов выражения социальных различий между этими группами всегда была татуировка.

Ограничения, связанные с сохранением конкретного тату для обозначения определенного социального статуса, сейчас не так строго навязываются, как было раньше, к примеру, у каянов: жены и дочери татуировали только бедра, а остальным было позволено украшать свои лодыжки и икры. Тем не менее даже сегодня можно различить знаки представителей знати и низов. Женщина, принадлежащая к низким слоям общества, татуируется без предварительного нанесения рисунка на кожу, и, естественно, работа получается не слишком аккуратной и сложной. На сгибе руки дочери вождя обычно татуируются такие знаки, как полная луна, голова птицы-носорога, нос лодки, спирали, на супинаторной поверхности – пересекающиеся зигзаги – листья ротанга, заканчивающиеся клубневидным корнем.

Маори по имени Тупаи-Купа объяснил Фробениусу значение разных кривых моко – каждая завитушка имеет свои название и смысл. Вождь дал описание конкретных рисунков и набросал изображения, принятые для высокородных семейств. Д'Урвиль подтвердил аналогию моко-тату маори и европейской геральдики, с той разницей, что герб повествует о заслугах предков, а татуировка моко – о достоинствах человека, ею украшенного. Один вождь маори, рассмотрев печать британского офицера, спросил, является ли изображенный на ней герб моко семьи офицера. Иными словами, одна из основных функций моко – выражение социального статуса. Рабам она не наносится, а женщине высокого ранга делается на ноге – начиная от пятки вверх по икре до места, где она закрывается короткой юбкой.

Исследования татуировок для обозначения социального статуса в Полинезии провел Ратцел. На островах Общества, Маркизских и Каролинских островах простые люди делают татуировку только в паху, а у знатных эрри или араки – большие круглые знаки по всему телу. На островах Гилберта бедный человек, имеющий татуировку, пользуется большим влиянием на общем совете, чем богач без тату. Народ ротума обозначает социальные или кастовые различия с помощью татуировки, но представляется странным, что вождь лишь слегка украшен, а представители низших слоев общества имеют татуировку по всему телу. А жители Маршалловых островов, наоборот, оставляют татуировку только для вождей. На острове же Мортлок (Микронезия) показателем статуса является татуировка ног.

Среди негров Гвинеи для свободных женщин существует обычай татуировать одну, две или три узкие полоски, начиная от запястья вверх по тыльной стороне каждой руки и затем вниз по спине. Цалисены Формозы используют татуировку для украшения тел представителей обоего пола, но среди мужчин она разрешена только вождю и мужчинам его семейства. Намек на тотемизм найден у красных каренов Бирмы – каждый член этого клана носит символ своей знатности, татуированный на спине в виде восходящего солнца.

Хотя татуировка может быть меткой раба, как сказано выше, но, по утверждению Геродота, по крайней мере в одном случае она считалась знаком освобождения от рабства. Раб, бежавший в храм Геркулеса в Египте и там татуированный, больше не мог быть востребован хозяином. Хотя тату для него стало скорее не символом свободы, а знаком связи с храмом.

Еще до того, как в Японии появились документальные свидетельства существования тату, в начале христианской эры китайские путешественники заметили, что японские мужчины татуируют свои лица и украшают рисунками тела. Различие в ранге показывали положение и размер рисунка. В результате изменения тенденций с древних времен до Средних веков татуировки делали только представителям низших классов.

Ко*~~censored~~*ис утверждает, что обитатели Маркизских островов имеют ничуть не менее примечательные тату, чем новозеландцы. По прихоти природы они сложены так, что могли бы стать моделями для скульпторов, и, чтобы усилить свою естественную привлекательность, островитяне покрывают свои тела цветными рисунками. Татуировки обозначают не только племя того или иного индивида, но также касту и официальное положение: «Il-y-a des signes pour les guerriers, les nobles, les mercenaires, les artisans et les veufs».

В записках А. фон Гумбольдта указывается, что южноамериканские индейцы Ориноко выражают состояние бедности и лишения фразой: «Этот человек так нищ, что не может даже окрасить половину своего тела». Для Северной Америки примеры знаков на теле для обозначения ранга приводит Бэнкрофт. Он уточняет, что при татуировке цвет наносится протягиванием нитки под кожу или прокалыванием ее иглой. Разные племена и социальные слои одного племени имеют различные формы тату. Женщина из плебеев в некоторых группах имеет право украсить свой подбородок одной вертикальной линией по центру и одной, параллельной ей, – с любой стороны. Богатые женщины наносят две вертикальные линии от каждого уголка рта. У кадиаков чем больше татуирован подбородок у женщины, тем более уважаемой ее считают.

На Юкатане окраска лица и татуировка рук была привилегией, дарованной храбрым. Однако большинство известных примеров относится к знакам, показывающим социальное различие по рождению. Майя получали тату как почетный знак. Джойс вкратце изложил свидетельства Сахугана и Ланда относительно татуировки в Мексике. Так, чем больше татуировок имел ацтекский мужчина, тем более уважаемым он считался. Обычно татуировка для украшения делалась по случаю его вступления в брак – рисунки сначала наносились краской, потом накалывались. Женщины тоже покрывали тело татуировками – от талии вверх – за исключением груди. Обычай нанесения тату, вероятно, уходит корнями в глубокую древность, потому что подобные украшения можно часто видеть на лицах монументальных скульптур.

ТАТУИРОВКА И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИН

Существуют следующие категории знаков на теле для обозначения социального статуса: 1) татуировки для лиц слабого пола, означающие превращения из девочки в женщину, выполнение брачного контракта, количество детей (даже разделение охотничьих почестей с мужем); у индейцев омаха есть практика татуировки девушки в честь подвигов вождя; 2) татуировка мужчин для показа их доблести в охоте за головами, убийстве животных, членства в тайных обществах; 3) смешанные случаи – татуировка преступников для сохранения общественного порядка, нанесение на кожу знаков из мифологии или в целях передачи информации и материальной выгоды.

Многочисленные и широко распространенные примеры татуировки девочек по достижении ими полового созревания, которые мы рассматривали ранее, иллюстрируют тенденции ассоциации нанесения знаков на тело с церемониалом и табу, позитивными и негативными ритуалами.

Например, знаки на теле девушки не только означают, что она достигла брачного возраста, но являются элементами некоего мистицизма, необходимого для перехода девушки на новый физиологический уровень – жены и матери. На страницах этой книги упоминались примеры связи тату с церемониалами и табу меланезийцев, нага, каян и ба тонга, но другие народы также татуируют своих девушек по достижении ими полового созревания (чаще всего без каких-либо церемоний и с сохранением прежних обрядов).

Доктор Терстон утверждает, что обычно девушек тогда татуируют до возраста половой зрелости, но в некоторых случаях операцию делают и после, как правило, до рождения первого ребенка. Точки и круги наносятся на грудь, руки, спину и ноги – они означают, что татуированная таким образом женщина родит одного или более ребенка. Доктор Риверс отмечает, правда, что факты, связанные именно с татуировкой женщин тогда, до конца не поняты. У атагалов Формозы лица обоего пола татуируются по достижении половой зрелости, а женщины добавляют сложный узор бледно-голубого цвета шириной около дюйма от уголка рта до уха. У каждой девушки племен ям (йам) и туту с островов Торресова пролива по достижении половой зрелости зачерняют все тело. Использование этого цвета означает не столько ее переход на новый социальный уровень, сколько сохранение предрассудков, связанных с ритуалами плодородия.

Хайда и все племена северного побережья Тихого океана являются приверженцами практики татуировки девочек, достигших половой зрелости. А в Парагвае девушке наносят на тело метку синего цвета: с помощью колючки, которую обмакивают в синий или фиолетовый пигмент, проводится линия шириной 0,4 дюйма от корней волос вниз по носу до верхней губы. При замужестве линию продлевают до выступающей части подбородка. Плоскоголовые обычно татуируют только женщин; метки на лице очень просты и состоят из параллельных линий, точек, углов, квадратов и крестов. Обычно проводят три расходящиеся линии от уголков рта и две параллельные линии от центра нижней губы к подбородку. Хилл Таут утверждает, что эти украшения добавляются после выполнения ритуалов, связанных с достижением половой зрелости, чтобы отметить новый статус. Преподобный Дэвид Кранц, который тридцать лет был миссионером в Гренландии, заявляет, что эскимоска-мать в раннем детстве делает татуировку своей дочери, опасаясь, что она не найдет мужа. Обращаясь к относительно недавно проведенным исследованиям среди эскимосов, упомянем о татуировке племен сибирского побережья Берингова пролива и острова Святого Лаврентия. В тундре к югу от Юкона встречается немного татуированных женщин, и простой узор обычно состоит из трех, пяти или шести линий, расходящихся из-под нижней губы по подбородку. В некоторых случаях линии наносят на тыльной стороне запястья и на предплечье. В прежние времена женщины-эскимоски, жившие на берегах Гудзонова залива, были весьма затейливо татуированы, изогнутые кривые и ряды точек наносились на шею, руки и ноги до середины бедра. Эта практика пришла в упадок, когда шаманы стали говорить, что татуировка приносит несчастье. В настоящее время эскимосы тех мест наносят несколько точек на лицо по достижении половой зрелости. Операцию выполняет старая женщина.

Почему один пол предпочитает, чтобы другой имел татуировки, понять трудно. Ни один из исследователей так и не сумел получить толкового ответа, помимо заявления, сделанного в Новой Ирландии: ни одна женщина не полюбит мужчину без татуировки, и наоборот. Ожидается, что отсутствие тату будет поводом для стыда; индивид будет чувствовать себя униженным, чтобы избежать столь явных отрицательных эмоций, он делает татуировку. Попытки продолжить расспросы туземцев

увенчались частичным успехом только на Фиджи, где работал сэр Бэзил Томсон. Он утверждает, что незадолго до достижения половой зрелости все живущие там девочки получают татуировку. Операция явно выполняется не только для украшения, поскольку татуировка имеет вид широкой горизонтальной полосы, кое-где закрытой «лику», состоящей из пересекающихся линий и ромбов. Операцию делают три женщины, две из которых удерживают пациентку, лежащую на циновке за дверью хижины, а третья – орудует ланцетом. Режущий инструмент погружают в масло и красящее вещество, содержащееся в скорлупе кокосового ореха. Операция проходит во время работы всех мужчин в поле, после ее окончания родители девушки устраивают церемониальное торжество. В некоторых случаях к основному рисунку добавляются зигзаги и точки на пальцах – чтобы татуировку можно было продемонстрировать, подавая еду вождям. Г. Браун заметил, что сделанная, например, татуировка ягодиц имеет скрытый сексуальный смысл. Считается, что ее ввел бог Нденге (Ndengei). Люди верят, что в последнем путешествии Теней женщина без такого тату подвергнется разным унижениям. Таким образом, имеют место «тайная» операция, церемониальное празднество, небесный покровитель тату и вера в ее преимущества, даваемые после смерти. Страх перед насмешками и стыдом является главным мотивом, заставляющим девушку делать татуировку, иначе пойдут слухи и сплетни и ей будет очень трудно найти хорошего мужа. В попытке добраться до истоков предрассудка исследователь сделал попытку найти на побережье Ра древние песнопения, которые исполнялись в честь такой татуировки. Но или люди забыли текст, или сочли его неподходящим для повторения перед европейцем, в любом случае попытка оказалась неудачной. В конце концов, один юноша все-таки исполнил в высшей степени похотливую оду татуировке, без каких-либо религиозных мотивов. Ватуремба, вождь в холмах Тхоло, на расспросы лишь хитро усмехался, а потом сообщил, что есть большая разница между физической близостью с татуированной женщиной и нетатуированной. Идея брака с последней явно пришлась ему не по вкусу, и он сообщил, что тату – стимул, возбуждающий сексуальную страсть в самой женщине.

На Соломоновых островах у девушки нет шанса выйти замуж, если ее природные чары не усилены татуировкой. Ее выполняет колдун тиндало – дух. Название, вероятнее всего, означает некую связь с суевериями и смутное чувство благоговейного страха. Операция болезненная и длительная, делается под музыку, от заката до рассвета, а начинается под пение хора. Обычно пациентка страдает молча, не проронив ни звука. А уже на следующий день есть все основания для радости – она вступила в пору женственности и может выйти замуж. Ей находят мужчину, способного хорошо заплатить за невесту, после чего заключается брак. Среди гостей, приглашенных родителями девушки на брачную церемонию, обязательно должны присутствовать те, которые помогли оплатить стоимость операции татуировки.

Иногда знаки на теле женщины делают после ее замужества или при рождении ребенка – у североамериканских индейцев пима и африканского племени ниям-ниям существуют связанные с этим обычаи. А у других индейцев и невеста, и жених получают татуировки сразу после свадьбы, на Формозе жениха и невесту татуирует жрица, на Мабуиаге татуировка для невесты – это скорее временное украшение, чем постоянная метка, а для жениха – выражение союза. На Мабуиаге невеста зачерняет кожу, после чего добавляет красную или белую линии по обе стороны от носа и продлевает их через брови к ушам. Муж бенабэнди выражает свою привязанность к жене, оплатив ей татуировку, причем среди татуировщиков существует большая конкуренция. Что касается айну, преподобный Бэтчелор в «Айну и их фольклоре» утверждает, что, как правило, мать внушает дочери мысль о необходимости тату. А по заявлению Ландора, иногда муж татуирует жену вскоре после брака. После рождения ребенка женщина Фиджи наносит на тело знак – полукруглые пятнышки татуируются в уголках рта, – считающийся признаком женской сдержанности. Иногда пятнышки соединяют линиями, татуированными вдоль губ. Женщина чукчей помечает своих дочерей десяти лет, а иногда и младше, продергивая черную нить под кожей. Бездетные женщины татуируют на обеих щеках три линии, равноудаленные друг от друга, идущие вокруг подбородка, – это амулет от бесплодия. Женщины и мужчины мтиопи делают на своих щеках линии. Для женщин это означает, что роды были неудачными, а плод был мужского пола. Возможно, в этом есть нечто от некоего древнего искупительного ритуала, считавшегося необходимым, когда естественный ход событий – беременность

и роды – оказывался нарушенным. Женщины тогда при рождении ребенка должны подвергнуться церемониальной изоляции с сопутствующими ритуалами, среди которых – нанесение келоидного рубца на талию. На пятом месяце беременности женщина направляется жить в уединенную хижину, расположенную в некотором удалении от деревни – расстояние определяется святостью поселения. Она начинает путешествие в эту хижину в день новолуния, беря с собой святую воду, освященную ее пролитием на спину тельца. Женщина держит небольшой пучок ниток над огнем, пока те не обуглятся, и потом обжигает себе запястья. Всего делается четыре метки, по две – на каждой руке: одна – у основания большого пальца, другая – на выступе лучевой кости. Родственники стоят на расстоянии и спрашивают, все ли закончено. Создается впечатление, что все это часть своеобразной процедуры очищения.

РАЗНЫЕ ЗНАКИ, ЧТОБЫ УДОВЛЕТВОРИТЬ ЧУВСТВО ГОРДОСТИ

Самоутверждение, соперничество и задиристость всегда присутствуют среди примитивных людей в обществе, где существует соревнование за первенство во время охоты и за внимание противоположного пола. Кульминацией этих эмоций стало формирование у людей комплексного чувства гордости и желания зафиксировать любые полученные ими социальные отличия (иногда – уже на теле ребенка).

У моту убийца, которого вот-вот должны передать его врагам, покрывает тело краской и проводит последнюю ночь на пирушке. А у койта тот, кто убил, носит на теле знаки, слегка отличающиеся в зависимости от пола жертвы. Человеку, убившему убийцу, позволено иметь продольную линию вдоль спины с каждой стороны от середины и в двух дюймах от нее, а также рисунок в районе дельтовидных мышц предплечья и знак в форме буквы V на груди и плечах. Такой убийца – айна (эффективный) – отвергается, поскольку с ним опасно входить в контакт, поэтому он уединяется в лес. После этого соплеменники устраивают пиршество в его честь, рассказывая о его деяниях. Во время танцев, раньше исполнявшихся на каннибальских пиршествах, когда пойманных врагов съедали, чтобы получить их достоинства, юноши красили лица белой краской и проводили черную линию через центр лба, носа и подбородка. Такие знаки, вероятно, считаются украшениями для специальных случаев, временными показателями удовлетворения от поедания своего врага, поэтому они существенно отличаются от татуировки койта, которая является постоянным знаком заслуг индивида.

Саравакский каян, взявший голову своего врага, покрывает татуировками тыльные стороны ладоней. Если он имел только долю добычи, то получит татуировку только одного (или более, в зависимости от доли) пальца – обычно большого. Теоретически даяк, который совершил успешное нападение на врага, татуирует тыльные стороны рук, но на практике обычай соблюдается не только по отношению к храбрым воинам. Хоуз и Макдугалл видели мужчину с татуированными руками, который был бездельником и не пользовался авторитетом у своего народа. Прайер отметил, что среди дусунов мужчины, успешно охотившиеся за головами, обычно получали тату за каждый свой успех; на знаки, сделанные на руке, смотрели как на показатели мужества и силы, хотя, как правило, головы добывались самым трусливым способом – убийством слабой женщины или ребенка. В недавно опубликованной книге вице-губернатора Мюррея «Папуа» рассказывается, что, согласно расследованию многих убийств в Порт-Морсби, немалая часть охотников за головами – мужчины, желающие таким образом завоевать женщину. Девушке не может понравиться мужчина, который не совершил ничего подобного. У дусунов и каян считается нормальным добыть голову беззащитного человека. Обладание головой женщины или ребенка у них – безусловный знак отваги, означающий, что воин очень близко подобрался к укреплениям вражеского лагеря.

Доктор Хаддон подтверждает эти сообщения, заявляя, что татуировка каяна за взятую голову – розетка на тыльной стороне руки. Доктора не единожды спрашивали, когда, наконец, он сделает тату на руках. Местные жители не могли поверить, что человек столь замечательный во всех отношениях не захватил ни одной головы. Знак розетки показывает женщине, что мужчина сможет ее защитить. Еще одним стимулом такой охоты является вера в то, что в ином мире обезглавленные люди станут рабами

убийцы. Необходимость продемонстрировать человеческие головы на некоторых церемониях каян и кенияхов столь велика, что местный губернатор предпочитал держать под рукой пару музейных образцов, которые давал взаймы для церемоний, чтобы избежать возможного кровопролития.

У племен, живущих в низовьях Миссисипи, есть знаки на теле, которые могут делать только воины, отличившиеся убийством какого-нибудь знаменитого врага. Соответствующий памятный рисунок состоит из очень большого числа параллельных красных и синих линий на животе. Изображения солнца и змей также наносятся на тела воинов и прославившихся людей. Юноши делают татуировки на носу, но в других местах – только тогда, когда совершат что-нибудь выдающееся. Убив врага и принеся его скальп, они тут же получают право сделать татуировку. Особо отличившиеся татуируют военную дубинку на правом плече, а под ней – иероглифический знак покоренного племени. У понка отец иногда татуирует свои почести на теле дочери. Капитан Бартон сообщает о существовании такой же практики на Новой Гвинее – он видел соответствующие тату на теле дочери успешного путешественника. Излюбленные рисунки – космические символы. Часто почетный знак имеет отношение к грому и войне. У индейцев омаха татуировка говорит не о войне, а достижениях, связанных с охотой и поддержанием мира между племенами. Осейджи татуируют изображения трубки на груди тайного хранителя священных трубок – благодаря этим знакам и стало известно, как они выглядят. А если хранитель еще и снес кому-нибудь голову в бою, добавляется татуировка скальпов врагов. В этом случае тату скальпа будет притягивать к победителю всю силу и непрожитые годы жизни битого врага. Таким образом, люди верят, что татуировка продлевает жизнь ее носителю.

Тату девушки омаха космическими символами – изображениями солнца и звезд как знак доблести ее отца – выполняется с пышным церемониалом, в который входят возведение высоких подмостков и принятие положения лицом к восходящему солнцу. Глашатаи стоят у двери жилища и выкрикивают имена тех, кто будет петь во время татуировки. Эти певцы должны быть мужчинами, которые уже получили военные почести в виде находящейся в центре лба татуировки круглого знака, изображающего солнце.

В племени понка девушке, в честь доблести и славных дел ее отца, татуируют звезду, солнце и четыре маленьких креста. Весь рисунок символизирует день и ночь как производящие силы, чья энергия должна перейти к молодой особе. Знаки имеют двойную функцию. С одной стороны, операция делается, чтобы увековечить почести ее отца, а с другой – тату являются мольбой о продолжении любой жизни, в том числе человеческой. На встречах хохевачи (ho-hewachi), или общества заслуженных людей, только те, кто получил военные почести, могут бить в барабан. Прежде чем мужчина сможет спеть свою песню, он должен поведать о собственных военных заслугах. В качестве доказательства правдивости сказанного женщина, получившая его почетные знаки, выходит вперед и танцует. «Верительной грамотой» для допуска мужчины в ряды хо-хевачи является право нанести на тело девушки татуировку – изображение космических символов. М. Боссу утверждает, что на Борнео в его время (1756 г.) у осейджей были тату, считавшиеся знаками храбрости, и человека, принявшего знак, который ему не был дан, вынуждали пойти на сведение татуировки. Это доказывает, что такие почести ценились очень высоко, да и в более позднее время отношение к ним не изменилось.

Некоторое время назад, еще до того, как чукчи стали такими мирными, как сейчас, мужчина, убивший русского или врага другой национальности, татуировал точку на тыльной стороне правого запястья. Точка добавлялась после каждого такого акта, и в конце концов знаки иногда образовывали линию от запястья до локтя. Интересный пример живучести этого старого обряда заметил у солдат Ломброзо – увековечивать память о сражении, в котором они участвовали, татуируя его дату.

Мотивы самоутверждения, гордости, задиристости и стремления к одобрению также являются основанием для татуировки знаков, отличающих человека, продемонстрировавшего особые умения на охоте.

Островитян Торресова пролива отличает слегка приподнятый, большой овальный шрам, выполненный очень аккуратно. Этот рисунок, символизирующий черепаху, обычно занимает правое плечо, но иногда повторяется и на левом. Возможно, молодому человеку не позволялось делать шрам до тех пор, пока он не убьет черепаху или дюгоня. В наши дни среди чукчей побережья человек,

убивший первого кита или полярного медведя, наносит себе простую метку возле каждого сустава конечностей. Возле залива Пlover мужчина, предки которого были великими китобоями, наносил знак на свою собственность – хвостовой плавник кита. Согласно более ранним сведениям исследователей, среди эскимосов мыса Бэрроу мужчины, бывшие капитанами китобойных умиаков и действительно забивавшие китов, наносили на тела знаки, символизирующие свои китобойные подвиги. В отдельных случаях это был точный счет убитых животных. Например, эскимос Анору имел на каждой щеке татуировку широкой ленты, начинающуюся в уголках рта. Лента состояла из множества неотчетливых линий, означавших множество убитых китов. Во всяком случае, так считали окружающие. У эскимоса Амаюна было семь хвостовых плавников, вытатуированных на груди. Еще у одного эскимоса имелись две маленькие метки на предплечье. У Ниаксары, жены Анору, также были маленькие татуировки в уголках рта. По ее утверждению, эти «китовые знаки» означают, что она жена успешного китобоя – интересный случай передачи почестей, явно имеющий общие черты с североамериканскими воинами, татуировавшими в честь своих подвигов космические символы на телах дочерей.

НАНЕСЕНИЕ ЗНАКОВ НА ТЕЛО ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО ИЛЛЮСТРИРУЕТ АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАТУИРОВКИ

Лишь немногие примитивные народы не могут похвастаться наличием тайного общества, в которое новые члены принимаются часто с выполнением отвратительных обрядов. И хотя в отдельных случаях такие общества наказывают злодеев, в основном они являются антиобщественными организациями. Западная Африка – рассадник таких институтов, немало их в Новой Евинее и Меланезии. Самая могущественная из подобных организаций – Дук-Дук. Поскольку членство в таком обществе считается почетным, тот, кто прошел инициацию, иногда делает на теле или лице татуировку, которая, ввиду могущества общества, не может не вызвать у соплеменников некоторого подобострастия. В один ряд с примитивными тайными обществами можно поставить любую организацию, существующую для бандитизма или совершения политических преступлений.

При посвящении человека в воровскую касту донга выполняются церемониальные омовение, помазание и шрамирование языка ожогом, после чего он допускается в компанию и принимает участие в особой трапезе. Когда бадага, исключенный из касты, возвращается в воровское сообщество, язык несчастного обжигают сандаловым деревом.

У квакиутлов все люди, имеющие одного и того же духа-покровителя, объединены в тайное общество, и, пока оно действует, среди семейств воцаряется беспорядок и идет перегруппировка вокруг небесных благодетелей – духа каннибала, призрака, медведя гризли и духа-глупца. Ритуал состоит из притворного визита в жилище духа-покровителя и является продолжительной пантомимой, показывающей всевозможные приключения. Во время церемонии все участники используют краску для лица. Они наносят себе знаки, которые, предположительно, являются изображением конкретного покровителя и тем самым собираются в группы своего духа.

Три шрама, сделанные с помощью надреза на груди коранна (центральная часть Южной Африки), означали своего рода франкмасонство, поскольку он становился членом тайного чрезвычайно могущественного общества, привилегией которого являлось свободное и безопасное перемещение по огромным территориям. Человек говорил: «Я могу путешествовать по всем равнинам, населенным кораннами и гриквами, и, куда бы я ни попал, если я расстегну куртку и покажу свои шрамы, меня везде хорошо примут». У эмба с северо-запада Центральной Африки членство в тайном обществе тоже обозначается надрезами – знаки в форме сетки наносятся на обе щеки. Что же касается их количества, то оно всегда кратно трем. Ньюленд заметил, что все-таки исследователи придавали слишком большое значение всем этим тайным обществам.

Посвящение в тайное общество индейцев оджибве выполняется последовательными стадиями, каждая из которых обозначается нанесением краски разного цвета. Человек, пожелавший стать членом тайного общества, сначала рисует на лице одну красную полосу от ушей до кончика носа. Такая же полоса добавляется через глаза, виски и переносицу. Верхняя половина лица окрашивается зеленой

краской, нижняя – красной. Зеленая краска также наносится на левую сторону лица. Наконец, кончиками пальцев ставятся четыре точки вермилионом (красная краска) – на лбу и зеленой краской – на левой щеке. После нанесения этой церемониальной раскраски новичок становится полноправным членом этого тайного общества индейцев.

У низших классов Вест-Индии широко распространена татуировка. Все члены Nañigo – тайного общества головорезов Кубы – имели знаки на мышцах рук. Вопрос о современном возврате к примитивной практике татуировки для показа членства в таком обществе подробно исследовал Ломброзо.

Известно, что многие каморристы Неаполя имеют тату, изображающее решетку, а за ней – узника. Еще один каморрист сделал на своем теле тату двух ключей, соединенных цепями. Был и такой, который нанес на тело изображение змеи, а на руку – таинственный алфавит, своего рода тайный код, принятый в переписке между каморристами. В Барьере и на юге Испании есть тайное общество, в котором члены могут узнать друг друга по татуированным эпиграммам, которыми они обмениваются при встрече. Ломброзо узнал, что в этом обществе есть разные статусы, относительную важность которых обозначает количество татуировок.

По закону контраста татуировку, вместо того чтобы оставить почетным знаком, стали делать для вызова у ее носителя чувства стыда, некоего сложного духовного состояния, связанного с взаимоотношениями с другими людьми, но по сути основанного на негативном самоощущении.

В дни правления туземцев в Бирме преступника часто возили по улицам на осле, а название того, в чем его обвиняли, было вытатуировано у него на лбу. При бирманских королях неисправимым злодеям татуировали круг на щеке или название преступления на груди.

Ко*~~censored~~*ис пишет, что существовала практика татуировки правонарушителей во Франции, в Англии и России. В Японии лица, обвиненные в краже на сумму, эквивалентную ста франкам, помечались крестом и за каждое дополнительное преступление наносили аналогичную метку. Так, при очередном разбирательстве было ясно, сколько раз злоумышленник был осужден прежде. Б. Чэмберлен описывает использование тату как почетного знака в период ранней японской национальной истории, но добавляет, что вплоть «до эпохи Средневековья татуировка делалась преступникам». У. Рокхилл сообщает о встрече с китайским злодеем в шейной колодке с татуировкой на левом виске. С расцветом западной цивилизации тату стало пользоваться дурной славой и было запрещено законом. Тем не менее оно процветало среди лихачей, они татуировали на груди кровавые сцены, которые должны были в бою особо впечатлить противника. Упомянем о случае, имевшем место в Олд-Бейли в апреле 1913 г. Трое мужчин, которых ранее оттуда выдворили, вернулись, сумели уклониться от встречи с властями, надзиравшими за иммиграцией, и впоследствии были отданы под суд за кражу. Судья вынес приговор и добавил: «Я надеюсь, что прежде, чем преступники выйдут, будет принят закон, позволяющий татуировать тех, кто приговорен к депортации. Не так, чтобы повредить их внешности, но все же в той части тела, где татуировка будет сразу видна».

Известно, что исторические рассказы, легенды о национальных героях и мифы вызывают к человеческим эмоциям, рождая всякий раз отклик в душах людей, которые их читают и перечитывают. Ведь при каждом прочтении включается воображение, и перед мысленным взором встают героические образы и красивые сцены. Так, с течением времени появляется склонность к конкретной истории или песне. Иногда это находит выражение в татуировке. Например, М. Ко*~~censored~~*ис подчеркивает, что некоторые японские картины тату взяты из истории, японских легенд и классической мифологии. Риели, рассматривая татуировку сцены из мифологии домбов, приводит некоторые интересные детали. Король Гаррис Чандра был так щедр, что отдал все свое имущество бедным, а себя продал домбу в Бенаресе, который поставил его наблюдать ночью за площадкой для кремации. Пока он там работал, пришла его жена (ее тоже продали), чтобы кремировать тело их сына. Но у нее не было денег, а темнота помешала Гаррису Чандре узнать свою жену, и та ушла ни с чем. Некоторое время спустя вошло солнце, женщина вернулась на площадку, и ее узнал бывший король. В это время появился Вишну и вернул их сына к жизни.

Эта небольшая история очень нравилась домбам, и они часто татуировали ее на своих телах в двух картинах. Первая показывала, как Гаррис Чандра стоит, охраняя погребальный костер, рядом с ним

течет Ганг, представленный волнистой линией, и растут несколько деревьев, изображенных извилистой линией, а часть – с помощью точек. Вторая сцена показывает восходящее солнце, Ганг, деревья, и между двумя кучами бревен стоят, взявшись за руки, Чандра и его жена. Техника исполнения примитивна, даже груба, но сам случай представляется интересным, поскольку иллюстрирует использование тату для выражения чувств, сформировавшихся благодаря игре воображения людей.

В Новой Зеландии одно время существовала ужасная практика – у раба отрубали голову и потом татуировали ее для продажи – это практически уникальный пример использования моко для получения дохода. Такелма из Западного Орегона татуируют своих девушек рядом коротких параллельных меток на левой руке, служащих для отмеривания бус из раковин – вампум, являющихся деньгами.

Ко*censored*ис упоминает о татуировках, сделанных в парижском госпитале матери и ее новорожденному младенцу. Таким образом появлялась возможность выследить родителя в случае детоубийства или бегства. Тот же автор приводит другой пример: мужчина татуировал на груди свое завещание. Примерно то же самое часто делают матросы, желающие, чтобы, если их тело окажется за бортом, оно было похоронено с соответствующими почестями. О странном случае шрамирования сообщил А. Вернер: оказывается, макуа из британской Центральной Африки делают ряд надрезов над глазами, причем достаточно глубоких, чтобы образовались маленькие мешочки. В них кладут нюхательный табак.

В целом следует отметить, что при сравнении практик в искусстве татуировки и других видов деятельности примитивного человека выявляется удивительная сочетаемость его мыслей и целей.

Леви Брюль и другие авторы отрицают логику такого человека, но все знают, что в его подходе к высшему существу или сверхъестественной силе, а также в умиротворении им духов и усмирении демонов болезни и боли знаки на теле являются важной частью вполне сочетающейся системы идей. Захоронение красной охры вместе с усопшим, покрытие ею скелетов и аналогичные практики в доисторические времена могут рассматриваться как первые попытки обеспечить непрерывность существования и омоложения с использованием символов крови. Еще до начала времен, возможно в период, предшествовавший первому широкому расселению человека, сформировалась магическая и религиозная система, неотъемлемой частью которой было использование краски как средства решения проблемы продолжения существования после смерти.

//-- Краткие выводы на основе глав 1, 2 и 3 --//

Ассоциация знаков на теле с разными аспектами человеческой культуры и стремлений была рассмотрена в главах 1, 2 и 3. Остается только подвести краткие итоги и дать некоторые комментарии относительно динамики социальных и психологических факторов.

Идеи, касающиеся божества, небес и жизни духа отдельно от тела. Ацтеки раскрашивали тело и делали шрамирование в связи с культом. Считалось, что североамериканского индейца по татуировке будет искать дух, который показывает дорогу в страну множества вигвамов, и краска смерти необходима, чтобы обеспечить узнавание. Экой в мире духов обменяет келоид на еду. Египтяне Среднего царства делали татуировки для связи с богиней Нейт. Дравидийские женщины верили, что с ними будет плохо обращаться Парамешвар, если обнаружит их в мире духов без татуировок. Разные клейма посвящали девушек храмовой службе, нанесенные краской полосы означали поклонение Вишну или Шиве. Женщине айну угрожала насильственная татуировка в мире духов, если она откажется от нее в земной жизни. Тату обеспечивало узнавание женщин нага их мужьями на небесах. Только имеющие татуировку женщины каян могли рассчитывать на сбор жемчуга на дне священной реки. Не имеющих татуировок женщин Фиджи ожидало протаскивание через колючие кусты. Это лишь немногие примеры, рассмотренные ранее, показывающие связь между знаками на теле и жизнью после смерти.

В Северной Америке верили в божественное происхождение татуировки, проводя примеры обучения использования краски богами. Понка предлагает солнцу судить о целомудрии девушки, получающей татуировку военных символов ее отца. Пауни посвящает своих младенцев небесному божеству, используя краску и цветовой символизм. Жители Андаманских островов учились использовать краску у богини. Аналогичным образом айну научились татуировать своих женщин, и на Фиджи и Самоа есть легенды о божественном происхождении татуировки. На Соломоновых островах татуировкой

занимался тиндало – дух. Жрецы и жрицы также занимались искусством тату: первые – на Самоа, последние – на Формозе. Татуировка вождя маори была священным ритуалом, выполняемым жрецом с жертвоприношениями и соблюдением табу.

Тотемизм имеет религиозный аспект, и знаки на теле с тотемными рисунками могут рассматриваться как форма культа предков, которая идентифицирует индивида с группой и его духовными предшественниками, принявшими форму животных. Еще Вундт отметил функции нанесения краски и татуировки, связанные с тотемизмом. Тотемные знаки на теле есть в Северной Америке (тату), Австралии (краска), на островах Торрессова пролива (шрамирование). Географическое распространение тотемизма можно проследить по карте.

Половая зрелость, брак и плодовитость женщин имеют прямую связь с татуировкой в Америке, Индии, на Новой Зеландии, Новой Гвинее, Фиджи и на почти всех тихоокеанских островах. В большинстве племен Африки шрамирование чрезвычайно важно для замужества девушек и в некоторых случаях сопровождается важными ритуалами и соблюдением табу. Типичный пример: «Девушкам делают надрезы на спине и в паху таким образом, чтобы остались приподнятые шрамы. Потом они получают имена Бунду (Boondoo), а выздоровев после болезненной операции, освобождаются от Бунду с церемониями и танцами тех, кто играет роль дьяволов Бунду в уродливых масках». Татуировка подбородков женщин распространена на Новой Гвинее, в Индии, Японии, Египте, Аравии, Аляске, Новой Зеландии, Калифорнии и Гренландии. Женщины Маркизских островов, как и восточные бедуины, татуируют на губах решетку и слегка подкрашивают ее.

Племенные и клановые различия ясно обозначены знаками на теле. На американском континенте для этого используется татуировка прокалыванием и краска. В Африке и Австралии те же функции выполняет шрамирование. Моко – племенная, личная и геральдическая татуировка.

Социальный статус и геральдика обозначались знаками на теле во всех частях света. Самые наглядные примеры можно найти в Северной Америке. Это ацтеки, абипойны Парагвая, а также жители острова Пасхи, Маркизских островов, Таити, Новой Зеландии, Борнео и Самоа. Татуировка прокалыванием является формой нанесения знаков, чаще всего ассоциирующейся с социальным положением и происхождением. Утверждение, относящееся к татуировке каян, хорошо описывает социальную важность практики во всем мире. В наши дни классовые ограничения в отношении татуировки не слишком строго соблюдаются, но по числу линий, составляющих рисунок, всегда можно отличить знаки на теле дочери вождя, обычной свободной женщины и рабыни. Чем меньше линий, тем ниже класс женщины. Более того, знаки низшего класса не так сложны, и обычно татуировка делается без предварительного нанесения рисунка на кожу, поэтому получается не столь аккуратной.

Охота за головами самым тесным образом связана с татуировкой прокалыванием. Традиции едины во всей Восточной Азии от Формозы через Филиппины и Борнео до Новой Гвинеи. В этом регионе счет убийствам ведется татуировкой звезд или других изображений. Распространившись в северном направлении, практика нанесения тату линиями и точками затронула ведущих летописи своей доблести чукчей и эскимосов. У последних речь идет об удачах китобойного промысла, а не охоты за человеческими головами. Некоторые североамериканские индейцы татуировкой символов передают свои военные почести дочерям, а сами принимают тату поверженного врага как знак доблести и высокого социального статуса.

Траурные церемонии у нецивилизованных и получивилизованных народов всегда сопровождались нанесением на тела разрезов и краски. Эти практики, существующие и сегодня, несомненно, вызваны страхом перед духами и желанием их задобрить.

Шаман в примитивном обществе является вездесущей фигурой. Он использует соответствующие краски для общения с ветром, дождем, кометами, затмением, а также чтобы мстить врагу, диагностировать причины заболеваний, обнаруживать преступления, посещать мир духов и изгонять демонов болезней.

Татуировка также широко применяется в качестве амулетов и оберегов. Ее наносят, чтобы избежать сглаза, вылечить ревматизм, привлечь женщин, заставить оружие отскакивать. Среди воинов и криминальных элементов ее используют для выражения грубых эмоций и чувств.

Капитан Джеймс Кук заметил: «Универсальность татуировки – любопытный предмет для

размышления». Не думаю, что кто-то из исследователей может объявить тату простой и очевидной практикой, которая может возникнуть одновременно в большом количестве удаленных друг от друга мест. Сложные верования, табу и ритуалы, связанные с этим искусством, поддерживают уверенность в том, что необходимо найти центр зарождения и линии миграции тату, а также причины динамичных социальных и психологических сил, которые адекватно объясняют факты широкого распространения татуировки и ее долгой жизни.

Не может быть сомнений, что еще в далекие доисторические времена существовала тесная и широко распространившаяся связь знаков на теле с происходившими фундаментальными изменениями в примитивном обществе и развитием мышления индивида. Как же связана татуировка со сверхъестественным существом, тотемизмом, половой зрелостью, брачным возрастом и плодovitостью женщин, а также с племенными и клановыми отличиями, социальным статусом и геральдикой, равно как и с охотой за головами, с духами, шаманами и их магией? Все это можно рассматривать с точки зрения изучения социально-психологических аспектов проблемы.

У исследователей никогда не было сомнений в существовании определенных причин появления каждого вида татуировки. Так, шрамирование первоначально было терапевтическим, а затем в этой практике стали использовать татуировку и нанесение знаков краской. То, что краска первоначально символизировала жизнь, плодородие и существование после смерти, ясно из археологических свидетельств, рассмотренных в главе 6. Многочисленные примеры «татуированных» женских фигурок из раскопок в Египте предполагают связь знаков на теле с культом плодородия (сохраняются до сих пор в татуировке девушек, достигших половой зрелости). Обряды инициации для юношей и девушек всегда сопровождалась тату или окраской, иногда и тем и другим. А чем являются такие обряды, если не знаком начала этапа жизненного пути, на котором возможно осуществление репродуктивной функции? Палеолитический человек в Европе использовал красную охру как символ крови, олицетворяющий жизнь и размножение. От этих базовых идей нанесения знаков произошли другие практики – в процессе сознательного творчества и миграции, которой, например, помогали полинезийские странствия и ловля жемчуга. Эти странники и могли быть «божественными творцами», о которых упоминают местные легенды и мифы. Продолжая гипотетическую реконструкцию картины влияния татуировки на развитие социальной системы, мы можем сказать, что нанесение тотемных знаков тесно связано с культурами плодovitости животных, обеспечивающих людей продовольствием. Одновременно у них появляется смутная идея о продолжении существования в ином мире после смерти в этом, тогда за использованием красной охры в помощь процессу последовали более конкретные идеи относительно небес и божества. На каждой стадии нанесение краски и татуировка играли роль в предоставлении реальных доказательств способности человека попасть на небеса или заключить союз с божеством. В этой связи развилась практика окрашивания и шрамирования для умиротворения духов усопших.

Шаман и его знаки на теле дают ряд определенных дополнительных идей, возникших из основных концепций плодородия и существования после смерти. Так, оказывается, что краска может помочь в вызове дождя, являться любовным приворотом и изгонять демона болезни.

В некоторых районах Ассама, где живут племена нага, а также среди каян Борнео имеет место соединение верований с искусством татуировки. Например, успешная охота за головами – возможно, форма кровавого жертвоприношения, являлась необходимой для плодородия земли и для удачного брака. Татуировка отличала успешного охотника за головами и достигшую брачного возраста женщину. В то же время в обоих районах считалось, что женщин узнавали на небесах по татуировке, и она же обеспечивала им там некоторые привилегии. Что касается социальной стороны, то во многих частях света есть семейные, клановые и племенные знаки, татуировка тайных обществ и личные знаки, весьма сложные для лиц высокого ранга. Если татуировка завершается по достижении половой зрелости, операция по ее нанесению начинается намного раньше, а в Африке есть свидетельства того, что в прошлом некоторые племенные знаки наносили в течение первых месяцев жизни младенца. В Полинезии считается, что вожди имеют божественное происхождение, и им делается татуировка, сложная по технике исполнения, церемониалу и мерам предосторожности. Ввиду социальной важности знаков на теле (татуировки и нанесения изображений с помощью краски) их можно назвать видимым

отражением истории человеческого общества.

Глава 4

ТЕХНИКА НАНЕСЕНИЯ ЗНАКОВ НА ТЕЛО

В настоящей главе рассматривается техника нанесения знаков на тело. Понятно, что особый характер нанесения татуировки прокалыванием и связанные с этим искусством верования, ритуалы и специфические ограничения являются достаточной гарантией его распространения как обычая. Это отличается от некогда бытовавшей точки зрения о независимом появлении однотипных тату в разных удаленных друг от друга центрах. Заимствование рисунков не подвергается сомнению, например, это видно сегодня в передаче узоров и композиций с юго-востока на запад Новой Гвинеи. «Татуировка не является обычаем западной части Новой Гвинеи, – утверждает У.Н. Бивер. – Но мы снова и снова видим людей, проводивших какое-то время в других частях Новой Гвинеи и вернувшихся домой с татуировками». Это подтверждает Холмс. Условное изображение птицы фрегат и его производное – шеврон широко распространились по всем тихоокеанским островам, но конечные продукты, которые развились на их основе, многочисленны и имеют отличительные черты.

Рисунки развивались во многих районах. Специалист, изучающий технику тату, может поддержать гипотезу независимой эволюции, подчеркнув несоответствие стилей и *modus operandi*. Но зависимость стиля от биотических факторов, таких как растительный и животный мир, и последующее развитие отличных друг от друга школ – моко Новой Зеландии, тату Самоа, стили Японии, Бирмы, хайда и Борнео, приведшее к несоответствию мотива и композиции, тоже следует иметь в виду. Если говорить о миграции, основным является сам факт присутствия такого ремесла, как и его союз с концепциями и практиками, вероятность многократного независимого возникновения которых в разных местах чрезвычайно мала.

Однако исследователь не должен игнорировать сравнительную сторону искусства татуировщика, хотя процесс сравнения и не будет однозначным. Лично я всегда видел в кругах, являющихся основой композиции на Маркизских островах, как это отображено фон Лангсдорфом, сходство с завитками и другими формами моко. На Кристиана самое большое впечатление произвели различия. Петри и Майре не согласны со всем, что касается похожести современных египетских татуировок и рисунков Северной Африки. Спирали на бедрах женщин каян – это начальная стадия моко с его неполными спиралями и кривыми. В этой связи интересно отметить, что полинезийцы проходили вдоль побережья Борнео с тех пор, как начали совершать путешествия на Оаху – на Гавайские острова – примерно в 450 г. Т. Джонстон утверждает, что есть сходство между композициями моту, приведенными в книге Хаддона «Эволюция искусства», и письменами, выбитыми на древней каменной колонне Асока в Северной Индии. Татуировка «бриджами» была замечена на Новой Зеландии, острове Пасхи, Маркизских островах и у тонга, а в Самоа мужчины до сих пор делают такое тату, хотя оно скрыто от глаз посторонних. Шеврон, вероятно, появившийся путем деления знака птицы фрегат, имеет широкую популярность на Тихом океане. Йост привел изображение жителя острова Гилберта, все тело которого покрыто такими значками. Продолговатые знаки на фалангах женщин Самоа и островов Лиу-Киу (сегодня – Рюкю), расположенных к северу от Формозы, идентичны по форме и в последнем случае удлиняются, чтобы показать увеличение возраста. Существует много условных изображений солнца в современной египетской татуировке; нарисованные краской космические символы встречаются в Австралии; нарисованные и татуированные, они также не являются редкостью в Северной Америке. Однако представляется невозможным проследить линию миграции татуированных солнц, не привлекая многочисленные круглые знаки, отождествляемые или нет с небесным светилом. У бена луба и балуба есть форма шрамирования, совершенно отличная от используемых другими африканскими народами. Параллельные линии вокруг рта соответствуют татуировке подбородка у женщин в других частях света. Кривая имеет удивительное сходство с обычными татуировками моко.

Возможно, рассмотрение эстетических аспектов татуировки менее интересно для этнолога, чем для искусствоведа, который занят только внешними факторами и не стремится получить информацию, касающуюся скрытого смысла, табу, церемониалов и т. д.

В настоящей главе ведется исследование чисто технологических проблем, но их, конечно, невозможно полностью отделить от психологических рассуждений, относящихся к чувственному восприятию и его возможным вариациям. Согласно экспериментам, проведенным среди тода, ведда и островитян Торресова пролива, нормы сенсорной восприимчивости оказались практически одинаковы для нескольких примитивных рас и цивилизованных людей. Но такая работа в рамках экспериментальной психологии не продвинулась достаточно далеко, чтобы подтвердить догматическое утверждение, касающееся вопросов эстетического чувства в разных ответвлениях человеческой семьи.

Прежде чем начать исследование использования знаков на теле как украшений, примеры следует разделить на три класса: 1) самые незрелые, в которых нет никакого лежащего в основе подтекста, просто каждому индивиду предложено нанести на тело ряд меток, которые санкционированы обычаем; форма и цвет являются естественными, и единственная цель – соответствие индивиду практикам его социальной группы; 2) возникшие на этапе, который можно назвать геометрическим; его кульминация – моко в Новой Зеландии, хотя есть весьма интересные примеры в регионе Конго; 3) созданные в тот период, когда человек начинает признавать принципы, лежащие в основе формы, цвета и перспективы; более того, появляются изображения животных, выполненные с большой точностью.

После этого антропологу интересно рассмотреть социальные и психологические факторы, в результате взаимодействия которых вырабатывается постоянный художественный стиль. При этом возникает весьма спорный вопрос о возможности человека передать своим потомкам приобретенное мастерство. Предположим, к примеру, что японский художник всю свою жизнь занимался художественным творчеством и создал нейромускульную основу, гарантирующую совершенство. Можно ли это передать его отпрыскам? Должен ли ребенок опираться только на то, что сумел познать сам? Какую роль играет наследственность? В какой степени окружающая среда ответственна за художественное творчество? Проблем, как мы видим, много, но все они выходят за рамки этой главы, которая рассматривает такие аспекты, как качество, условности, предмет, мотив, побуждения и др., с учетом которых можно сравнивать разные стили продукта художественного творчества.

ПРИМИТИВНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВКУС

Перья, ракушки и современные яркие ткани высоко ценятся как украшения. Но, когда перьев мало, несколько пятен краски на теле вполне удовлетворят тягу индивида к самоутверждению. Туземец из района Порт-Морсби краской ставит несколько точек на носу, подбородке и скулах, когда идет на берег со своим белым хозяином, чтобы посетить чужую деревню. Он желает, таким образом, произвести впечатление на незнакомцев, которых увидит, вызвав к себе с их стороны пусть небольшое, но восхищение. Для любого общественного мероприятия, например танцев, существует принятая из-за желания хорошо выглядеть в глазах присутствующих раскраска. Отсутствие же общепринятых церемоний, произвольный выбор цвета и метода нанесения краски говорит о том, что человек наносит ее исключительно для утверждения своего значения. Любимые цвета у мафулу – красный, серо-желтый и черный. Лицо обычно окрашивают очень просто: одна половина может быть желтой, другая – серой, а сверху наносятся красные точки.

Знаки на теле всех видов распространены у индейцев Южной Америки, а в Гвиане есть свидетельства существования очень грубой декоративной окраски. Индейцы саванны предпочитают красную краску, лесные индейцы – кармин, также широко используются белая и желтая глина в смеси с натуральными маслами и смолами. Окрашиваться может все тело, или на него наносится рисунок, который, безусловно, является шагом вперед в эволюции рассматриваемого нами искусства. Человек, который хочет хорошо выглядеть, окрасит свои ноги и лодыжки красной краской, тело – черно-синей либо украсит его сложным орнаментом черного и красного цветов, а на брови нанесет красные дуги. Женщины акавои очень любят блестящую краску для лица, а вокруг рта они обычно рисуют сине-

черную полосу. Где же продолжают от уголков рта к ушам. Известно, что у огнеземельцев есть цветовой код, который довольно точно выражает их эмоциональное состояние.

Хотя искусство собственно татуировки в Северной Америке получило большое развитие, особенно у хайда и дене, краска никогда не утрачивала своего значения как средство украшения или выражения эмоций, связанных с магическими и религиозными церемониями. В отношении квакиутлов профессор Боас говорит, что каждый представитель этого народа красит лицо (особенно брови), предварительно нанеся на него покрытие из жирно-красной охры. В качестве важного ингредиента используют черный гриб, который дает темный пигмент, образующий в смеси с камедью косметическое средство против солнечных ожогов. Если черного гриба поблизости нет, вместо него применяют охру или уголь. Воины мажут лица жиром, поверх которого накладывают уголь мягкого красного кедра, а затем полируют кожу так, пока краска не начинает сверкать. Потом на фоне черной краски смоченным в ней кончиком мизинца делают рисунки. В связи с этим нельзя не упомянуть и осейджей, которые наносят на лица умерших тотемные знаки своего клана.

У жителей Андаманских островов, которые в течение долгого времени были изолированы от мира, хорошо сохранились образцы древних татуировок – когда отсутствует контакт с другими народами, нет притока новых идей и остается только в точности соблюдать обычаи предков. Добсон рассказал о молодом человеке, очевидно «денди» племени, который с важным видом прогуливался по деревне в полном «одеянии», явно желая продемонстрировать свою крайне привлекательную наружность. Слоем желто-зеленой краски была покрыта одна сторона его тела, а красной – другая. Одну половину лица он покрасил красной краской, другую – желто-зеленой. Слой красной краски на теле заканчивался фестончатой каймой на животе и груди. Руки и ноги он украсил так же – фестончатая кайма проходила по внешней стороне ног, как полоса на военных штанах. А.Р. Браун считает, что краска хотя постепенно и превращается в простую формальность, но несет важную психологическую функцию – поддерживает жизнь идей и чувств, которые при случае могут существенно повлиять на поведение человека.

Что касается такой грубой окраски, то приведем еще один пример, подразумевающий принятие некоего индивидуального стандарта, ввиду отсутствия развитых принципов искусства, обязательных для всех членов сообщества. Раскраска лица у людей ям и туту (Торресов пролив) чужда любых условностей и ограничена только ресурсами и воображением индивида. Наблюдатели видели молодых юношей и девушек, у которых две части лица были окрашены разными красками, причем симметрия линий и точек не соблюдалась. Молодые люди были всегда очень горды своей раскраской и вели себя в высшей степени серьезно, хотя, на взгляд европейца, все это выглядело нелепо.

Такие примеры простого применения краски в Северной и Южной Америке, на Андаманских островах, в Торресовом проливе и Меланезии иллюстрируют начальную стадию в эволюции нанесения декоративных знаков на тело. Именно тогда индивидуальность заявляет о себе, появляется свободная игра эмоций самоутверждения и соперничества, которые тесно связаны с половым инстинктом и чувством любви. Человек достиг уровня, когда смог применять, сознательно или бессознательно, средства, усиливающие его сексуальную привлекательность. Декоративное применение краски подразумевает не только значительный прогресс мысли, но также является первым шагом в развитии геометрических орнаментов. Так, североамериканский индеец племени квакиутл наносил узор на окрашенное лицо указательным пальцем. Хотя некоторые индейцы Гвианы применяют сплошное покрытие тела краской или глиной, другие, вероятно, те, кто видел знаки с изображениями животных, пытаются нанести глину так, чтобы получился более или менее определенный рисунок. У жителя Андаманских островов появилась идея нанесения фестончатого узора на грудь и живот, а в их одинаковых композициях рисунков на ногах просматривается их элементарное представление о симметрии. Моко – классический пример в совершенстве сбалансированных кривых и спиралей. Любопытны также изображения, демонстрирующие отсутствие равновесия: среди паумотуан есть такие, у которых окрашена только половина тела. Боггиани показывает индианку Парагвая, у которой на одну и другую половины лица нанесены совершенно разные композиции. Отмечались и очень сложные и качественно выполненные татуированные знаки, но тоже асимметричные.

Татуировка женщин племени тоба, западная часть центральной Южной Америки

Интересный возврат к несбалансированному орнаменту произошел во время правления Карла I и королевы Анны. Люди украшали себя неравномерно распределенными знаками в форме сов, колец, полумесяцев, корон.

Встречались даже такие сложные композиции, как экипаж с лошадьми. Интересно, что Уэбб, Планше и другие английские авторы, писавшие о нанесении знаков на лица, брали информацию из Artificial Changeling Балвера – труда, опубликованного в 1650 г.

РАЗВИТИЕ СИММЕТРИИ И ПРОПОРЦИЙ

Второй стадией в эволюции телесных украшений может считаться развитие процесса нанесения симметричных черточек на покрытие краски. Возможно, наблюдая результат случайного попадания земли или другого вещества на царапину, примитивный человек для получения более эффектного изображения начал втирать в рану красную охру, уголь или порошок. Несимметричная стадия процесса украшения не требовала большого мастерства, поскольку, как показывают изученные примеры, краска наносилась совершенно произвольно, без внимания к каким-то стандартам или цветовой гамме, и тем более без какого-либо понятия о симметрии. Единственной целью при этом было одно – сделать человека заметным, бросающимся в глаза – современный шут прибегает к такой же технике. Переход к определенной концепции геометрических форм и расположению их так, чтобы создать надлежащий баланс, являлся процессом, требующим немалого мастерства. Теперь главным становится заранее продуманный план, каждую часть которого следует продумывать в отношении к целому. И что еще важнее, нужна хорошая координация руки и глаз, а также четкость движений. Эти требования стимулировали появление особых людей, специализирующихся на нанесении декоративной краски и знаков на тело, обычно имевших высокий социальный статус и высокооплачиваемых.

Определяющими в работе таких специалистов уже стали правильность форм наносимых на тело фигур, симметричность их расположения, соотношение составляющих их частей, внимание к деталям.

Трудно представить себе более простые геометрические фигуры, чем племенные и декоративные знаки галла, которые обычно используют прямоугольники, ромбы, параллельные прямые, кресты, концентрические окружности и пересекающиеся дуги. Составленные из них композиции очень просты, однако демонстрируют хорошее понимание симметрии и в этом могут быть противопоставлены знакам австралийцев урабунна – простым и несимметричным. Композиция (если это слово вообще применимо) состоит из ряда надрезов, помещенных без какой-либо системы по обе стороны

позвоночника.

Знаки же женщин айну иллюстрируют то, как идея задуманного может не совпадать с результатом. Делавший их художник, очевидно, имел в виду довольно сложное изображение – хотел показать, как вьется разматывающаяся лента, но его техника исполнения оказалась слабой, и знаки перепутались. Он даже не сумел показать частичное наложение ленты.

Сравнительно простой геометрический орнамент можно найти и у бушонго. Он состоит из ромбовидных знаков, контуры которых образованы многочисленными круглыми шрамами. По свидетельству очевидцев, один художник попытался изобразить ромбы, и в некоторых случаях это у него получилось. В других местах результат оставлял желать лучшего и выглядел лишь беспорядочным смещением круглых келоидных рубцов.

Другие же композиции, используемые бушонго, иллюстрируют уверенный шаг вперед в эволюции геометрических знаков. Они очень точно передавали частичное наложение, скрещивание и переплетение кажущихся простыми фигур.

У мекео, моту и койта – народов Британской Новой Гвинеи – имелись разнообразные геометрические знаки, среди которых был зигзаг, треугольник и разные волнистые линии. Исследователи видели грудь и живот девушки брачного возраста, украшенные симметрично расположенными знаками, причем каждый из них является простым, но получившаяся в целом композиция довольно сложна. На шее – увеличенный V-образный знак, «гадо», который наносят при замужестве, татуировками занята большая часть тела, но в расположении изображений нет и намека на беспорядочность. Знаки на левой и правой сторонах тела строго симметричны. А например, татуировка, которую делают убийце койта, проста и эффектна и показывает способность мастера отойти от геометрических фигур, основанных на комбинации прямых линий, и перейти к более сложной задаче представления хорошо сбалансированных дуг, которые при составлении вместе создают волнистую линию.

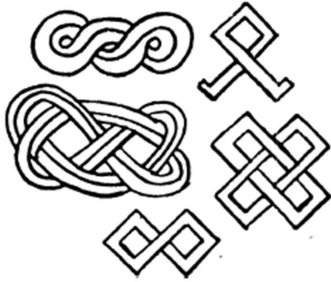
Шрамирование геометрических фигур племени бушонго

Знаки племени бушонго

Неудачные попытки татуировки частичного наложения деталей (айну)

Геометрические знаки бушонго, выполненные шрамированием, с учетом частичного наложения деталей

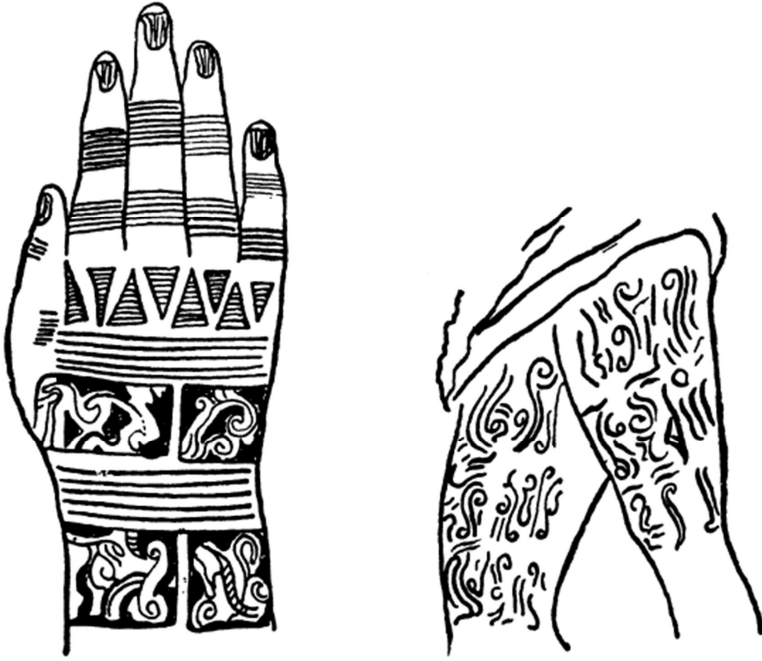

Постоянство композиций на островах Рюкю (наблюдения велись в 1827 и в 1883 гг.)

Простые геометрические украшения

Меланезийцы скопировали свои треугольные знаки с клюва птицы-носорога и наносят их не только на тело, но и на некоторые объекты недвижимости, согласно наброскам доктора Селигмана. Он утверждает, что эти знаки повторяют также форму собачьих зубов. Его исследования показали, что значительная часть декоративных и символических знаков на теле является результатом внимательных наблюдений за природой – меток на перьях птиц или шкурах животных. Однако не совсем ясно, как происходил сам процесс превращения замеченных рисунков в знаки на теле или на объектах недвижимости. Автор описывает это на примере со знаками на теле вождя и на его жилище. Трудно сказать, замечает Селигман, как происходит перенос рисунка, замеченного у животного. Он изображался сначала на дереве, а потом переносился на тело, или наоборот. Представляется, что знаки какое-то время отрабатывались на дереве, и только по достижении определенного мастерства в исполнении рисунков ими стали украшать тело человека.

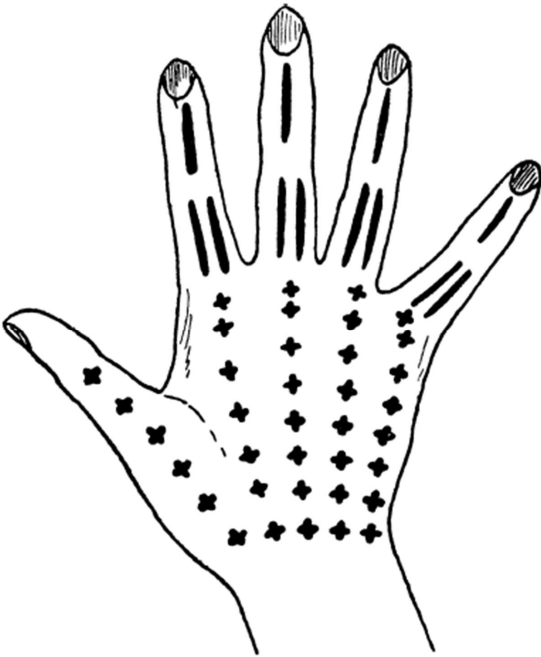
Если перейти к геометрическим композициям на руках, ногах и бедрах лонг вай и других народов Борнео, становится ясно, что их мастерство нанесения узоров на порядок выше. Речь идет уже не о симметричном расположении прямолинейных геометрических фигур. На запястьях и бедрах мы видим множество всевозможных завитков, вполне сравнимых с лучшими работами маори из Новой Зеландии. Но при внимательном рассмотрении деталей завитков оказывается, что все же им не хватает точности и аккуратности моко-тату маори – более четких, не таких запутанных и создающих впечатление завершенности.

Женские татуировки лонг вай, Борнео

Нет ничего более сложного, чем прямые параллельные линии, треугольники и некоторое количество завитков.

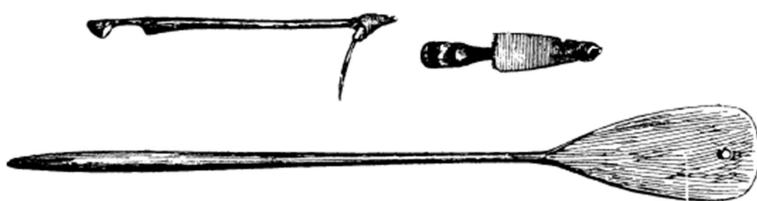
Мальтийский крест замечателен не только четкостью исполнения, но и постоянством его использования для декоративной татуировки женщин островов Рюкю. М. Гуиллемар упоминает о посещении островов Лиу-Киу в 1883 г. – тогда крест был излюбленным женским украшением. Знаки на фалангах пальцев удлинялись с возрастом индивида. Татуировка рук не завершалась до замужества. М. Гуиллемар утверждает, что композиция, которую он заметил в 1883 г., в точности соответствует описанной Бичли в «Повествовании о путешествии по Тихому океану» (1827).

Женская самоанская татуировка на руке

Что касается рисунков моко маори, то они являют собой величайший профессионализм в изображении геометрических фигур. Моко использовали и воины, татуировавшие все лицо, и женщины, делавшие татуировку только губ и подбородка. Самые удивительные черты моко-тату – это совершенная симметрия отдельных знаков, баланс изображений на правой и левой щеке, верхней и

нижней губе, скрупулезная точность в деталях. Нигде невозможно найти ни малейшего нарушения. Не приходится сомневаться в том, что мастер заранее продумал не только размер и очертания каждого знака, но и четко представлял себе конечный продукт и место каждой части в общей композиции.

Игла и другие инструменты татуировщика (Таити)

Маори, а также моту и койта используют знаки тату для нанесения на предметы собственности. Спираль маори (основа всех их татуировок) используется не только в моко, но и при украшении домов, носов каноэ и воронки, через которую вождя кормили во время операции татуировки.

Техника тату на Новой Гвинее предполагает существование значительной практики в изображении и знака до того, как он переносился на тело. Но если речь идет о маори, предварительно сделанные ими знаки на дереве являются превосходными, но все же не такими совершенными, как изображенные затем на человеческом теле.

И еще об одном очень интересном моменте, связанном с искусством коренных жителей Новой Зеландии. В качестве основы, на которой строился орнамент, художник майори должен был выбрать спираль, основные геометрические принципы и конструкция которой очень замысловаты. Татуировщик наносил рисунок на тело черными линиями, потом проводил сверху маленьким стругом, смазанным красной охрой. Кроме спирали он использовал параболу и прочие сложные кривые, геометрию которых трудно себе представить, даже имея в своем распоряжении хороший набор математических инструментов. Каким же должно быть мастерство художника, точная координация руки и глаз которого позволяла выполнить рисунки с такой безукоризненной точностью, что моко по праву стали считать вершиной геометрического этапа развития искусства татуировки? Генерал-майор Робли говорит о тату новозеландских женщин следующее: «Я видел руки и тела, сплошь покрытые четкими синими метками, и казалось, что на женщине надето плотно облегающее фигуру чинцевое платье». Несомненно, качество работы напрямую зависело от вознаграждения художнику, что подтверждают такие строки:

Тот, кто платит хорошо, пусть он
Будет красиво украшен,
Но тот, кто забывает художника,
Пусть будет украшен небрежно,
Пусть линии будут далеко друг от друга.

В стихотворении Ратцела, относящемся к искусству татуировки в Полинезии, также говорится о плате мастеру за его труд:

Пусть каждая линия будет правильно проведена.
На теле человека, который богат и велик,
Пусть твои пальцы будут твердыми и уверенными.
На теле человека, который не может заплатить,
Пусть они будут скрюченными, неуклюжими и слабыми.

Хоуз и Макдугалл упоминают о прерывании операции тату, чтобы мастер мог поторговаться о цене или получить аванс. И есть все основания предполагать, что далеко не каждый знак является отражением всей полноты таланта художника. Качество его работы изменяется в зависимости от

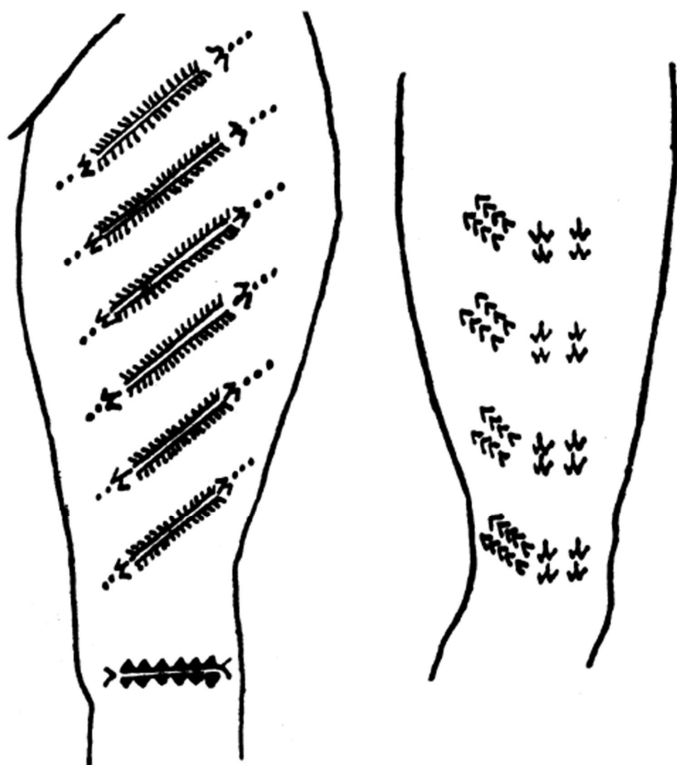
полученного вознаграждения. Кроме того, следует помнить о намеренной условности изображения животного, как, например, у хайда, – в этом случае можно засомневаться относительно мастерства татуировщика и его способности сделать изображение похожим на настоящее животное [5 - См. с. 207.]. Кроме того, социальные и религиозные условности могут подавлять натурализм и свободное развитие творчества, основанного на наблюдениях.

САМОАНСКАЯ ТАТУИРОВКА

Искусство татуировки на островах Самоа вряд ли можно ставить ниже новозеландского. Исследования М.К. Марквардта показали, что тату все еще практикуется очень широко. Прекрасные иллюстрации, приведенные в «Татуировке на Самоа», доказывают, что татуировщики-самоанцы, как и маори, достигли самого высокого мастерства в изображении геометрических знаков. Самоанскому искусству не было уделено должного внимания из-за невероятной замкнутости местных художников, а также потому, что самые сложные и впечатляющие знаки делают на теле в тех местах, которые обычно закрыты набедренной повязкой.

На Самоа при нанесении тату в основном практикуется симметричное расположение линий, точек и крестиков на тыльной стороне ладони, чтобы образовать зигзаги и ромбы, а на нежной коже под коленом, где операция особенно болезненна, обычно татуируют остrokонечную звезду. Прямоугольник, ромб, треугольник и знаки в форме буквы V распространены широко и используются часто, иногда в комбинации – например, прямоугольник помещают внутрь ромба. На внутренней стороне бедра – в передней части – изображаются знаки птицы фрегата, которые постепенно сходятся, приближаясь к паху. Один знак характерен именно для Самоа – декоративный рыболовный крючок с многочисленными усиками, другой – похож на символ, обозначающий стороны света. Вообще татуировка на этих островах настолько оригинальна, что ее можно считать независимой школой искусства татуировки.

Если мы хотим услышать рассказ об общем влиянии покрытия человеческого тела аккуратно выполненными знаками, хорошо соотнесенными и выбранными с таким расчетом, чтобы подчеркнуть естественные изгибы фигуры, лучше всего обратиться к произведению Дарвина.

Татуировка на бедрах самоанских женщин

Описывая островитянина Таити, автор утверждает, что декоративные знаки естественно следуют изгибам человеческого тела и выглядят в высшей степени элегантно. Один широко распространенный рисунок, слегка варьирующийся в деталях у разных людей, очень похож на крону пальмового дерева, которая «вырастает» из центра спины и красиво изгибается в обе стороны. Дарвин заключает, что тело человека, украшенного таким образом, похоже на ствол благородного дерева, обвитого тонким ползущим растением.

Можно не сомневаться, что появление большинства орнаментов стало результатом внимательного наблюдения за природой, поскольку трудно предположить, что человек вдруг в одночасье придумал такое разнообразие геометрических фигур и столь удачно их расположил. Более вероятно, что знаки, которые он использует, были подсказаны ему формой листьев и фруктов, сучков на деревьях, насекомых, чешуек рыб, спиралей раковин, знаками на шкурах животных, перьях птиц и многими другими предметами, на которых есть симметрично расположенные изображения правильной геометрической формы. Если эта гипотеза верна, тогда все те, кто использует геометрические знаки, могут рассматриваться как представители натуралистической школы, достигшей наибольшего развития в Бирме и Японии. Что касается Северной Америки, можно сослаться на примеры их грубых попыток изображения животных. Рисунки животных, сделанные представителями народа хайда, слишком условные и антропоморфные, чтобы можно было судить о мастерстве художников, но в шрамированных картинках с островов Торресова пролива отчетливо просматривается бережное отношение к естественным формам животных. Высокую оценку татуировкам с животными на Ануа, острове из группы Паумоту (сегодня Туамоту), дает один из исследователей тату: «Картинки очень красивы и состоят из тщательно переданных изображений морских ежей и причудливых зоофитов – совсем как фотографии из альбома натуралиста».

НАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА ТАТУИРОВКИ

Для иллюстрации развития натуралистической школы татуировки можно воспользоваться ее лучшими образцами – рисунками животных хайда. Однако отметим, что контуры фигур животных в некоторых случаях в высшей степени условны и художники не пытались передать их движения. Медведь, например, изображен слишком приблизительно, чтобы его можно было узнать, но неизвестно, является ли это результатом отсутствия мастерства художника или его осознанной целью избежать сходства. Несомненно, медведь с человеческим лицом нарисован не потому, что художник не сумел изобразить настоящее животное, а намерен был передать союз человека с духом медведя, который, как и духи других живых существ, считался антропоморфным. То же мы наблюдали почти на всех рисунках хайда, посвященных животным: если лягушку, например, можно узнать сравнительно легко, то у кальмара – снова человеческое лицо.

Кальмар, на передней стороне бедра

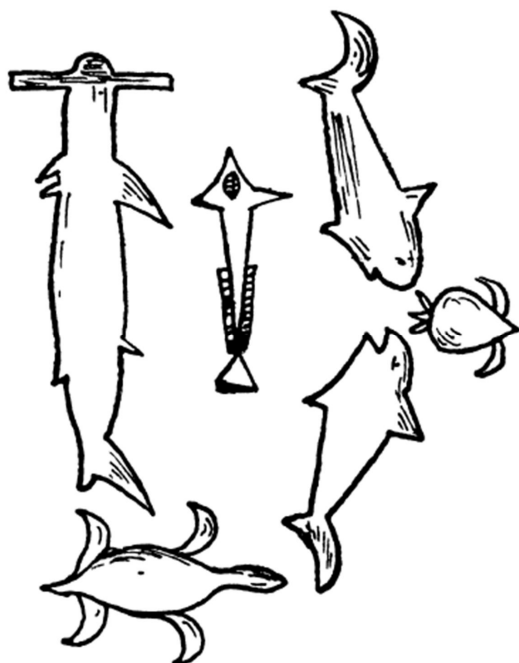
Лягушка, на икроножной мышце

Медведь, на руке

Знаки тату племени хайда, острова Королевы Шарлотты, Канада (Тотемные животные, изображения в высшей степени условны)

Тотемные знаки островитян Торресова пролива (где рисунок по праздникам покрывают красной охрой) демонстрируют нешуточное мастерство в передаче правильных форм животных шрамированием. Так, известно очень реалистичное изображение двух собак, сидящих напротив: животные случайно встретились и настороженно следят за движениями друг друга.

Тотемные изображения островитян Торресова пролива

Так, многие видели фигурально похожих на оригиналы изображения обитающих в тихоокеанских водах казуара, черепахи и ската, но их отдельно рассматриваемые детали не выдерживают никакой критики (см. также рис. на с. 69).

Тамильские знаки тоже очень просты и состоят из более или менее реалистичных изображений контуров тел животных и растений. Используемые основные цвета – красный и синий, иногда их комбинируют. Татуировки Бирмы и Японии, выполненные на смешанном цветовом фоне, слишком сложны, чтобы описать их общими словами. Чтобы дать ясное представление о произведениях искусства тату Индии, Бирмы и Японии, лучше предоставить слово тем, кто их исследовал лично.

Цветные фотографии в «Татуировке» Йоста весьма полезны, поскольку хорошо передают японские цветовые композиции и стиль. Тамил, работавший в мадрасском музее, говорил: «Во время пребывания в Коломбо я познакомился с сингалезцем, профессиональным татуировщиком, который имел альбом с образцами; я был покорен их красотой и согласился на операцию». Подавляющее большинство знаков тату у жителей Южной Индии являются результатом их визитов в Бирму. Тамилы иногда возвращаются оттуда домой, сплошь покрытые татуировками. Доктор Терстон осмотрел сто тридцать человек, которые были выбраны для антропологических измерений, и во всех случаях обнаружил на груди, плече, предплечье и тыльной стороне ладони каждого татуировки, выполненные синим цветом, иногда с добавлением красного. Он видел изображения парохода, креста и якоря, парусника, королевского герба, короны и флагов, скрещенных мечей, охотничьих рогов, королевы Александры, танцующей девушки, сердца и креста, пастушки, бирманской дамы, слова «спасибо», цветков в горшке, слона, скорпиона, ящерицы и браслетов. Он не обнаружил ни намека на символизм рисунков, но то, что с ними связаны определенные чувства, представляется очевидным.

ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ТАТУИРОВКИ

Татуировки бирманских и японских художников должны рассматриваться как финальный этап в эволюции декоративных знаков, и решение относительно превосходства одной из этих школ принять чрезвычайно трудно – почти невозможно. Видимо, пальму первенства следует отдать японскому художнику, и не потому, что он точнее в деталях или передаче фигур животных, а из-за абсолютно жизненной позы, или, выражаясь более корректно, из-за того, что ему удалось передать движение. Мы видим, как клонится дерево под напором ветра, лениво плывет рыба, чуть шевеля хвостом, или взмахивает крыльями птица.

Бирманский художник работает специальным прокалывателем длиной два фута, утяжеленным сверху медной фигурой Будды. Кончик расщеплен на четыре тонких иглы, способных удерживать красящее вещество. Татуировщик держит инструмент в правой руке, левая используется для опоры и определения направления, для изображения знака. Рисунки собраны в альбоме. Пациент выбирает знаки и показывает части тела, на которые хочет их нанести. Опытный художник сможет вытатуировать пятнадцать фигур за полчаса. Обычно это качественные изображения тигров, котов, обезьян, слонов, крыс, павианов и составных животных. Как правило, каждый рисунок окружается овальным узором из букв алфавита – любопытная и эффектная рамка, в некоторых случаях имеющая кабалистическое значение.

В Японии фигуры очерчивают кистью из шерсти верблюда, а картинки накалывают инструментом, сделанным так, чтобы вместить переменное количество тонких игл, выбранных в зависимости от длины и характера изогнутого контура, который будет наноситься. Используются следующие краски: черные индийские чернила, которые под кожей кажутся синими, вермильон, марена, желтый. Работа выполняется с такой скоростью, что сложное изображение дракона, занимающее всю переднюю часть предплечья, наносится всего за пару часов, причем операция обычно бывает бескровной. Мастерство художника так велико, что ему удается не прокалывать дерму – сосудистую кожу. Я видел, как татуировщик на Ватерлоо-Роуд сделал сложный рисунок змеи длиной десять дюймов. Он использовал три цвета и завершил работу за восемьдесят минут. Что бы ни говорили о красоте моко, художникам маори никогда не удавалось даже приблизиться к тонкой работе японского мастера, да и во время операции пациент маори обычно обливается кровью. Некоторые проколы – или прорезы – должны быть очень глубоки, и бывает, что мастер маори протыкает щеку воина насквозь, в результате чего из отверстия идет дым от трубки, которую во время операции тот должен курить.

Интересное описание работы татуировщиков в Йокогаме, сопровождающееся иллюстрациями, показывает, что, хотя тату носит декоративный характер, в Японии оно может иметь некий магический смысл [6 - Татуировка в Японии была запрещена правительством, более лояльным отношением к ней стало в середине XX в.]. Ко*ensored*ис пишет: «Если нет давней связи между татуировкой и магией, то нет ассоциации нанесения знаков на тело с идеями о том, что представляется необъяснимым и

сверхъестественным».

Классический пример художественной продукции татуировщика из Бирмы – татуированный там мужчина, с которым связано немало романтических слухов. Произошло ли его задержание и было ли нанесение татуировки насильственным или нет, сейчас сказать очень трудно. Возможно, Синклер был прав, утверждая, что этот человек отправился в Бирму, чтобы получить украшения специально для показа в Европе и Америке. В любом случае интересным и значимым является необычайное мастерство татуировщика, покрывшего человеческое тело с головы до ног удивительно похожими изображениями животных и других предметов – всего триста восемьдесят восемь рисунков. Кроме того, с использованием разных оттенков краски еще была сделана татуировка смешанного фона, чтобы сделать наиболее выигрышной изображенную на нем фигуру.

Когда смотришь на этого человека, совершенно раздетого, создается впечатление, что на нем надет обтягивающий тело костюм из богатой турецкой ткани. Между фигурами – бесчисленное количество крошечных красных и синих символов, которые создают эффектную рамку. А.У. Франкс, в 1872 г. выступивший на встрече в Антропологическом институте, показал фотографии татуированного человека из Бирмы, а в журнале за тот же год был рассказ о характере и расположении изображений. Сведя список изображений в таблицу, мы имеем:

	Число изображений
Грудь до пояса	50
Левая рука	51
Правая рука	50
Спина от шеи до пояса	37
Шея и горло	8
Нижняя часть тела	53
Нижние конечности	137
Лоб	2
Всего	338

Среди изображений – змеи, слоны, лебеди, два сфинкса с коронами, орлы, коты, тигры, аисты, крокодилы, саламандры, драконы, рыбы, газели, женщины в платьях с фруктами, листьями, цветами, символы – судя по всему, древний бирманский алфавит. Работа была выполнена после того, как татуировщики (их число неизвестно) работали по три часа в день в течение трех месяцев.

В 1908 г. А.Т. Синклер, американский антрополог, изучавший тату, сказал, что видел заслуженного грека, который был татуирован в Бирме. Все его тело, кроме ступней ног, было покрыто знаками (змеи, ящерицы, драконы, птицы, цветы) – некоторые из них были мелкими, но изображены с мельчайшими деталями. Ученый долго не мог поверить тому, что увидел, и только после близкого и тщательного изучения рисунков он сумел убедиться, что все это не жульничество.

Б. Чэмберлен подробно рассказал о японских картинках, на которых были изображены птицы, цветы и пейзажи удивительной красоты, японские по стилю и концепции. Некоторые из рисунков оказались настолько малы, что было трудно оценить их красоту. Для контуров и фона японский художник использовал сепию, а вермильон сделал детали рельефными. Это видно в иллюстрациях, приведенных в «Татуировке» Йоста и заслуживающих более подробного описания. Фон – серо-голубой, причем его интенсивность варьируется так постепенно, что создается очень приятный эффект перелива. На этом фоне более глубоким цветом или вермильоном изображены птицы, цветы, лица людей и демоны. Человеческое лицо – определено, лицо японца, и плоскость носа, так же как и другие расовые черты, заметно преувеличены. В подобной манере древние греки гиперболизировали в своих художественных произведениях те черты, которые ценились наиболее высоко [7 - См. также египетские скульптуры, в которых подчеркнуты длинные гибкие тела, длинные ноги, большие темные глаза.]. На одной из фигур изображена огромная рыба, расположившаяся на груди человека, по такой же рыбе, выполненной вермильоном, – на каждой ягодице. Масштаб соблюден с восхитительной точностью, движение передается изгибом хвоста и наклоном грудных плавников. Между плечами изображенного человека

виден страшный монстр с рогами и ужасным выражением лица, а довершают картину его уродства когти вместо рук. Второй аналогичный монстр имеет открытый рот с огромными клыками. Конечно, концепция странная и фантастическая, но исполнение великолепное.

Почему же мы считаем японское искусство татуировки верхом совершенства? В каких именно отношениях японские изображения превосходят аналогичные художественные продукты других народов? Что касается техники исполнения, то не может существовать никаких абсолютных стандартов, равно как и никаких всеобщих правил, которые имели бы универсальное применение и помогали оценить результаты татуировок. Тем не менее критик всегда руководствуется двумя принципами – анализом и синтезом.

Безусловно, что в отношении анализа или разработки деталей всех остальных превзошли бирманские, японские и маркизские художники, но к ним уже приблизились маори, в свою очередь работу которых при создании геометрического орнамента можно назвать совершенной.

В геометрическом искусстве хайда и островитян Торрессова пролива не принято так мелко и точно изображать детали, как это делают японские и бирманские татуировщики, прорисовывая каждое птичье перышко и рыбную чешуйку, равно как и прожилки и зубчики на листьях. А тщательное изучение татуированного человека из Бирмы показало, что художники проявили необычайные способности к синтезу и в их работе каждый мелкий фрагмент является неотъемлемой частью целого, причем все это продумывалось еще до начала операции. В этом им равны японские художники и, возможно, маори, выполняющие сложнейшие татуировки на лице и бедрах, придавая каждой детали исключительную важность.

В использовании перспективы и ей сопутствующей идеи расстояния японский татуировщик не знает себе равных, поскольку изображает пейзажи, человеческие фигуры и животных в едином пространстве. Он это делает в основном благодаря вниманию к законам перспективы и в какой-то степени правильному выбору фона, «выдвигающего» изображаемый предмет вперед.

Что же касается применения цветовой гаммы, то здесь бирманским и японским татуировщикам, безусловно, принадлежит пальма первенства. Так, моко майори – образец совершенства по форме и технике исполнения – не имеет окраски, если не считать таковой использование небольшого количества красной охры. В Меланезии, Африке, Южной Америке и Австралии традиции учат не вносить пигмент внутрь изображения и окрашивать шрамированные рисунки только по праздникам. В противоположность этому в Японии и Бирме мы имеем виртуозные комбинации разных оттенков синего и красного цветов, вермиллона и желтого. Можно с уверенностью утверждать, что в этих странах уже один только фон рисунка является замечательным произведением искусства. В Японии художник делает «рамку» из переливающихся оттенков синего цвета, а бирманский мастер – из бесчисленных буквенных символов.

Художникам Японии нет равных во владении техникой света и тени и в сочетании разных оттенков цвета. Все это помогает им придавать своим творениям обманчивое впечатление единства – эффект, не требующийся в геометрическом искусстве, пусть даже в таком сложном, как у маори и африканцев.

Движение, или то, что француз назвал бы *idée plastique*, – еще один фактор в искусстве, неприменимый к геометрическим композициям. Великолепно изображая летящую птицу,двигающегося человека, сгибающиеся от ветра деревья или плывущую рыбу, японские мастера доказали свое непревзойденное превосходство. В придании жизни, энергии объекту с ними не могут сравниться даже их бирманские соперники. Еще один термин – *chic*, которым художник именуется воображение, можно использовать в связи с татуировкой, а также с более масштабным копированием форм у природы, в отличие от работы по памяти. Работа с геометрическими орнаментами, как в Конго и Новой Зеландии, не подразумевает простого копирования естественных форм. Африканскому художнику или маори, безусловно, требуется немало воображение, чтобы воспроизвести и скомбинировать множество геометрических фигур. Однако даже талант маори не может сравниться со способностями бирманца, который татуирует сложных, составных животных, или японца, потрясающее воображение которого находит выражение в сказочных монстрах – крылатых драконах и страшных демонах. Некоторые великие художники – Микеланджело, Тинторетто, Доре – рисовали по памяти, а Уильям Моррис Хант, известный американский художник и критик, придерживался

концепции глубокого изучения предмета для последующего создания его образа по памяти.

Нельзя сказать, что японские и бирманские художники всегда рисуют только по памяти. Например, бирманец предлагает альбом с рисунками своему пациенту, чтобы тот сделал выбор. А затем мастер кистью наносит контуры выбранного сюжета. Японский художник делает, в общем, то же самое. Но, вероятно, все же какую-то часть он рисует по памяти, и ему в этом, безусловно, помогает свободная игра воображения, избавленного от диктата условностей и социальных традиций. Но, разумеется, даже он ограничен своим образованием и окружающей средой, в которой живет. К тому же есть формы драконов и демонов, распространившиеся настолько широко, что стали стереотипами. Тем не менее за понимание цветовых эффектов, использование анализа и синтеза, знание перспективы и движения, игру света и тени, размах воображения и свободу от условностей японский мастер может возглавить список татуировщиков из всех частей света.

РОСТ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ЧУВСТВА

Правы ли мы, считая, что декоративная татуировка была началом процесса нанесения знаков на тело? Можно ли утверждать, что в основе появления этих знаков лежало желание усилить привлекательность одного пола для другого? Сексуальный инстинкт для человека, разумеется, является одним из основных, и его никоим образом не должен оставлять без внимания тот, кто имеет целью проанализировать процесс техники нанесения знаков на тело. Возможно, этот инстинкт и сыграл особую роль в появлении ранних декоративных знаков, которые должны были сделать своих носителей более привлекательными на танцах и разнообразных празднествах, но переоценивать его не стоит. Декоративные знаки, пусть даже простые, предполагают осознание собственной важности, более того, они подразумевают наличие у индивида определенных свобод. Геометрические и другие совершенные формы тату возникли на позднем этапе эволюции этого искусства, и причины тому следующие:

1) чрезвычайно сложная техника, требующая длительного периода ученичества; 2) наличие мощной духовной составляющей при создании таких татуировок, как в Бирме и Японии.

Есть ли смысл проводить аналогию между развитием ума ребенка и примитивной расы? Иными словами, если развитие индивида – «конспект» эволюции человека, то не является ли его интеллект своеобразным «каталогом» интеллектуальной эволюции человечества? Возможно, такая аналогия опасна, но, думаю, если зайти слишком далеко. Однако в одном аспекте умственной деятельности эта аналогия не действует надежно – в области кристаллизации эмоций в постоянные тенденции и чувства.

Известно, что такие первичные эмоции, как страх, злость и зависть, появились очень рано и проявлялись в поспешных действиях примитивного человека, который мог легко переходить, например, от страха к уверенности или от злости к уважению. Очень немногие дети любят оставаться в одиночестве. Систему Руссо, изложенную в его книге «Эмиль», подвергли суровой критике на основании того, что автор игнорировал фундаментальную социальную тенденцию, призывающую к соревнованию, соперничеству и подражанию. Все эти факторы при должном руководстве и контроле являются ценными стимулами эстетического развития. Сексуальный инстинкт и желание украсить себя для усиления привлекательности появляются позже в развитии индивида, а к формулировке эстетических принципов следует относиться как к позднему продукту эволюции человека. Что же касается вопроса параллели между художественными продуктами детей и примитивных рас, то в связи с этим весьма интересно изучение контурных изображений некоторых бразильских племен и детских рисунков – сходство в представлении о человеческих и прочих фигурах удивительно.

При рассмотрении с эстетической точки зрения процесса развития знаков на теле можно выделить три его стадии: 1) нанесение индивидуальных символов (например, несовершенные рисунки на телах и лицах с использованием блестящих красок у горного народа мафулу Новой Гвинеи, жителей Андаманских островов и многих амазонских племен); 2) сохранение татуированных знаков, имеющих объективную ценность (рисунки хайда – хорошо выполнены, общеприняты и постоянны из-за особой тотемной важности); 3) формулировка принципов и осознание качеств, делающих тату приемлемым

для всех членов общества, когда возможно выражение индивидуальности в соответствии с общими принципами художественного вкуса (как в Японии и Бирме).

В изоляции искусство нанесения знаков на тело отчасти осталось в рудиментарном состоянии (Андаманские острова, Австралия и некоторые другие места), однако там, где техника татуировки была сложной, произошел подъем самобытных стилей (Япония, Борнео, Самоа и Маркизские острова). Украшение кожи человека знаками, рассматриваемое без учета связанных с ним верований и ритуалов, может быть систематизировано в группы в порядке возрастания сложности: от простых нанесений рисунков краской через стадию геометрических композиций к сложным произведениям в цвете, демонстрирующим прекрасную творческую и изобретательную силу. Применение цветов и их оттенков с учетом перспективы, формы и движения можно считать высшей ступенью в развитии знаков на теле.

Глава 5

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТАТУИРОВКИ

Основные цели краткого географического обзора следующие:

1. Определить, могут ли возникать абсолютно новые знаки, или они одинаковы во времени и в пространстве.
2. Установить, являются ли верования и соответствующие им практики тату всеобщими, или они локализованы.
3. Выяснить, наносятся ли в какой-то части света знаки на тело только одному полу.

ЕВРОПА

Археологические свидетельства в этом регионе являются особенно ценными для рассматриваемой проблемы. Нет никакого сомнения в том, что для человека периода раннего палеолита была очень важна красная охра, которую он часто использовал для наскальной живописи в пещерах и при погребениях. О шрамировании в доисторические времена свидетельств нет. Ясно, что пикты наносили тату прокалыванием, изображая только животных. «Формы зверей, птиц и рыб, которые пикты татуировали на своих телах, могли быть тотемными знаками; определенные знаки на лицах, изображенных на галльских монетах, могут быть татуировками» [8 - MacCulloch J.A. The Religion of the Ancient Kelts. 1911. P. 17, 217.]. Кельты странствовали по югу Европы и, возможно, прибыли в Британию в 800 г. до н. э.

Т. Райс Холмс писал: «Обычно на основании утверждений Клавдиана и Геродиана делается вывод, что пикты имели татуировки, что подтверждается этимологией названий, под которыми пикты были известны ирландцам и валлийцам соответственно». Этот автор считал, что нанесение знаков на тело прокалыванием, возможно, было известно таким галльским племенам, как амбианы, байокассы и калеты. В работе профессора Дональда А. Маккензи «Древний человек в Британии» суммированы свидетельства, относящиеся к татуировке и нанесению знаков на тело краской у народов, с которыми контактировали римляне. Автор пишет: «Животное, вытатуированное на теле человека, очевидно, давало защиту, как это делал символ кабана, о котором упоминает Тацит в «Германии», говоря о сборщиках янтаря». Юлий Цезарь, например (100–44 г. до н. э.), упоминал окрашенных бриттов, как потом и Плиний Старший (23–79 гг.).

Факты, свидетельствующие о существовании у пиктов татуировки, исторически важны, так как показывают ее «продвижение» до самой северной точки Великобритании еще до начала христианской эры. Использование знаков, изображающих животных, имеет особое значение, поскольку ставит Европу в один ряд со многими частями света, где использовались такие же рисунки, связанные с тотемизмом и магической защитой. Гаррисон писала о татуировке тотемных символов в Древней

Греции, упоминая о том, что пленным афинянам татуировали на лбу сиракузского коня.

АЗИЯ

Армянские христиане татуировали символ креста. В Персии тату было распространено среди представителей низших классов, чтобы избежать сглаза. Женщины иногда использовали его как украшение. Для этой же цели применялась и краска. В Аравии к татуировке прибегали и женщины и мужчины. Последние пытались таким образом лечить ревматизм. Согласно Корану, это разрешалось только в том случае, пока целью тату не становилась красота – тогда пророк обещал проклятие Аллаха.

Бедуины, обитатели великой пустыни, также знали татуировку. Эти презируемые бродяги, которых некогда опасались лучшие классы арабов, позволили делавшемуся прокалыванием тату перебраться из Марокко через Алжир в Тунис и Египет, оттуда через Аравию, Персию, Бенгалию, Ассам и Южный Китай – в Японию. Палгрейв ссылается на бедуинов как людей менее образованных и культурных, чем истинные арабы, подчеркивая нарушение ими законов благопристойности и вежливости. С развитием цивилизации татуировка становится объектом презрения. Этот факт объясняет сохранение у бедуинов данной практики, которая или не сумела удержаться в Аравии, или была уничтожена подъемом ислама в VII в. Робертсон Смит считает, что в старые времена в тех местах клеймили не только верблюдов, но и членов племен. Он отмечает живописные знаки на аравийских скалах, цитирует Лукиана и утверждает, что тогда племенные знаки, возможно, были тотемными.

Р.Ф. Бертон приводит интересную ссылку на существование в Мекке практики нанесения разрезов на лице: «В большинстве семейств детей мужского пола сорока дней от роду несут в Каабу, где над ними молятся, после чего возвращают домой. Здесь брадобрей делает бритвой три параллельных разреза (Машали) от внешнего уголка глаза ко рту». Горожане утверждали, что этот обычай был неведом их предкам. Тело ребенка помечали надрезами меньшего размера. Горожане говорили, что этот обычай появился в целях предотвращения похищения детей персами и теперь он сохранился как знак Святого города. В ранних рассказах о путешествиях по Гималаям почти нет упоминаний о татуировках. Марко Поло (1250–1324), описывая Юньнань, сообщил, что мужчины наносят темные полосы-ленты вокруг своих рук и ног, прокалывая их следующим образом: у них есть тонкие иглы, соединенные вместе, которые они вдавливают в плоть, пока не появится кровь. Потом они втирают в проколы черное красящее вещество, которое оставляет несмываемую метку. Эти полосы являются одновременно украшением и почетным знаком. В районе Кангигу на пути из Восточной Бенгалии в Бирму Поло видел и мужчин и женщин, тела которых были покрыты татуировками животных и птиц. Среди них оказались люди, единственным занятием которых являлось нанесение таких украшений. Человек (все равно, мужчина или женщина), на теле которого оказывалось больше всего татуировок, считался самым красивым. В 1270 г. бирманский татуировщик владел такой же техникой нанесения знаков, какая существует сегодня. Марко Поло ничего не писал о магическом значении бирманской татуировки, но это сделал сэр Дж. Г. Скотт. В издании Уотерса «Путешествия в Индии в 629–645 гг.» упоминается «зачернение лиц», «разрезы как знак скорби». Но я не могу с уверенностью утверждать, о каком именно народе идет речь. И с политической точки зрения, и с топографической доступ к Тибету был затруднен. Тем не менее были многочисленные визитеры, многие из которых добивались до Лхасы. У. Рокуилл говорит, что встречал торговца, который видел там фанатов из Индии, клейменных на голове, лбу и груди тремя мистическими символами Om, A, Hum. Татуировка шанов и их связь с Южным Китаем является важным историческим свидетельством миграции татуировки. Нанесение тату шанов является по большей части ритуалом при достижении половой зрелости и испытанием выносливости. Сакаи и семанг наносят краской и шрамируют изображения, являющиеся знаками племени и амулетами.

В Индии есть:

- а) виды современной татуировки в японском стиле, собранные Э. Терстоном (музей Мадраса);
- б) религиозные знаки краской, чтобы показать поклонение Шиве или Вишну. Знак «чанк» или «чакра» на девушках (басиви) посвящал их храмовой службе;

- в) клеймение как лекарство от боли и церемония деторождения;
- г) татуировка прокалыванием – техника примитивных дравидийских лесных племен.

Агарии считают, что татуировка – священный ритуал, который очищает тело от греха, также они верят, что бог Парамешвар не допустит в рай женщину, которая не имеет его татуированных символов. Агарии смешивают пигмент с молоком пациентки, но, если она бесплодна или не замужем, используется молоко другой женщины. Думаю, это интересный пример живучести древней связи между тату и культом плодородия. Так, татуировка, сделанная в нижней части живота, является средством от бесплодия. Женщины, имеющие больных детей или потерявшие их в младенчестве, тоже татуируют живот. Существует тату ушной раковины – в знак приобретения статуса замужней женщины. Та, у кого есть такой знак, не станет вдовой ни в этом мире, ни в ином. Татуировка дравидийских племен также тесно связана с культом плодородия, а ее связь с бессмертием вызывает особый интерес. Некоторые лесные племена татуируют слона (символ бога Ганеши); у женщин этот знак часто наносится на обе руки. Хан сули – татуировка в виде ожерелья – делается дочери в том возрасте, когда она еще сидит на коленях у матери: таким образом они будут неразлучны и в следующей жизни или, в любом случае, там встретятся. Есть много знаков с изображением животных, возможно тотемных по своей природе. Некоторые метки помогают противостоять болезням. Таких примеров очень много в разных племенах северо-западных индийских провинций. Т. Ходсон рассказал, что нага из Ассама татуируют мужчин в связи с успешной охотой за головами, а женщин – для узнавания на небесах.

На полпути между Индией и Малайским полуостровом находятся Андаманские острова, населенные негрита, возможно родственными семангам, азам и пигмеям Новой Гвинеи. Негрито наносят на тела знаки краской и шрамированием. Жители Андаманских островов помнят легенды о божественном происхождении красок, применяемых для выражения эмоций – боли и удовольствия. Шрамирование на этих островах одно время выполнялось в сопровождении ритуала и было связано с ограничением в еде.

Татуировка прокалыванием уцелела в Китае только как наказание за преступление. Но если исследователь не отправится в самую удаленную часть Поднебесной, куда ссылались такие преступники, он никогда не увидит помеченных таким образом лиц: «Татуировка не практикуется в Китае как средство украшения тела. Я видел лишь нескольких человек с точками, наколотыми на руках, но они жили с иностранцами или совершали путешествия за границу». Однако у китайцев есть слово *chen-hoa*, означающее «рисовать иглой, накалывать рисунок». Бэзин де Мальпьер приводит несколько сотен изображений, иллюстрирующих жизнь принадлежащих к разным социальным слоям китайцев. На них представлены мандарины, преступники, торговцы, ремесленники и многие другие, но татуировки у всех отсутствуют. Еще в 575 г. до н. э. ву на побережье Шанхая и берегах Янцзы татуировали свои тела, чтобы испугать опасную рыбу. Но совершенно точно известно, что в 843 г. до н. э. (считается первой точной датой в китайской истории) в центральной части Китая ничего не знали о татуированных варварах южнее Янцзы. Профессор Паркер утверждал, что китайцы никогда не делали татуировок, но в древности клеймили преступников.

Самые древние китайские хроники говорят о том, что первые представители династии, впоследствии названной Чжоу (1100–300 гг. до н. э.), или татуировали свои тела, или селились вместе с татуировщиками. Но простые китайцы никогда не делали тату. Паркер много путешествовал по Китаю, Индокитаю, Сиаму и Бирме, но ни разу не видел татуированного китайца. Чэмберлен, обсуждая отношения между Японией и Китаем, сообщил, что, если верить китайскому автору начала христианской эры, японские мужчины татуировали лица и украшали тела орнаментами, при этом разница в их социальном положении выражалась положением и размерами рисунков. Но, судя по всему, с древности и до Средних веков высшие классы Японии относились к татуировке с презрением. Известно, что в 473 г. до н. э. японцы общались с татуированными ву с юго-востока Китая, так что в результате могло произойти взаимное заимствование верований, практик. Первая достоверная информация в истории Японии относится к 461 г. – примерно в это время туда через Корею началось постепенное распространение китайской культуры, пришла идея о ведении исторических записей. Вероятнее всего, японцы делали ранние попытки нанесения тату как украшения. Нет никаких

свидетельств, касающихся связанных с татуировкой ритуалов и табу. Удивительной особенностью татуировки в Японии были и остаются движение, жизнь и цвет. Айну татуировали своих женщин, для которых это было обрядом, проводимым при достижении половой зрелости, необходимым для замужества, имеющим божественное происхождение и открывающим доступ на небеса. Айну вполне могли передать японцам знания о татуировке, технику которой впоследствии они усовершенствовали, а ритуал отвергли. Татуировки наносили на тело и соседи японцев – чукчи северо-восточной части Сибири: женщины в основном брачные метки, а мужчины – точки за доблесть в убийстве русских.

На Формозе татуировка прокалыванием тесно связана с успехами в охоте за головами. Выполняемая жрицей, она считалась связующим звеном между женихом и невестой. Татуировка среди тайялов, судя по всему, имела очень большое значение, показывая социальную важность индивида – на ее церемонии детей официально принимали в племя.

На Борнео татуировки делали тем, кто проявил свою храбрость во время охоты за головами. Женщины каяны и клемантаны имели сложные тату, нанесение которых сопровождалось жертвоприношением птицы, ограничениями в еде и других областях жизни. Знаки также становились гарантией определенных привилегий на небесах. Суматра и Ява, судя по всему, избежали влияния татуировки прокалыванием, или же такая практика была полностью уничтожена веками магометанского влияния. На Филиппинах негрито шрамировали себя собственными заостренными зубами. Татуировка у бисайя очень почетна, является весьма замысловатой, и ее приобретение прежде всего связано с охотой за головами.

ОСТРОВА ТИХОГО ОКЕАНА

На юго-востоке Новой Гвинеи татуировка – обряд достижения половой зрелости для женщин, имеющий определенные стадии с соответствующими знаками, ограничения в еде и не только. У койта, например, есть особые знаки для убийц, горцы мафулу – приверженцы замысловатой раскраски, папуасы шрамируют себя, как и островитяне Торрессова пролива, – но знаками животных. В наше время в Новой Гвинее наблюдается миграция татуировки прокалыванием с юго-востока на запад.

На Соломоновых островах, в Новой Британии, Новой Ирландии, Новой Каледонии, Новых Гебридах и Фиджи тату прокалыванием сопровождается шрамированием – часто ожогом. Собственно татуировка обнаружена на многих островах, в том числе на Гавайях, Самоа, островах Общества, Маркизских островах, Туамоту и острове Пасхи, где она была замечена Роггевинном в 1722 г. На огромных просторах от Гавайев до Самоа и от Туамоту до Каролинских островов тату определенно ассоциировалось с половым созреванием женщин и достижением ими брачного возраста, а операция по его нанесению всегда сопровождалась ритуалами и табу. Моко Новой Зеландии является примером уникальной специализации тату. Женщины имели сложные татуировки подбородка, для мужчин были племенные, геральдические и личные знаки. Татуировка местных вождей сопровождалась строгими ограничениями, мерами предосторожности и ритуалами. В целом Тихоокеанский регион стал важнейшим в процессе миграции татуировки.

АВСТРАЛИЯ

На всей территории Австралии используются разные виды краски в связи с тотемными церемониями, испытанием ордалиями, вызовом дождя и другими магическими практиками. Уже многое известно исследователям относительно разных знаков, наносимых на тела аборигенов, но по-прежнему нет единого мнения по поводу их операций по шрамированию, которое является довольно грубым. В некоторых случаях оно определенно связано с обрядами, относящимися к достижению половой зрелости мальчиками. А урабунна, к примеру, сохранили свои простые знаки, выполненные шрамированием в качестве имитации изображений на перьях медососа-колокольчика, как и легенду о происхождении татуировки. Жители острова Тасмания активно использовали шрамирование и красную

охру.

АФРИКА

На этом континенте помимо Марокко, Алжира, Туниса и Египта, где преобладает татуировка прокалыванием, выполняя функции украшения, лечения и амулета, практически повсеместно распространено шрамирование с использованием краски. От Лимпопо до Нигера и устья Конго шрамы делают с помощью разрезов или раздражением кожи едкими соками растений. Самые причудливые примеры можно найти в районе среднего течения Конго, где изображения замысловатые, разнообразные, с определенным наложением отдельных деталей друг на друга. С течением времени племенные знаки перепутались, утратили свое первоначальное значение и почти везде превратились в украшения. У тайных обществ есть свои особые знаки; также существуют шрамированные композиции, которые должны привлекать внимание женщин, и келоидные рубцы – для обмена на еду на небесах (экой); другие примеры необычных и спорадических функций нанесения шрамов. Даже в начале XX в. в некоторых районах Африки грудным детям наносили метку матери. Подробно рассказали о существующих традициях тату Генри Джунод – о тонга и Тернер – у цветных шахтеров Южной Африки, показав, насколько важны табу и обряды при шрамировании девочек, достигших половой зрелости. Каждая молодая женщина баргезу сама делает себе шрамы – носит в течение нескольких лет кольцо с крюком. Особо интересный вопрос – о нанесении знаков на тело в Древнем Египте – мы рассмотрим далее в нашей книге.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

Считается, что у эскимосов татуировки появились на Аляске – именно оттуда племена расселились к Гудзонову заливу и на Гренландию. Боас, Ринк, Стеффансон, Кранц в своих работах показали, что тату протягиванием под кожей нити, предварительно смазанной сажей, практикуется во всех племенах. Распространены рисунки двух видов: знак на подбородке для женщин, означающий достижение половой зрелости и брачного возраста, и почетный знак для успешных китобоев. Расмуссен, в течение трех лет (1921–1924) изучавший эскимосские племена, наблюдал и их тату. Богорас упомянул о тату у чукчей, сделанных с теми же целями, что у эскимосов. Шрамирование было в моде у американских индейцев, в основном в связи с потогонной церемонией, обычно сопровождающей инициацию мальчиков. Параллельные надрезы иногда делались на щеках майя на Юкатане. Такие знаки изображены на маленькой фигурке в красном одеянии, которая находится в Королевском музее Берлина. Майя окрашивали лицо и тело в красный цвет и делали татуировку разрезами. Этот народ считал такие знаки почетными. Гуэтаре Коста-Рики татуировали на руках изображения животных, чаще других – ягуара. Диего де Ланда утверждает, что тату прокалыванием было знаком мужества, и те, у кого не было этого знака, подвергались насмешкам.

Отец Бернардино де Сахуган был одним из первых испанских миссионеров в Мексике и автором книг, описывающих религию, образ жизни и обычаи древних мексиканцев. Сахуган написал свой знаменитый труд *Historia de la Cosas de la Nueva España* на местном языке, известном под названием «науатль». Очевидно, в Древней Мексике краска для тела использовалась чрезвычайно широко. Сахуган утверждает, что в месяце Токскатль жрецы, используя каменные ножи, делали разрезы на телах детей обоего пола – на груди, животе и руках. Женщины отоми на груди и руки наносили орнаменты синей краской с использованием маленького инструмента, который закрепляет красящее вещество на коже. Татуировка прокалыванием обычно делалась женщинам при вступлении в брак; привычным для всех жителей был знак на лице с цветным изображением животных. Возможно, обычай татуировки прокалыванием имел давнюю историю, потому что такие знаки часто видны на лицах памятников. Льюис Спенс рассказывает, как все тело ацтекского юноши, избранного для принесения в жертву богу Тецкатлипоке, покрывали черной краской. В честь бога Ксипе на лица обычно наносили красные и желтые полосы. Когда мальчик, посвященный богу Кецалькоатлю, завершал второй год

ученичества, на его груди делали небольшой надрез, считавшийся особым знаком служения.

Окрашивание тела и татуировка прокалыванием в Северной Америке распространены чрезвычайно широко. Окрашивание обычно связано с ритуалами колдунов и шаманов, войной, церемониальными танцами. Краской также наносятся знаки племени и клана, иногда – на лица умерших, чтобы обеспечить их узнавание предками на небесах. Окрашивают тела близнецов и их родителей – с должным церемониалом. Мы уже описывали посвящение детей пауни небесному богу, сопровождавшееся нанесением краской на тело ребенка символических знаков, с сопутствующим церемониалом и песнями. Татуировка прокалыванием в основном связана с тотемными знаками: хайда – лучший пример из многих. Татуировка и окрашивание были известны на всех Больших и Малых Антильских островах, куда бежали из Южной Америки араваки, преследуемые более воинственными карибами. Важность племенных и клановых знаков отмечали все авторитетные авторы. Вот что писал Дж. Г. Бурк о моки (хопи): «Каждый клан или род, посылающий представителей на бега или ритуальные танцы, «маркирует» их тотемными или родовыми эмблемами, такими как орел, или условными изображениями на груди и спине».

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

Есть множество свидетельств о том, что инки или их предшественники достигли высокого мастерства в татуировке прокалыванием, но цели этой операции и связанных с ней обрядов, если таковые существовали, неизвестны. В одном из изданий по археологии есть превосходное изображение исполненных краской и татуированных знаков инка. В описательном тексте к иллюстрации, где изображены высохшие человеческие останки из Перу, сказано: «На многих мумиях, извлеченных из своих бинтов на месте, были заметны следы краски на руках и верхней части тела. Там были изображения звезд и дротиков, которые также были видны на одежде. Профессор Вирчоу (Virchow) дал заключение, что здесь речь идет не только о внешнем окрашивании – красящее вещество проникло в ткани». Джойс, цитируя ранних испанских историков Гарсиласо и Съеса де Леона, утверждает, что, когда в Южную Америку прибыли испанцы, вдоль побережья жили люди, которые татуировали лица острыми камнями – от уха до подбородка.

Обнаруженные Райсом и Штюбелем тату композиционно симметричны, техника их нанесения весьма высока, а их «получатели» – лица обоих полов разных возрастов – от восьми лет до зрелости. Археологические свидетельства колумбийской цивилизации чибча включают штампы, которые использовались не только для нанесения знаков на одежду, но, возможно, и на тело. На человеческом лице, изображенном на сосуде (керамика Труксилло), который хранится в Британском музее, мы можем увидеть еще один вид татуировки – вдоль нижней челюсти.

Татуировка, краска и шрамирование широко использовались на Амазонке и вдоль ее притоков. Полукруглые черные полосы часто наносят в середине лица, покрывая нижнюю часть носа и рот. Перекрещивающиеся линии рисуют на груди и животе, вдоль рук и ног проводят полосы.

В Бразилии для татуировки характерны прямые линии и «кляксы». Здесь нет грациозно изогнутых кривых. Элегантностью дизайна отличились туткуны с верховьев Амазонки. Они татуируют на каждой щеке завиток, исходящий из уголков рта. Но все это не сравнится с мастерством жителей Гаити или Новой Зеландии. Иллюстрации сложной раскраски для церемонии с танцами приведены в «Людах всех наций», например, рисунок для танца змеи, для которого на тело каждой девушки наносят изображение, являющееся частью целого, весьма привлекателен. Утверждают, что тату используется для обозначения племени или ранга. А вот индейцы ленгуа из Чако редко прибегают к татуировке, но краской для лица пользуются часто. На фотографиях Пола Эненрайха показаны результаты шрамирования под глазами женщин карайя – знаки, представляющие собой окружности. Описывая племя тоба, кочующее в центральной части и на юге Чако, Гвидо Боггиани изобразил композиционно несбалансированный, но хорошо исполненный рисунок на щеке женщины, живущей в центральной части Южной Америки. Мартиус изучил характерные бразильские тату и отметил их удобство для быстрого определения «свой-чужой». Молодых девушек татуировали их матери, мальчиков – отцы.

Мужчины из племени патамона, в Гвиане, делают разрезы на груди, руках и ногах, а потом в раны втирают едкий сок – это должно было обеспечить им успешную охоту. Антипы не слишком увлекаются татуировкой и на свои руки и ноги наносят простой орнамент – кресты, круги, волнистые линии. Уп де Граф исследовал эту практику и, не заметив следов внешнего влияния, счел ее местной. Однако он все-таки обнаружил заимствование – татуировку букв L.L.F., которые антипы видели на попавших к ним в руки сигаретных пачках.

Обычное явление среди южноамериканских аборигенов – изоляция девочек, достигших половой зрелости. У тоба им делают тату – линии на руках и шрамы под грудями. У.Б. Грабб, бывший миссионер в Чако Парагвая, рассказывал, что после начала первой менструации девушка находилась в уединении три дня – в гамаке, подвешенном к крыше хижины, лицом к стене. В это время ей остригают волосы, запрещают говорить и есть. Затем в течение года она воздерживается от употребления мяса и рыбы и может заниматься только прядением и ткачеством.

Самое подробное описание татуировки в Южной Америке дал Добрицхоффер, миссионер, проживший восемнадцать лет среди абипойнов, кочевников Парагвая: «Они (абипойны) наносят на лица разные знаки, одни являются общими для обоих полов, другие используют только женщины. Они прокалывают кожу тонкой колючкой и посыпают рану пеплом. У них всех знак в форме креста на лбу и две маленькие полоски в уголке каждого глаза, которые тянутся к ушам, а также четыре поперечные линии на переносице между бровями – национальный знак. Что означают эти фигуры, я не могу сказать». По достижении половой зрелости девочек татуируют в несколько этапов, в течение которых каждая из них несколько дней должна была находиться взаперти, в доме своего отца, ограничивая себя в еде.

Существенным доказательством распространения практики татуировки прокалыванием от мыса Бэрроу на Аляске до мыса Горн стали рассказы об этом многих путешественников. Среди них описание знаков на теле у фузгинов: «Много людей обоего пола окрашивали в белый, красный и коричневый цвета разные части тел и накалывали линии точками на лицах. Фузгины, как и жители Андаманских островов, разными цветами и знаками выражали эмоциональные состояния. У коренных жителей Огненной Земли разные сочетания красок на лице означают разные узы дружбы, есть свое сочетание и для официальных визитов. Краска на лицах может передать новость о смерти родственника и сообщить, как он умер. Женщины красят лица по большей части для украшения, используя красный, белый и черный цвет».

//-- Краткие выводы на основе главы 5 --//

Изложенный выше обзор дает понять, что практики окрашивания тел, шрамирования и татуировки мирно сосуществуют, занимая одинаковое или разное положение во времени и пространстве. Для этих практик не существует географического предела. Единственное, что сдерживает распространение татуировки прокалыванием, – слишком темная кожа многих аборигенов (татуировка на ней не видна). Поэтому банту, негрито, австралийцы и папуасы прибегают главным образом к окрашиванию тел и шрамированию, которое достигло совершенства в регионе Конго и применялось для нанесения племенных знаков, а также в терапевтических и декоративных целях.

Самое причудливое окрашивание – в Австралии, Африке и Южной Америке, где оно использовалось в магических и тотемных церемониях – для украшения, выражения эмоций, как знак для существования в ином мире.

Верования и практики, связанные с татуировкой прокалыванием, оказались наиболее важными и потому многочисленными. Возможно, шрамирование, первоначально бывшее лечебным, позаимствовало черты и у тату, и у окраски. С краской, вероятнее всего, в доисторические времена были связаны магический, декоративный и социальный аспекты жизни примитивного человека, намеренно перенесенные на более долговечное тату.

Что касается связи между нанесением знаков на тело и полом, то бесспорно, что шрамируют, окрашивают свои тела и делают татуировки и мужчины и женщины. Для первых краска важнее, поскольку является неотъемлемой частью выполняемых шаманами магических церемоний.

Айну татуируют только женщин, и все ранние свидетельства из Египта показывают первостепенную важность татуировки и окрашивания тел женщин. Во всем мире татуировка женщин, достигших

половой зрелости, является постоянной составляющей искусства нанесения знаков на тело. В целом свидетельства предполагают перенос татуировки прокалыванием от женщин к мужчинам.

Отметим, что выводы, сделанные в этой и следующей главах, не могут считаться незыблемыми. Скорее, существует высокая вероятность того, что сказанное верно.

Глава 6

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТАТУИРОВКИ

В этой главе будут рассмотрены проблемы происхождения, хронологии и направлений миграции практик окрашивания тел, татуировки и шрамирования в такой последовательности:

- 1) доисторические времена;
- 2) Шумер и Вавилон;
- 3) Китай и Япония;
- 4) арийцы;
- 5) цивилизации Перу, Юкатана и Мексики;
- 6) Египет.

1. Окрашивание тел. Из трех разновидностей искусства нанесения знаков на тела окрашивание, вероятнее всего, было самым древним. Краски широко использовались в наскальной живописи палеолитического человека в Европе и других частях света. Осборн просуммировал примеры связи красной охры с кроманьонскими захоронениями. Мурхед имел дело с доисторическими «Людьми красной краски из Мэна», Соллас описал «Красную даму из Пэйвиленда», найденную недалеко от Суонси, а в работах Бакленда, Дешелета, Лартета и Кристи доказан факт использования красной охры в палеолитические времена. Использование красных красок было модным в Египте. Ранее были описаны примеры применения красной и других красок негрито, такими как жители Андаманских островов и семанги, упорные попытки североамериканцев и австралийцев добыть красную охру, даже если она располагалась на большом расстоянии от них. Иными словами, есть все основания считать использование красной охры первой стадией процесса нанесения знаков на тело.

2. Шрамирование. Примитивный человек верил, что болезни, приносящие ему боль и страдание, возникают из-за вселения в его тело некоего объекта (демона). Заставить его уйти из больного тела мог только шаман, который делал это с помощью нанесения пациенту шрамов. Так возникла терапевтическая функция шрамирования. Тогда же, видимо случайно, к шрамам, полученным в результате разреза, ожога или других причин, применили красящее вещество, и они стали декоративными. Для практики шрамирования были заимствованы некоторые ритуалы, связанные с окрашиванием и татуировкой. Но ритуальная составляющая шрамирования очень мала. Например, исследователь Полинезии Риверс в своем труде «Медицина, магия и религия» утверждал: «В Полинезии кровопускание посредством надрезов и шрамирования как лечебная практика особенно характерно для Западных островов, к примеру Самоа». Вероятно, что медицинская практика, которая велась в глубоко религиозной атмосфере Полинезии, в конечном счете стала частью религиозного церемониала.

3. Татуировка. Разные прерывистые темные знаки на белом или красном фоне отчетливо видны на женских фигурках, обнаруженных при раскопках, и позволяют предположить, что известная еще в доисторические времена татуировка прокалыванием была очень оригинальным изобретением человека. Возможно, острым кремнем он сделал несколько маленьких, отделенных друг от друга проколов на коже и затем вводил туда красящее вещество. Я считаю это сознательной попыткой некоего вдумчивого индивида сделать символ жизненной силы более стойким, чем тот, что наносился на кожу краской. Примитивный художник заметил, что на человеческой коже, особенно на руках, есть маленькие круглые впадинки и складки, которые, пересекаясь, образовывали ромбовидные фигуры. Используя их в своей работе, он всего лишь подчеркивал контуры и углубления, данные самой природой.

Безусловно, что окрашивание, шрамирование, и, быть может, собственно татуировка производились

человеком с определенной целью и были широко распространены еще до начала времен. Эти практики, видимо, мигрировали вместе с ранними культурами наскальной живописи и изготовления кремневых орудий.

После общих рассуждений об истоках процесса нанесения знаков на тело приступим к краткому обзору связанных с ним техник, ритуалов и верований, которые существовали у некоторых древних цивилизаций.

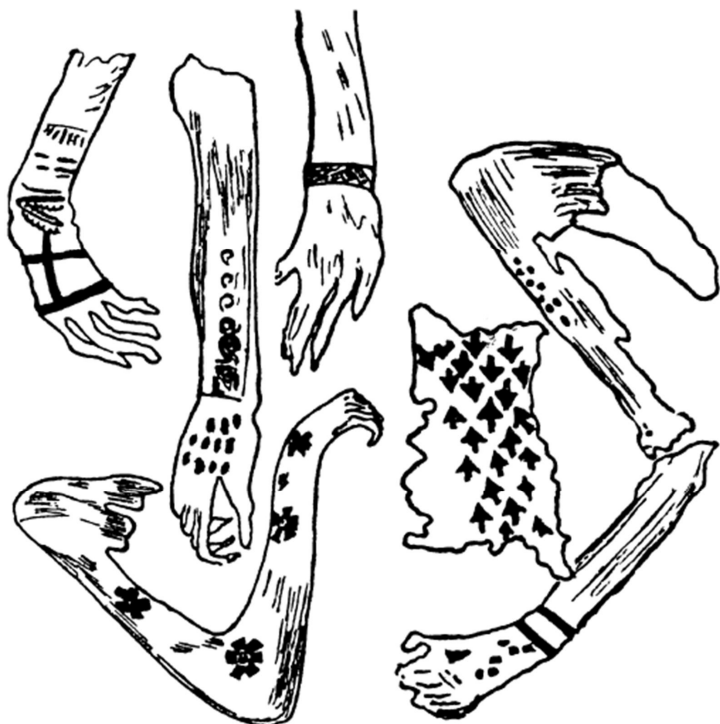
Вавилон. Нет никаких свидетельств, указывающих на то, что татуировка или окрашивание тел когда-либо практиковались в Вавилонии и Ассирии, хотя косметика и краска для глаз применялась там достаточно широко.

Дальний Восток. Уже говорилось о том, что жители Северного Китая никогда не татуировались. Однако такая практика была широко распространена к югу от Янцзы еще до 1100 г. до н. э. Татуированные рыбаки контактировали с японцами задолго до начала документированной истории Страны восходящего солнца. Известно, что сами ее жители татуировались в середине V в., но не исключено, что этот обычай возник намного раньше. По словам одного японского историка, в начале христианской эры жители его страны татуировали свои лица и украшали тела изображениями, по размеру и положению которых можно было определить социальный ранг каждого из них. Очевидно, тату в Японии далеко не всегда было практикой, распространенной среди низших слоев населения.

Японская техника тату, с которой не может сравниться ни одна в мире (по цветовой гамме, форме, движению, игре света и тени и т. д.), появилась не в одночасье. Хотя можно предположить, что, когда у японцев – великолепных ремесленников, обладающих удивительными способностями к подражанию, чрезвычайно терпеливых и настойчивых – появился интерес к татуировке, техникой ее исполнения они овладели быстро. Наличие дракона в большинстве японских композиций тату можно считать доказательством древности искусства, поскольку образ этого загадочного существа известен в Японии с доисторических времен. Первоначально это существо выражало для японцев божественную силу, дающую жизнь, но со временем стало воплощением зла. Возможно, они позаимствовали искусство татуировки у айну, которые считаются обособленной частью альпийской расы, отвергли все связанные с ним верования и сосредоточились только на технике исполнения, поскольку в Японии нет ни легенд, ни ритуалов или табу, имеющих отношение к татуировке. По крайней мере, они не известны.

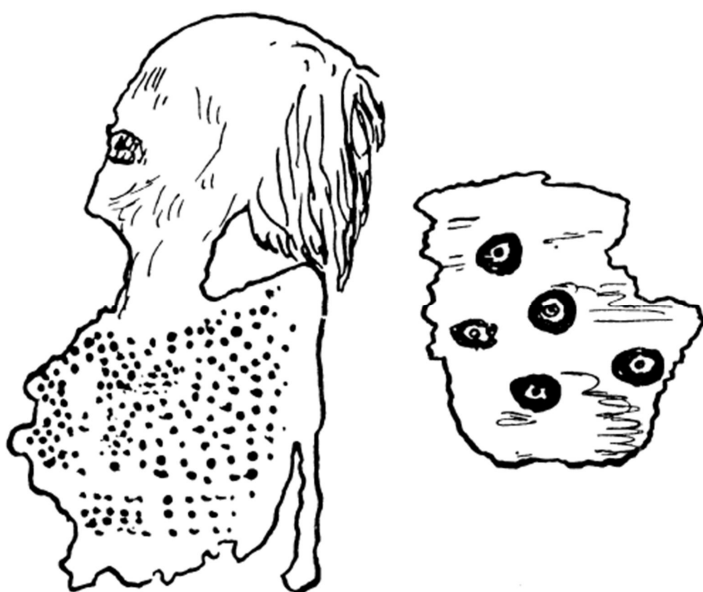
Арийцы. Народы, говорящие на арийских языках, расселились по всему миру, поэтому их практики нанесения знаков на тело могли быть особо интересны. Однако свидетельств тому нет. К такому выводу пришел не только я, безрезультатно исследовавший этот вопрос, но и профессор А.А. Макдонелл, который в личной беседе сообщил мне, что на протяжении сорока лет поисков он не обнаружил ни намека на то, что арийцы практиковали татуировку или шрамирование. А в Индии тату существовало только у дравидийских племен, которые верили, что этот знак защитит их от бесплодия, болезней и станет меткой, необходимой им на том свете.

Американский континент. Задача датирования таких археологических находок, как татуированные тела или их изображения в произведениях искусства, найденных в Перу, Мексике, Колумбии и на Юкатане, трудна даже для экспертов. Так, мы знаем, что, например, у инков тату и окрашивание тел появились не раньше 1100 г. (они красили лица умерших красной краской). Но проведенные недавно исследования останков из некрополя Анкона, датированных ориентировочно XI в., дают основание предположить существование этих техник до инков.

Татуировка на коже мумий, найденных в некрополе Анкон, Перу

Также много неясного с найденными в Колумбии глиняными изделиями, датированными началом христианской эры. На изображенных там лицах исследователи обнаружили сделанные краской или татуированные знаки. Относительно техники их исполнения ученые не смогли сказать ничего определенного.

Татуировка на коже мумий, найденных в некрополе Анкон, Перу

Существуют археологические свидетельства существования окрашивания, татуировки и шрамирования у майя (200–800 гг.), тольтеков и ацтеков (1100–1519 гг.). Определение возраста этих находок поможет разобраться в вопросе возможной миграции татуировки прокалыванием через Тихий океан и ее появления в Новом Свете. Так, на Юкатане и в Мексике тату считалось знаком отличия. Шрамирование практиковалось там при посвящении молодых людей служению божеству, а краску широко применяли на религиозных празднествах – например, для окрашивания тел юношей, которых приносили в жертву божеству.

Египет. В этой стране в древности были распространены все известные сегодня практики нанесения знаков на тело. Приведем лишь некоторые тому свидетельства.

Клеймение. На стелах возле кладбища Абидоса можно прочитать строки: «Тот, кого найдут в пределах этих стел, будь то ремесленник или жрец, пришедший по делу, будет клеймен» (правление Неферхотепа).

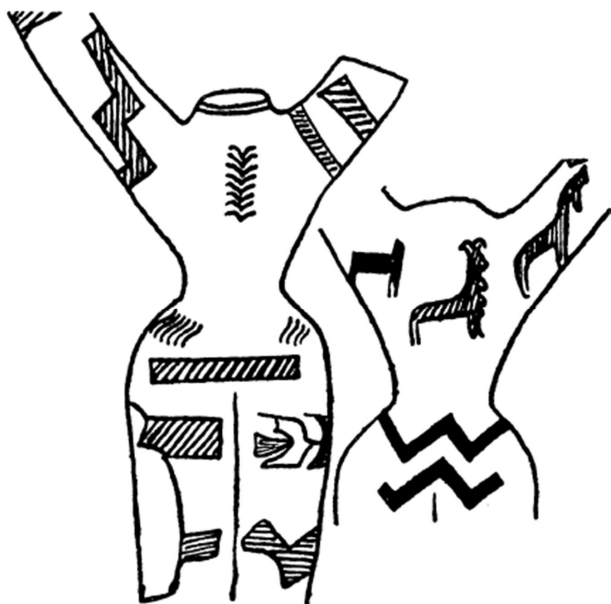
Рамзее III, говоря о ливийских войнах, заявлял: «Я увез с собой тех, кого пощадил мой меч, – клейменных и ставших рабами, под впечатлением моего имени; их жены и дети тоже стали рабами».

Шрамирование. Фуке, описывая процесс разворачивания мумии фиванской жрицы, леди Амент из одиннадцатой династии, повествует о белых и синих посмертных шрамах на животе и в других местах. Согласно его выводу, женщину лечили от хронического перитонита так же, как это до сих пор еще делают египетские крестьяне.

Татуировка и окрашивание. Изучая знаки на теле по найденным в Египте маленьким женским фигуркам доисторического периода, очень трудно понять, где изображена татуировка, а где – окрашивание. В Британском музее (6-й Египетский зал) есть несколько статуэток периода Первой и Второй династий. Экспонат под номером 32141 – костяная фигурка женщины с инкрустированными лазурином глазами. Ее живот и лобок покрывают темные круглые отметины, изображающие знаки краской или тату. Такое же украшение видно на фигурке женщины-карлицы архаического периода (номер экспоната – 32144).

Сэр Флиндерс Петри утверждает: «Самые ранние найденные человеческие фигуры относятся ко второму этапу доисторического периода и занимают место сразу после белых гончарных изделий. Фигурки выполнены из слоновой кости, известняка, сланца, глины и т. д. Такие фигурки не продолжали изготавливаться после середины доисторической цивилизации. Некоторые статуэтки из известняка имеют знаки тату, нанесенные краской на камень. Многие в сидячем положении, без рук».

Касательно аналогичных фигур в Оксфордском музее Ашмола Э.Т. Лидс написал мне следующее: «Фигурки с явными признаками стеатопигии, которые здесь делали из глины, имеют красную полосу, причем это относится к фигуркам и людей, и животных. На красной полоске иногда можно заметить черные отметины, что определенно предполагает татуировку, как в случае безголовой фигурки из белой глины, покрытой черными отметинами краской».

Египетские женские фигурки, датированные примерно 3000 г. до н. э. Знаки – краска или татуировка

Обе фигурки из раскопок в Накада и Балласе. Они сделаны намного раньше, чем 3000 г. до н. э. Согласно иллюстрациям в отчетах о раскопках, сидящие женские фигурки типа «Великая мать» окрашены красной краской – очень интересный факт в связи с гипотезой о том, что искусство нанесения знаков на тело началось с использования красной охры, символизовавшей живительную

силу крови».

В ходе археологических раскопок в Нубии Ферт обнаружил несколько тел местных жителей эпохи Среднего царства (2000 г. до н. э.) с определенными признаками шрамирования, причем узоры на коже этих иссохших тел были идентичны узорам на куклах, погребенных вместе с ними. Профессор Эллиот Смит продолжает: «Хотя внешность окрашенных кукол, найденных в архаичных захоронениях, натолкнула некоторых авторов на мысль о том, что татуировка была обычной для доисторического Египта, никаких положительных свидетельств этого, равно как и любых других повреждений кожи, не было выявлено после осмотра захоронений протоегиптян».

На папирусе из Ани и в ряде других манускриптов все тело изображенного Осириса покрыто орнаментом. Таких одежд в Египте не было, поэтому речь может идти о татуировке или царапинах на окрашенной поверхности. Проанализировав имевшиеся примеры нанесения знаков на тело у негритянских племен и хамитов, Бадж пришел к выводу, что «чешуйчатый рисунок на теле Осириса представляет татуировку, знаки краской или шрамирование».

Капарт утверждает, что египтяне классического периода время от времени татуировали на груди и руках изображения божеств, но такая практика, судя по всему, существовала только в рамках Второго Фиванского царства. «Я не встречался с другими примерами, кроме Аменофиса IV и его царицы, у которых на груди и руках были вытатуированы имена бога Атона».

На фигурах группы ливийцев, изображенных на стене гробницы Сети II, 1330 г. до н. э., видны знаки тату, причем один из них – символ богини Нейт (см. рис. на с. 75). Этот символ представляется чрезвычайно важным: Нет или Нейт – одна из древнейших египетских богинь, и есть свидетельства существования ее культа еще в додинастические времена. Помимо второстепенных функций, таких как покровительство охотникам, Нейт была воплощением первобытной водной массы, из которой вышел бог солнца Ра.

Даже в период Первой династии культ Нейт считался древним. Во время Четвертой династии ее почитали одновременно как мать и дочь бога Ра. Нейт обладала способностью ежедневно порождать нового бога солнца, используя для этого божественную мощь и магические заклинания. Среди ранних титулов Нейт – «Апт-Уат», то есть «открывающая пути». Люди верили, что она имеет силу в связи с одеванием умерших и помогает их защите.

Современными представителями ливийцев, светлокожих людей считаются кабилы и берберы, которые жили в западной части Нижнего Египта. Доктор Майерс отметил своеобразное распространение татуировки у современных египтян: практика использовалась чаще всего в западных районах, примыкающих к древней Ливии. Татуировка имени Атон на телах Аменофиса IV и его царицы, фигуры в гробнице Сети I, 1350 г. до н. э., и знаки на куклах вместе с фрагментами человеческой кожи с такими же знаками – все это относится к периоду сильного влияния Ливии.

Самый распространенный знак тату в современном Египте – диск с лучами, изображающий солнце, на многих татуировках – три точки, расположенные как вершины треугольника, – это часть иероглифического символа краски для глаз. Также известно, что «более простые и строгие геометрические знаки современной египетской татуировки родственны тем, что преобладали в Северной Африке, а более сложные, к примеру минареты и лев с мечом, были позаимствованы у восточных источников».

Краска, как снадобья и косметика, в додинастическом Египте использовалась широко: «В ритуалах есть частые упоминания зеленой краски – еще в текстах пирамид, – и уверенность в защитных и целебных свойствах краски была чрезвычайно высока». Самые ранние женские фигурки окрашены в красный цвет. Покрытие каменных статуй красной охрой, чтобы сделать их похожими на живые, было модным в Египте до 1000 г. до н. э. А когда жители начали верить в человеческих существ, живущих в камне, независимо от того, вырезана из него статуя или нет, применять красную краску стали еще чаще. Лицо мумии Рамзеса V было покрыто ею, как часть бинтов мумии Саптахы. Лица мумий многих жрецов Двадцать первой династии были покрыты красной краской. Египтяне, заботившиеся о совершенствовании всех средств, касающихся сохранения тел умерших для будущей загробной жизни, верили в жизненную силу красной краски и ее способность предотвратить высыхание тела.

Во всем мире практики татуировки, окрашивания и шрамирования ассоциируются с такими жизненно

важными понятиями, как половая зрелость, брак и плодовитость женщин. Образ богини-матери есть в мифах многих народов, но только в Египте существует связанный с этим образом обычай: вместе с умершим должна быть похоронена и женская фигурка – иногда ее называют «Великая мать», – на которой имеется точно такой же знак, что и на теле усопшего. Этот пример, а также обнаруженные исследователями красные женские статуэтки и татуировка на женских фигурках из Накада и Балласа указывают на то, что в Египте с додинастических времен до 2000 г. до н. э. знаки на теле напрямую были связаны с культом плодородия. Если эта гипотеза верна, то становятся ясны и причины таких явлений, как пищевые ограничения, изоляция и ритуалы, сопровождающие достижение девочкой половой зрелости.

Факты, относящиеся к применявшимся в Египте татуировке и окрашиванию тела, настолько важны, что представляется целесообразным кратко их повторить.

1) Распространенность в додинастические времена женских статуэток – причем женщины изображены тучные, – покрытых красной охрой, на которой видны более темные отметины (датируются до 4000 г. до н. э.; на раскопках стоянок палеолитического человека в Европе встречаются аналогичные экземпляры).

2) Костяные женские фигурки Первой и Второй династий с темными круглыми знаками на животе и лобке.

3) Женские статуэтки из Накады и Балласа (3000 г. до н. э.): нанесенные краской и татуированные знаки – антилопа и зигзаги: антилопа может быть тотемной эмблемой, а зигзаг, позднее ставший иероглифическим символом воды, вероятно, означал плодородие и возрождение.

4) Татуированная кожа с ромбовидными фигурами, аналогичными тем, что имеются на женских статуэтках (2000 г. до н. э.).

5) Символы богини Нейт, вытатуированные на фигурах ливийцев, изображенных на стене гробницы Сети I (1300 г. до н. э.).

6) Татуировка Аменофиса (Аменхотепа) и его царицы с именем бога Атона.

7) Использование красной краски для покрытия лиц умерших и окрашивания статуй, дающих жизнь.

Миграция. Самые ранние из известных татуировок в Египте – те, что видны на фрагментах человеческой кожи и на куклах, – датированы 2000 г. до н. э. С этого времени Египет поддерживал связь с Критом, Грецией, Ассирией, Персией, Аравией и Суданом, что способствовало быстрому распространению татуировки по всему свету. Она добралась даже до Шотландии, к пиктам, в Южный Китай, где первые практики датированы 1100 г. до н. э., а японцам стала известна за несколько столетий до начала христианской эры. С Японских островов татуировка вполне могла попасть на Камчатку и в северную часть Сибири, где чукчи практиковали тату прокалыванием. На Формозе, Филиппинах, Борнео и в Микронезии тату появилось как особый знак в связи с таким явлением, как охота за головами. Шаны – практикующий татуировку народ, дом которого около 2000 г. до н. э. находился в Южной Сибири. В XIII в. до н. э. они занимали долину Юнг-Чанг, откуда мигрировали в долину Ираватти, установив контакт с бирманцами.

Полинезийцы, безусловно, сыграли важнейшую роль в распространении татуировки, связав ее с религиозными верованиями и культурами плодородия, а затем развив гeraldическую составляющую практики (особенно в Новой Зеландии).

Кристиан утверждает, что на Маркизских островах знаки тату имеют случайный характер и напоминают иероглифическую систему, толковать которую умели только тагуна – жрецы, которых почти не осталось. Перси С. Смит уверен, что исконный полинезийский род можно проследить в Индии, откуда миграция началась в 450 г. до н. э. Коуван приводит фотографии маори семитского типа, и вполне может статься, что полинезийцы прибыли из такого расположенного далеко на западе региона, как Персидский залив. У дравидийских племен Бенгалии и Оуда нанесение тату связывалось с верованиями, касающимися доступа в рай и плодовитости женщин. Возможно, полинезийцы заимствовали и развили эти верования во время своего продвижения в Тихий океан. О практике татуировки у полинезийцев на острове Яве в течение века после 65 г. до н. э. свидетельств нет. Но этот остров 600 лет находился под влиянием мусульман, запрещавших татуировку. В 600 г. полинезийцы

жили на Тонга и Самоа, где тату практиковалось очень широко, и при движении туда миграционные потоки коснулись Борнео, юго-востока Новой Гвинеи и архипелага Бисмарка. В этих местах татуировка прочно ассоциируется с табу и ритуалами при подготовке девушки к браку, а на архипелаге Бисмарка и Соломоновых островах существует еще вместе с окрашиванием и шрамированием ожогами. На Гавайях полинезийцы обосновались примерно в 650 г., хотя периодически добирались до этих островов с Борнео еще в 450 г., а на Маркизских островах – несколькими десятилетиями позже. Здесь татуировка оказалась тесно связанной с геральдикой, социальным статусом и, возможно, религиозными символами. Новую Зеландию полинезийцы заняли в XIV в. (начали посещать в 850 г.). Здесь распространилась татуировка моко, тесно связанная с табу и ритуалами. Полинезийцы принесли татуировку на восток до Туамоту и острова Пасхи. Согласно работам Бичи (1825) и Роггевина (1722), женщинам острова ее делали в форме темно-синих бриджей – как у маори. Соблюдение точности татуировки на острове Пасхи было очень важным, и ее проверял сам араки (вождь): одних людей – с «правильной» татуировкой – отправлял стоять на одном холме, других – с «плохой» – на тот холм, где над ними смеялись.

Перри предполагает перенос комплексной культуры раннединастического Египта через Тихий океан в Америку. «Переносчиков» культуры он назвал «Детьми солнца». Они были ответственны за передачу таких жизненно важных искусств цивилизации, как строительство домов из камня, ирригация, поклонение солнцу и многое другое. Перри отмечает неутомимые поиски этими людьми живительных субстанций, среди которых были и раковины-жемчужницы. Если согласиться с этой гипотезой, носители «архаичной цивилизации» могли быть ответственны и за перенос искусства татуировки через районы ловли жемчуга.

В результате полинезийской миграции, которой способствовала ловля жемчуга, или других перемещений, искусство татуировки пересекло весь Тихоокеанский регион от атоллов Туамоту до островов Гилберта и от Гавайев до Самоа – базы полинезийцев. Наблюдатель, проживший на Фиджи двадцать лет, указал на важность проводимых там ритуалов, связанных с татуировкой женщин. Подробности, которые сообщил очевидец, полностью совпадают с теми, которые известны о татуировке в других частях Тихого океана. К заявлению Брюстера (ссылающегося на своего местного информатора), что татуировка на Фиджи существовала и до появления полинезийцев, следует, видимо, отнестись с осторожностью.

Перемещение искусства татуировки на Американский континент заслуживает отдельного рассмотрения. Льюис Спенс утверждает: «Корни религии Мексики и Перу могли быть только местными». Правда, он тут же добавляет, что существуют многочисленные легенды, одинаковые у мексиканцев и перуанцев, – о белых и бородатых людях, пришедших издалека, которые якобы и основали американские цивилизации. Красная краска на лицах перуанских мумий, синие татуировки прокалыванием на них, церемониальное шрамирование и окраска в религиозных обрядах ацтеков и майя, татуировка ацтеков – все это действительно указывает на аналогичные практики, применяемые в Старом Свете. Решить, что цивилизации Мексики и Перу возникли спонтанно, легко отмахнувшись от легенд о европейских «пришельцах», думается, было бы действительно слишком просто.

Оппонент теории распространения искусства татуировки в Америке полинезийцами может возразить, что практика могла попасть туда с северо-запада – с Аляски. Эскимосы татуировали у своих женщин подбородки, жаловали почетные знаки успешным китобоям и окрашивали лица красной краской, когда готовились к опасной морской охоте или трудному путешествию. Они могли перенять практику у чукчей, живших на противоположном берегу Берингова пролива. Татуировка синих знаков перешла вместе с другими аспектами эскимосской культуры, и о ней знали в Гренландии еще во времена Дэвида Кранца (1750 г.). Но практика тату, равно как и окрашивания тела, играла очень важную роль в жизни племен Северной Америки, и трудно предположить, что такое большое разнообразие связанных с ней техник, ритуалов и табу было перенято у эскимосов, сохранивших только два применения татуировки, без сопровождающих ритуалов.

В пользу гипотезы о том, что татуировку прокалыванием в Северную Америку распространили полинезийцы, можно сказать следующее: расстояние от Гавайев до Ванкувера или до Сан-Франциско соответственно 2400 и 2100 миль. Путешествие от острова Пасхи до берегов Перу или Чили почти

такое же, как от Гавайев до Калифорнии. Ветра и течения неблагоприятны для обоих маршрутов, и, если речь идет о расстояниях, ничто не способствует выбору южного или северного маршрута. Полинезийцы были на Маркизских островах и острове Пасхи в конце VII в. Время основания империи инков относят к 1100 г., а до нее существовала доинковская цивилизация, причем достаточно долгое время, чтобы практика тату успела достичь берегов континента и развиться до такой степени, которую нам описали испанские конкистадоры. Цивилизация майя процветала в VII в. 1376 г. – примерно за век до завоевания испанцами Мексики – самая ранняя документально подтвержденная дата ацтекской цивилизации. Татуировка, окрашивание и шрамирование на Юкатане описаны в испанских манускриптах конца XV – начала XVI в. Археологические свидетельства подтверждают существование там тату за несколько веков до вторжения испанцев. Полинезийцы прибыли на Гавайи в 450 г., двумя веками позже имела место колонизация островов, иными словами, времени было достаточно, чтобы практика татуировки достигла тихоокеанских берегов и впоследствии продвинулась в глубь континента к культурным центрам восточной части Северной Америки. Расстояние от Гавайев до побережья Северной Америки – 2000 миль, но его при благоприятных условиях можно преодолеть в небольшой открытой лодке (удалось же это капитану Блау, высаженному на лодку мятежниками Баунти). Внедрение практики татуировки на побережье Тихого океана вовсе не обязательно требовало высадки больших групп людей – целых племен или народов. Нескольких искусно татуированных моряков вполне достаточно, чтобы вызвать интерес к практике, которая, ввиду своей привлекательности и миграционных привычек равнинных индейцев, могла очень быстро пересечь континент.

Миграции с острова Пасхи в Перу возможны. Хорошо известны мегалитические памятники на острове. Хирам Бингам утверждает, что рассказ капитана Кука об имеющихся там каменных руинах вполне применим к хорошо подогнанным мегалитическим конструкциям Верхнего Перу. Ввиду древности практики тату прокалыванием, ее географической, социальной и психологической связи с другими культурными факторами и известной тенденции культур к продвижению сложными группами есть основания предполагать, что татуировка была привезена в Южную Америку с островов восточной части Тихого океана.

Заключение

Археологические и этнологические свидетельства означают, что самые древние практики нанесения знаков на тело – краска и шрамирование – существовали еще в доисторические времена. Жители Тасмании, миграции которых в южном направлении были очень древними, владели обеими техниками. То же самое можно сказать о негрито Андаманских островов, Филиппин, острова Целебес (Сулавеси) и Новой Гвинеи. Возможно, эти простые формы нанесения знаков на тело премещались вместе с искусством наскальной живописи и создания элементарных палеолитических форм орудий труда. Археологические свидетельства из Египта, касающиеся татуировки прокалыванием, являются самыми древними и имеют исключительную важность (знание о существовании тату в Египте в 2000 г. до н. э., а возможно, и до 4000 г. до н. э., дает хронологическую точку отсчета ее истории). А с учетом полинезийских миграций представляется в высшей степени вероятным, что знакомству с татуировкой прокалыванием жители Америки обязаны полинезийцам. Что же касается социально-психологической стороны вопроса, то татуировка в Древнем Египте была связана с такими понятиями, как культ плодородия, жизнь после смерти и социальный статус. Все это значительно повлияло на практики татуировки и связанные с ними верования и ритуалы во всех частях света.

Однако неужели только с Египтом связаны главные ступени развития распространившегося по всему миру искусства нанесения знаков на тело человека? Так, археологические раскопки на Дальнем Востоке ведутся не так давно, но уже ученым стало известно о том, что татуировка существовала в 1100 г. до н. э. на юго-востоке Китая, а японская техника татуировки намного превосходит египетскую. Возможно, дальнейшие раскопки в Китае и Японии преподнесут ученым много «сюрпризов» и кардинально изменят их взгляды. Кроме того, так и остались нерешенными многие вопросы, поставленные исследователями тату, например: если знаки на теле действительно были так важны в

Египте, как предполагают археологические свидетельства, разве не странно, что египетские тексты ничего не говорят о необходимости татуировки? И почему в них не упоминается о тату женщин, достигших половой зрелости, – одного из главных аспектов этой практики; может быть, в имеющихся на египетских женских статуэтках и коже мумий знаках содержится напоминание о некогда важной процедуре, от которой люди отказались в додинастические времена Египта, передав практику семитам Персидского залива или Северной Индии, уже тогда называвшимся полинезийцами, которые, в свою очередь, распространили ее на другие страны?

Таким образом, современным исследователям предстоит открыть еще немало тайн, связанных с историей татуировки.